

1185
К. В. ХАРЛАМПОВИЧЪ.

АРХИМАНДРИТЪ МАКАРІЙ ГЛУХАРЕВЪ.

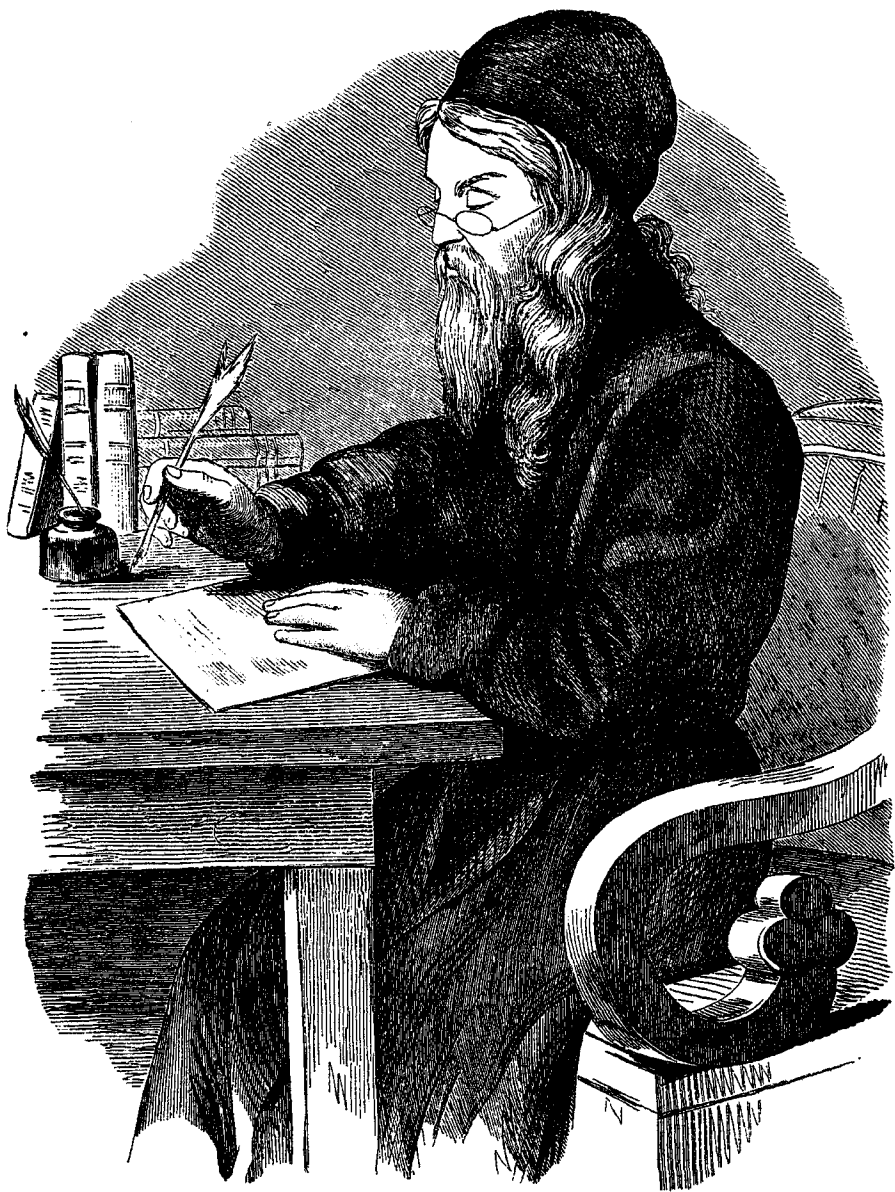
По поводу 75-лѣтія алтайской миссіи.

Съ портретомъ и факсимиле Макарія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.

1905.

Александръ русскій Макиевъ

Архимандритъ Макарій Глухаревъ.

По поводу 75-лѣтія алтайской миссиі *).

ИМЯ архим. Макарія Глухарева, магистра II курса С.-Петербургской дух. академіи, трижды появлялось на страницахъ академическаго журнала: въ 30-хъ годахъ какъ автора миссіонерскихъ записокъ, въ 1872 г. какъ переводчика на русскій языкъ книгъ Свящ. Писанія (въ статьѣ И. А. Чистовича) и въ 1884 г.—какъ основателя алтайской миссиі (въ статьѣ П. Сумарокова). Но ни этими, ни многими другими матеріалами и статьями, особенно умножившимися въ 1892 г., когда праздновался столѣтній юбилей со дня рожденія архим. Макарія,—его личность и дѣятельность не выяснялись вполнѣ и во всѣхъ деталяхъ. Вѣроятно, потому покойный профессоръ С.-Петербургской академіи прот. П. Ѳ. Николаевскій въ 1893 г. предложилъ для кандидатской работы біографію архим. Макарія. Тему эту взялъ и очень хорошо выполнилъ П. В. Птоховъ, нашедшій много новыхъ документовъ и послѣ напечатаній свое сочиненіе въ „Православномъ Благовѣстникѣ“ за 1898 г. (и отдѣльно—1899 г.). Вотъ, кажется, все, чѣмъ отозвалась с.-петербургская академія на запросы исторіи о жизни и дѣятельности одного изъ луч-

*) Сейчасъ ниже въ статьѣ: „Архим. Макарій Глухаревъ“ опредѣлено отношеніе къ нему „Христіанскаго Читенія“ въ прошломъ. дающее повидимому мѣсто для него и въ настоящемъ. Къ этому добавлю, что появленіе статьи благовременно теперь именно—послѣ выхода въ свѣтъ новаго изданія писемъ архим. Макарія (многихъ—впервые), освѣщающихъ съ всѣхъ сторонъ его жизнь и дѣятельность и вносящихъ дополненія и исправленія по многимъ пунктамъ его біографіи, и предъ имѣющимъ исполниться 7 сент. сего года 75-ти-лѣтіемъ алтайской миссиі, трудами этого лица такъ поставленной, что ее по справедливости считаютъ образцомъ для прочихъ миссиі. Благодаря открытымъ мною неизданнымъ письмамъ архим. Макарія, письмамъ къ нему многихъ лицъ

шихъ своихъ питомцевъ. Начатыя академіей собраніе и разработка матеріаловъ для своей собственной исторіи побуждаютъ посвятить нѣсколько страницъ и архим. Макарію Глухареву, связанному съ академіей не только высшимъ своимъ образованіемъ. Вновь же открытая часть обширной переписки этого замѣчательнаго дѣятеля позволяетъ сказать о немъ и нѣчто новое¹⁾.

I.

Жизнь и дѣятельность архим. Макарія до отправленія въ Сибирь на проповѣдь.

Какъ ни странно, доселѣ не былъ точно извѣстенъ даже день рожденія архим. Макарія. Большинство его биографовъ относятъ это событіе къ 8 ноября 1792 г., а священникъ І. Герболинскій²⁾ и г. Птоховъ—къ 8 ноября 1791 г.³⁾ И только А. А. Орловъ, келейникъ о. Макарія, назвалъ правильную дату—30 окт. 1792 г.⁴⁾ Что послѣдняя дата и есть настоящая, видно изъ документальной справки, сообщенной 19 іюля 1817 г. М. Глухареву его отцомъ. „Рожденіе жь твоє 1792 года октября 30-го числа съ утра въ 10-мъ часу. Преображенской священникъ Іоаннъ Ивановъ Подчениновъ крестилъ. Восприемники: уѣзднаго казначейства булгалтеръ Михайль Григорьевъ Жуковъ да купецкая жена Θεодосія Алексѣева Волоченинова... Тебѣ заподлинно нынѣ 25-ть лѣтъ, ежели Господь благословить, окончится“⁵⁾. Вѣроятно, эта

и нѣкоторымъ официальнымъ документамъ, я полагаю, составленный мной биографическій очеркъ представить нѣчто новое и интересное даже для тѣхъ читателей „Христіанскаго Чтенія“, которые уже знакомы съ личностію и дѣломъ о. Макарія. Особую цѣну я придаю V-й главѣ своей работы, которая сообщаетъ новыя данныя учено-литературнаго характера и представитъ интересъ для будущаго историка С.-Петербургской академіи и пособіе для новаго „Обзора русской дух. литературы“, если архіеп. Филаретъ черниговскій найдетъ подражателей когда-либо.

Авт.

¹⁾ Вновь найденныя письма напечатаны въ новомъ, казанскомъ изданіи „Писемъ архим. Макарія Глухарева“ (1905). Переписка о. Макарія (письма его и къ нему) хранится въ библиотекѣ казанской д. семинаріи.

²⁾ „Воспоминаніе о покойномъ архимандритѣ Макаріѣ Глухаревѣ“ (Странижкѣ, 1861 г., май, 233, прим.).

³⁾ „Архим. Макарій“ (М., 1899), 6, прим.

⁴⁾ „Краткія записки изъ жизни покойнаго архим. Макарія“ (напечатаны въ Сборникѣ историческихъ матеріаловъ о жизни и дѣятельности настоятеля болховскаго Троицкаго Оптина монастыря, о. архим. Макарія Глухарева. Орелъ, 1897 г.).

⁵⁾ Письма къ М. Глухареву, студенту петербургской академіи, его отца, въ числѣ четырехъ, напечатаны нами въ приложеніи къ статьѣ:

справка понадобилась потому, что академическій аттестатъ М. Глухарева, вслѣдъ за семинарскимъ, допустилъ большую ошибку въ опредѣленіи его возраста. именно увеличивъ на два число его лѣтъ. И это показаніе оффиціальнаго документа отразилось на формулярныхъ отмѣткахъ возраста о. Макарія, даже писанныхъ его рукою. Такъ, собственноручно писанная имъ „Вѣдомость о настоятеляхъ болховскаго троицкаго оптина монастыря“ за 1844 г. даетъ ему 54 года (вмѣсто 52 съ небольшимъ). А въ одномъ письмѣ къ какому-то о. Іакову, отъ 9 дек. 1835 г., когда о. Макарію было 43 г., онъ приписываетъ себѣ 46 лѣтъ („Письма“, стр. 315). Впрочемъ, о. Макарій не всегда забывалъ, сколько ему лѣтъ въ дѣйствительности¹⁾...

Родился Михаилъ Глухаревъ (таково было мірское имя архим. Макарія) въ г. Вязьмѣ смол. губ. отъ священника богоявленской церкви Іакова Глухарева и его жены Агаеи Теодоровны. О. Іаковъ получилъ полное семинарское образованіе и изъ тогдашняго духовенства выдѣлялся своими нравственными качествами; у прихожанъ и горожанъ пользовался любовью и уваженіемъ, которыя заслужилъ между прочимъ своей благотворительностью. Извѣстенъ онъ былъ и своей проповѣднической дѣятельностью. Насколько онъ интересовался этой стороной пастырскаго служенія, видно изъ того, что въ одномъ письмѣ къ сыну Михаилу просить прислать проповѣди (думается, студенческія проповѣди самого Михаила), а въ другомъ высказываетъ сожалѣніе, что въ смоленской семинаріи въ философскомъ отдѣленіи, гдѣ учился младшій сынъ Алексѣй, за весь годъ студентамъ не назначили ни одной проповѣди. Нѣтъ сомнѣнія, что и широкую благотворительность и любовь къ проповѣди архим. Макарій унаслѣдовалъ отъ своего отца... А какова была мать его, видно изъ одной строчки письма къ нему о. Іакова: „Мать приказывала: дѣтей не бей. Они умны будутъ. Богъ съ ними!“...

Такіе родители не могли не оказывать самого благотворнаго вліянія на нравственное воспитаніе своихъ дѣтей, о чемъ свидѣтельствуетъ и самъ архим. Макарій. Въ написанномъ имъ „Поминовеніи преосв. Іова“ (архіепископа екатеринославскаго), представляющемъ по содержанию и по изложенію его исповѣдь, своимъ тономъ напоминающую Confessio-nes блж. Августина,—архим. Макарій коснулся той заботливости, съ какою его мать слѣдила за направленіемъ его душевной жизни. „Я помню самыя первыя ко грѣху поползновенія моего отрочества, и не помню ни одного изъ грѣ-

„Архим. Макарій Глухаревъ и его отношенія къ роднымъ“ (Смолен. Епарх. Вѣд., 1904, №№ 10—16).

¹⁾ См. свидѣтельство прот. С. В. Лялдышева, „Миссіонеръ“, 1877, 42 и прим.

ховъ моихъ, отъ котораго Ты (Господи) не отвлекалъ меня стыдливостію, безпокойствомъ души, внѣшними наставленіями, увѣщаніями и наказаніями, и сильными извѣщеніями и страхованіями внутренними... Но какъ только настала бурная юность, вѣтры страстей завыви, вихорь разсѣянія нашель, налегла сила примѣра, свѣтъ истины во мглѣ вольнодумства сокрылся, надулся потокъ нечестія, воскипѣли волны похотей, разжигаемыхъ огнемъ гienскимъ, размыли и разрушили твердыни и естественной честности, и воспитанія благочестиваго, и благодати... Съ 17 года жизни началъ я окаянный погрязать въ тинѣ сладострастія самаго грубаго, осквернять храмъ Твой, Душе Святой, истощалъ крѣпость души и тѣла, расточалъ богатство дарованій твоихъ, Отче небесный, въ блудодѣяніи... Мать моя (даруй ей, Господи, царство небесное), еще въ дѣтствѣ моемъ скончавшаяся, уже предчувствовала главную страсть моей юности, и прещеніемъ клятвы желала внушить мнѣ ужасъ и отвращеніе къ ней. За нѣсколько дней предъ тѣмъ, какъ грѣхъ въ первый разъ содѣянный породилъ смерть, и въ тотъ именно день, какъ похоть заченши родила грѣхъ, сестра моя напомнила мнѣ о семъ проклятій матернемъ“... И хотя оно не спасло Михаила отъ грѣха, все же „какъ тяжкій камень на сердцѣ его, жгло и опаляло душу его, какъ огонь правды или какъ молнія во мракѣ noctномъ, сверкало въ умѣ его, покрытомъ густою тьмою, и ужасало его“¹⁾...

Характеръ нравственныхъ наставленій отца проявился отчасти въ его письмахъ къ сыну-студенту академіи. Онъ здѣсь совѣтуетъ „другу своему Михаилу“ питать по отношенію къ своему начальству и товарищамъ чувства уваженія, смиреннаго уничиженія и услужливости, ибо только смиреніе возносить. Къ экзаменамъ отецъ рекомендуетъ готовиться покаяніемъ и молитвой. „Міра не любви, плоти не угоди“, наставляетъ онъ сына, и особенно отвращаетъ отъ знакомства съ спиртными напитками, позволяя выпивать только по рюмкѣ краснаго вина или пить его съ чаемъ. „Я знаю, писалъ отецъ, что сложеніе твое пылкое: побережешь себя—поживешь“. Каковъ былъ о. Іаковъ по представленію своего старшаго сына и какое нравственное вліяніе имѣлъ на него, видно изъ письма послѣдняго къ брату отъ 22 ноября 1827 г. съ благородностію за присылку портрета умершаго отца: „Какое вы подаркомъ симъ утѣшеніе и пользу мнѣ сотворили, душа моя знаетъ и чувствуетъ, а слово не можетъ довольно выразить. Благодарю сердечно и почтеннаго живописца, искусствомъ своимъ сохранившаго для сладчайшихъ воспоминаній сіи черты неизмѣннаго праводушія, общаго всѣмъ доброжелательства, вѣры и упованія на Промысль Божій, и христіанскаго мужества, толпкими скорбями

¹⁾ „Поминовение“ напечатано въ „Письмахъ“ 1905 г., стр. 29. 30.

искушеннаго и побѣдившаго плотъ, міръ и діавола силою Божіею. Сіе священное для насъ изображеніе обличаетъ во мнѣ все низкое и нечистое, и внушаетъ мнѣ священныя чувствованія и помышленія, поощряетъ меня къ труду, успокоиваетъ меня въ смущеніи, разгоняетъ туманъ унынія“ („Письмо“, стр. 12).

Въ родной семьѣ Михайль Глухаревъ получилъ и первоначальное образованіе. Имъ занялся отецъ и велъ его такъ успѣшно, что Михайль семи лѣтъ могъ дѣлать переводы съ русскаго языка на латинскій. На восьмомъ году онъ поступилъ въ школу, но съ послѣдней у него связалось тяжелое воспоминаніе. Однажды суровая угроза учителя заставила его возвращаться домой съ плачемъ. Это было зимой, онъ простудился, прохворалъ полгода и у него на всю жизнь ослабѣли грудь и голосъ. Впослѣдствіи, когда Михайль учился уже въ академіи, отецъ особенно совѣтовалъ ему беречь здоровье и не „ретивиться“ въ наукахъ: „безъ здоровья ученіе ничто“, писалъ онъ: „младость побережешь—старость наживешь“.

Послѣ грубой, хотя и обычной въ то время выходки въземскаго педагога, отецъ М. Глухарева отдалъ сына 1 сентября 1800 г. въ смоленскую духовную семинарію, и онъ такимъ образомъ вышелъ изъ непосредственнаго вліянія семьи. Нѣтъ нужды говорить, какъ далеки были отъ педагогическаго идеала духовныя школы того времени. Въ частности о смоленской семинаріи можно найти любопытныя страницы въ книгѣ г. И. Сперанскаго ¹⁾. Можно однако думать, что М. Глухаревъ былъ помѣщенъ не въ общежитіи, а на частной квартирѣ въ домѣ какого-нибудь благочестиваго семейства, которое могло умѣрить всю силу вреднаго вліянія на мальчика дурного товарищества и школьной обстановки.

Въ Смоленскѣ М. Глухаревъ учился до 1813 г., когда долженъ былъ закончить полный семинарскій курсъ. Въ сущности ученіе прервалось раньше: по случаю наполеоновскаго нашествія семинаристовъ распустили по домамъ 11 іюля 1812 г. ²⁾. Вновь началось ученіе только въ первыхъ числахъ сентября 1813 г., но уже 16 числа М. Глухаревъ былъ назначенъ учителемъ латинской информаторіи, т. е. того класса, въ которомъ изучались этимологія латинскаго языка, правописаніе и чистописаніе. Изъ семинаріи М. Глухаревъ вынесъ знаніе языковъ латинскаго, французскаго, нѣмецкаго и еврейскаго, богословія, исторіи, географіи, ариметики, латинскаго и русскаго краснорѣчія. Вступая въ должность учителя, М. Глухаревъ имѣлъ уже за собою и нѣкоторый педагогическій опытъ. По закрытіи семинаріи въ 1812 г., онъ въ

¹⁾ Очеркъ исторіи Смоленской семинаріи и подвѣдомыхъ ей училищъ (Смоленскъ, 1892 г.).

²⁾ И. И. Орловскій, Смоленская семинарія въ 1812 г. (Смол. Епарх. Вѣд., 1902, 751).

Тверской губернии обучалъ дѣтей одного помѣщика, вѣроятно изъ вяземскихъ, причемъ, вращаясь въ свѣтской средѣ, перенялъ тѣ свѣтскія манеры и ту благовоспитанность, которыми послѣ выдѣлялся изъ толпы товарищей-студентовъ петербургской академіи.

Учителемъ информаторскаго класса М. Глухаревъ былъ недолго, и, по свидѣтельству аттестата, „въ сей должности находясь, исправляя оную препохвально и вель себя по жизни честно“; вмѣстѣ съ другими учителями сказывалъ положенныя проповѣди. Когда, по синодальному указу 22 мая 1814 г., потребовались и изъ Смоленской семинаріи студенты для образованія второго курса Петербургской академіи, то 4 августа, по резолюціи смоленскаго пресвященнаго, вмѣстѣ съ студентомъ Захаріей Смирягинымъ былъ отправленъ и учитель Глухаревъ, причемъ правленіе семинаріи на экипировку ихъ и путевые расходы издержало 565 р. 30 к.

Къ концу августа съѣхалось въ Петербургскую академію 47 человекъ и всѣ они, послѣ экзамена, произведеннаго 1—2 сентября, были приняты, хотя нѣкоторые изъ нихъ оказались недостаточно подготовленными. Въ дѣлѣ внутренняго правленія академіи за № 25 (1814 г.) имѣются записи студентовъ, желавшихъ изучать спеціальныя предметы. М. Глухаревъ записался на еврейскій языкъ (въ числѣ 18) и на исторію съ географіей (въ числѣ 34). Французскаго съ нѣмецкимъ онъ не пожелалъ изучать, — вѣроятно потому, что основательно зналъ ихъ; не записался онъ также на математику и физику, въ чемъ послѣ раскаявался. Поселенъ онъ былъ въ „камарѣ“ № 13.

Въ академіи М. Глухаревъ съ самаго же начала занялъ одно изъ видныхъ мѣстъ по благонравію и прилежанію. Въ ежемѣсячныхъ спискахъ, представлявшихся инспекторомъ академіи правленію, онъ фигурируетъ то на 7 мѣстѣ (считая 6 „старшихъ“) — въ числѣ студентовъ „поведенія и нравовъ очень хорошихъ“; то на 9 (считая 5 „старшихъ“), какъ человекъ „отлично прилежный, чистосердечный, молчаливый и кроткій“ (такъ аттестованы только двое); то 11, какъ „весьма кроткій и прилежный“; то 1-ое. Съ января 1815 г. по августъ онъ аттестуется какъ „отлично благонравный“ и въ годичной вѣдомости занимаетъ первое мѣсто¹⁾. Благодаря же своему прилежанію и дарованіямъ, Глухаревъ признается и со стороны преподавателей отлично успевающимъ и отмѣчается высшимъ балломъ. Только по греческому языку успѣхи его обозначены терминомъ *mediocriter* и онъ поставленъ седьмымъ отъ конца²⁾, быть можетъ потому,

¹⁾ „Внутренняго правленія дѣло по запискамъ инспектора академіи архим. Филарета о поведеніи студентовъ академіи. № 15. 1814“. Филарета-Амфитеатрова.

²⁾ *Птоховъ П. В.* Архим. Макарій (Глухаревъ), основатель алтайской миссіи (М. 1899), 13.

что греческаго языка въ семинаріи онъ не изучалъ. Особенно хороши были письменныя работы М. Глухарева, вызывавшія одобреніе даже со стороны такого строгаго критика, какимъ былъ ректоръ архим. Филаретъ (Дроздовъ): его „прекрасно“, „превосходно“ очень часто встрѣчаются на академическихъ сочиненіяхъ Глухарева, хранящихся донинѣ въ бібліотекѣ московской дух. академіи ¹⁾. Общій же итогъ занятій М. Глухарева за всѣ три года академической жизни ²⁾ выразился въ томъ, что онъ окончилъ курсъ (18 іюля 1817 г.) 10-мъ магистромъ. Правда, существуетъ преданіе, по которому за М. Глухаревымъ профессорами было признано первое мѣсто, но въ конференціи превозмогла мысль ректора Филарета, который, развивая въ немъ смиреніе, полагалъ за лучшее понизить его въ спискѣ студентовъ ³⁾.

Такъ это или нѣтъ, взаимныя отношенія ректора архим. Филарета и студента М. Глухарева заставляютъ остановиться на нихъ подольше, потому что они глубоко отразились на послѣднемъ и прошли красной нитью чрезъ всю его жизнь. Благочестивый, скромный и благовоспитанный и въ то же время крайне живой, подвижной и нѣсколько восторженный ⁴⁾, М. Глухаревъ сразу привлекъ къ себѣ вниманіе ректора Филарета, который съ своей стороны произвелъ такое сильное впечатлѣніе на юношу, что всецѣло покорилъ его себѣ. Самъ Глухаревъ послѣ сознавался, что съ поступленія своего въ академію отдалъ свою волю ректору Филарету; ничего не дѣлалъ и не начиналъ безъ его совѣта и благословенія и почти ежедневно исповѣдывалъ ему свои помыслы. Какъ-то, нуждаясь въ деньгахъ, М. Глухаревъ вздумалъ продать бывшій у него рѣдкій и дорогой экземпляръ еврейской Библии съ нѣмецкимъ переводомъ, съ тѣмъ, чтобы купить изданіе подешевле. Но, спрошенный о совѣтѣ, Филаретъ не благословилъ этой операціи. Тѣмъ не менѣе Глухаревъ, спустя нѣкоторое время, уже предъ самымъ выходомъ изъ академіи, продалъ Библию на базарѣ. Но этотъ поступокъ подвергъ его такимъ мученіямъ совѣсти, не дававшимъ ему покоя ни днемъ, ни ночью,—что онъ отправился искать свою книгу. Не найдя ее, купилъ Библию дру-

¹⁾ *Филимоновъ Д. Д.* Матеріалы для біографіи основателя алтайской миссіи архим. Макарія (М. 1892), 6, прим.

²⁾ Почему курсъ продолжался три года, выяснено у *И. А. Чистовича* въ *Исторіи Спб. дух. академіи* (1857), 267—271.

³⁾ „Странникъ“, 1860, августъ, 59. Чистовичъ выражается неопредѣленно: „Какія то предубѣжденія противъ него, возникшія до окончанія имъ академическаго курса, были причиной, что онъ не былъ оставленъ при академіи“ („Христ. Чтеніе“, 1872, III, 4).

⁴⁾ Такимъ М. Глухаревъ рисуется въ воспоминаніяхъ одного его академическаго товарища („Миссіонеръ“, 1874, 6; ср. *И. А. Чистовичъ*, *Исторія перевода Библии на русскій языкъ* („Христ. Чт.“, 1872, III, 4).

гого, не менѣе рѣдкаго изданія, съ которой уже никогда не разлучался ¹⁾).

Ректоръ Филаретъ старался не только обуздать въ М. Глухаревѣ своеволіе, но и смягчить и сгладить нѣкоторые недостатки его характера—вспыльчивость, раздражительность, нетерпѣливость и развитыя противоположныя имъ качества—терпѣніе, кротость, смиреніе. Этому ректоръ достигалъ строгимъ, даже жесткимъ отношеніемъ къ разнымъ промахамъ и оплошностямъ Глухарева,—суровыми взысканіями, сильными выговорами, отказами и намѣренной медлительностью въ исполненіи его желаній.—Полагаютъ, что М. Глухаревъ, благодаря Филарету, не увлекся тѣмъ мистицизмомъ, который тогда былъ моднымъ направленіемъ въ Петербургѣ и проникъ даже въ стѣны духовной академіи. Мистическія идеи объ озареніи отъ св. Духа, о возрожденіи и преобразованіи по внутреннему челоуѣку до обожествленія или точнѣе до полного слиянія съ Божествомъ, не чужды были благочестивой душѣ М. Глухарева, искавшей нравственнаго совершенства, и онъ усердно читалъ Іоанна Аридта и другихъ европейскихъ мистиковъ. Склоненъ былъ къ мистицизму и Филаретъ, но онъ ясно понималъ различіе между современнымъ ему религіознымъ направленіемъ, отрицавшимъ обрядовую внѣшность, догматы и самую церковь, и святоотеческимъ мистицизмомъ. На это различіе онъ указалъ и Глухареву и тѣмъ спасъ его отъ увлеченія первымъ. Повліяло впрочемъ на него и посѣщеніе дома Татариновой, гдѣ ему пришлось къ своему ужасу видѣть, какимъ дикимъ способомъ мистики возбуждали въ себѣ духа... Но слѣды западно-европейскаго мистицизма остались въ М. Глухаревѣ на всю жизнь. Книгу Аридта „Объ истинномъ христіанствѣ“ онъ считалъ лучшимъ твореніемъ, самъ читалъ съ охотой и другимъ рекомендовалъ. („Письма“, 266. 526). Затѣмъ онъ сохранилъ ту широту религіознаго сознанія, которая позволяла ему видѣть братьевъ во Христѣ въ представителяхъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, молиться въ Екатеринославѣ съ квакерами и мечтать объ устройствѣ въ Москвѣ храма съ тремя придѣлами—для православныхъ, католиковъ и лютеранъ.

Еще въ академіи М. Глухаревъ задумалъ принять монашество. Могъ тутъ вліять на него ректоръ Филаретъ, а могъ и самъ онъ придти къ этой мысли. Его отецъ, которому онъ за три мѣсяца до окончанія курса сообщилъ условно о своемъ намѣреніи, отвѣтилъ ему 19 іюля 1817 г. согласіемъ, причемъ предварекъ ему имя—Мелхиседекъ. Въ монашествѣ о. Іаковъ видѣлъ „первоначальное въ свѣтѣ званіе“... Но Михаилъ колебался. Такъ какъ въ монашествѣ онъ надѣялся найти помощь въ борьбѣ съ плотскими вожде-

¹⁾ „Миссіонеръ“, 1877, стр. 29, 30.

лѣніями, о напорѣ которыхъ онъ говоритъ въ своей исповѣди, то ему представлялось и другое орудіе для этой борьбы—женитьба. Съ такой раздвоенностью въ мысляхъ и желаніяхъ онъ окончилъ академію и въ сентябрѣ 1817 г. прибылъ въ екатеринославскую духовную семинарію, въ которую былъ назначенъ инспекторомъ и учителемъ церковной исторіи и нѣмецкаго языка. Въ Екатеринославѣ онъ не скрывалъ своего намѣренія жениться и ему даже сватали одну „достойнѣйшую дѣвицу“. Но его не влекло къ себѣ то общество, среди котораго онъ вращался, а затѣмъ два вѣщія сна, которымъ М. Глухаревъ придавалъ обыкновенно большое значеніе, повліяли на него такъ, что 29 янв. 1818 г. онъ подалъ мѣстному преосвященному прошеніе о постриженіи.

Екатеринославскую кафедру занималъ тогда (съ 1812 г.) архіеп. Іовъ Потемкинъ¹⁾, двоюродный внукъ знаменитаго временщика, обладавшій характеромъ властнымъ и суровымъ. По изображенію прот. І. Герболинскаго, „видъ и взглядъ его былъ суровъ, глаза затѣнялись густыми черными бровями, голосъ былъ сильный и рѣзкій, характеръ отъ природы чрезвычайно горячій и вспыльчивый, а потому при малѣйшей неисправности или сопротивленіи ему, онъ выходилъ изъ себя и дѣлалъ поступки самые неприличные, несмотря ни на какое время и мѣсто“. И по свидѣтельству о. Макарія, „въ епископскомъ служеніи Іова господствовала сила *яростная* (терминъ святоотеческій), отсѣкающая и сметающая всякую нечистоту, разрушающая всякое безчиніе и истребляющая всякое зло.—Отличительнымъ свойствомъ преосвященнаго въ управленіи и дѣйствіи на подчиненныхъ была строгость. Къ чему онъ ни прикасался по должности, все начинало горѣть, и горѣло, доколѣ не сгорало что-нибудь своевольное и беспорядочное. Гордость, которую иные уважаютъ въ другихъ, дабы и въ нихъ ее уважали, и которой начальствующие иногда не беспокоятъ въ подчиненныхъ, боясь сами беспокоиться, гордость въ церковникахъ была первымъ врагомъ его, съ которымъ онъ боролся всею крѣпостію своего духа.—Гнѣвомъ Божиимъ вооружаемъ былъ преосв. Іовъ противъ гордости своихъ подчиненныхъ“²⁾.

Тяжесть ударовъ архіеп. Іова М. Глухаревъ испыталъ лично на себѣ, ибо, по собственному сознанію, грѣшенъ былъ гордостью вообще и гордостью ученой... Вѣроятно, задатки этого порока лежали въ природѣ его и затѣмъ пустили

¹⁾ Род. въ 1752 г. въ смоленской губерніи. По окончаніи сухопутнаго корпуса, пренебрегъ карьерой и удалился въ Молдавію и тамъ подвижничалъ въ монастыряхъ.

²⁾ «Нѣкоторыя черты жизни покойнаго преосвящ. Іова, архіепископа екатеринославскаго, херсонскаго и таврическаго, собранныя и изложенныя... Димитріемъ Мизкомъ». Спб. 1826, 24, 27—29. Ниже увидимъ, что дѣйствительный авторъ этой книжки—архим. Макарій.

ростки подъ влияніемъ учебныхъ его успѣховъ и успѣховъ въ борьбѣ съ плотскими похотѣніями. Въ Екатеринославѣ же это чувство самоправедности и довольства собой возросло еще больше, благодаря служебному положенію и отношеніямъ. Когда М. Глухаревъ окончилъ академію, совершилъ преобразование по новому плану (1808 г.) части духовныхъ школъ, въ томъ числѣ екатеринославской семинаріи. Обновлялись штаты и на упразднившіяся въ послѣдней мѣста были назначены преподавателями четыре вновь окончившіе студента петербургской академіи: Глухаревъ, Кутузовъ, Наумовъ и Цвѣтковъ. Но первый кромѣ учительской должности получилъ инспекторскую, и ему, повидимому, было предоставлено введеніе въ семинаріи новаго устава: по крайней мѣрѣ, онъ именно говорилъ рѣчь при открытіи екатеринославской семинаріи въ преобразованномъ видѣ¹⁾. Затѣмъ въ томъ же сентябрѣ преосвящ. Іовъ опредѣлилъ М. Глухарева ректоромъ екатеринославскихъ уѣзднаго и приходскаго училищъ, въ каковомъ званіи онъ былъ утверждёнъ въ декабрѣ²⁾. Все это должно было очень поднять Глухарева въ собственныхъ глазахъ и способствовать развитію въ немъ гордости. Тому же содѣйствовали отношенія къ сослуживцамъ и учащимся.

Реформа мало измѣнила самый духъ заведенія. Въ семинаріи, несмотря на то, что большинство учителей были люди молодые, повидимому идеально настроенные, сохранилось старое, традиціонное отношеніе къ дѣлу—формально - равнодушное исполненіе обязанностей и интересъ къ увеличенію своихъ достатковъ, хотя бы на счетъ ученическихъ. Ректоръ архим. Никифоръ, изъ воспитанниковъ Екатеринославской же семинаріи, предъ назначеніемъ на эту должность (1816) былъ протопопомъ въ Новомосковскѣ. Это былъ человѣкъ стараго закала и строгій до несправедливости. Отъ него страдали всѣ подчиненные. Понятно, что М. Глухаревъ, съ его безкорыстіемъ, гуманностью, честностью долженъ былъ выгодно выдѣляться изъ числа всѣхъ своихъ сослуживцевъ. Мягкій по природѣ, онъ чуждался всякой грубости и въ свои отношенія къ воспитанникамъ ввелъ тонъ самый дружелюбный, самый сердечный. Ласка, обнадеживаніе, поощреніе, бесѣда на дому, снабженіе учащихся собственными книгами, деньгами и предоставленіе въ ихъ пользу съѣстныхъ припасовъ, какіе духовенство по старой памяти несло инспектору семинаріи,—все это расположило къ Глухареву семинаристовъ и заставило ихъ прощать ему его строгость и требовательность, которыя онъ одновременно проявлялъ къ нимъ. О

¹⁾ Рѣчь эта была вытребована въ Петербургъ, въ комиссію духовныхъ училищъ (*Филлимоновъ*, о. с., 8).

²⁾ Копія формулярнаго списка архим. Макарія за 1823 г. (изъ архива Костромской семинаріи). *Птоховъ*, о. с., 17.

любви и уваженіи къ М. Я. Глухареву екатеринославскихъ семинаристовъ свидѣтельствовали какъ они сами ¹⁾, такъ и разказъ его о томъ, какое участіе принялъ въ немъ въ 1840 г. въ Москвѣ профессоръ медико-хирургической академіи Л. А. Ясинскій, его б. ученикъ („Письма“, стр. 361). Все это, вмѣсто сближенія съ прочей корпораціей, должно было повести къ разобщенію, къ непріязни. Докладывалось, вѣроятно, и архіепископу о непріятныхъ сторонахъ характера новаго инспектора...

Случилось, что очень скоро М. Я. Глухаревъ задѣлъ лично самого преосв. Іова. При наступленіи 1818 г. былъ составленъ въ семинаріи денежный отчетъ за истекшій годъ, причемъ показанъ остатокъ въ 15 т. р. асс. Такъ какъ эти деньги по старому обыкновенію хранились вмѣстѣ съ штатной архіерейской суммой у архіеп. Іова, а росписки послѣдняго при дѣлахъ семинаріи не имѣлось, то Глухаревъ отказался подписать отчетъ. Стоя на почвѣ строгой законности, онъ не хотѣлъ знать, что этимъ оскорбляетъ такого властнаго владыку, каковъ былъ Іовъ Потемкинъ. Позванный къ послѣднему, на градъ упрековъ и на вопросъ: „Какъ! ты не вѣришь мнѣ?“—онъ спокойно отвѣтилъ, что вѣритъ ему, какъ архипастырю, но не вѣритъ, какъ человѣку, такъ какъ онъ можетъ умереть ²⁾. Архіепископъ уступилъ, но, не оцѣнивая быть можетъ всей высоты гражданскаго мужества М. Я. Глухарева, въ его протестъ онъ могъ усмотрѣть проявленіе той гордости, съ которой такъ энергично боролся въ подчиненныхъ своихъ, и въ немъ могъ находить ее тѣмъ менѣе извинительной, что вскорѣ послѣ того Глухаревымъ подано было прошеніе о постриженіи въ монашество. А у добрыхъ иноковъ, по убѣжденію Іова, должно быть только два слова: прости, благослови ³⁾...

Къ прошенію М. Я. Глухарева архіепископъ отнесся холодно; онъ не только не далъ ласковаго приѣма желанію его, но и спросилъ, не можетъ ли онъ отложить это дѣло; когда же увидѣлъ рѣшимость его, то хотя и сталъ хвалить путь иночества, далъ понять, что человѣкъ двоедушный не устроенъ во всѣхъ путяхъ своихъ, и хотя приказалъ подать прошеніе, но съ видомъ такой угрозы, которой онъ совсѣмъ не чаялъ и понимать не могъ („Письма“, 32). Впрочемъ, препровождая 4 февр. прошеніе М. Я. въ Синодъ, архіепископъ писалъ о немъ, что онъ „поведенія честнаго, правилъ твердыхъ и постоянныхъ и къ монашеству склоненъ и надеженъ“. Разрѣшеніе со стороны Св. Синода послѣдовало 30 марта, но постриженіе произошло лишь 24 іюля, причемъ Глухаревъ, названный *Макаріемъ*, по синодальному указу 17 іюня былъ

¹⁾ *Птоховъ*, 15.

²⁾ „Странникъ“, 1861, май, 232, 233.

³⁾ „Нѣкоторыя черты“..., 7.

причисленъ къ братству Кіево-печерской лавры¹⁾. Замедленіе въ исполненіи перваго синодальнаго указа объясняется отчасти поѣздкой преосвященнаго по епархіи, отчасти его педагогическими видами по отношенію къ Глухареву и ради испытанія его искренности. Но самъ М. Я. понялъ его, какъ проявленіе свойственной архіепископу беспорядочности (какъ о немъ думали нѣкоторые) и его нерасположенія къ себѣ. Возникшее отсюда чувство недовольства владыкой продолжалось до постриженія, а послѣ еще болѣе увеличилось, когда архіеп. Іовъ сталъ примѣнять къ нему все чаще разнаго рода воздѣйствія для обузданія его своеволія и его гордости, „для низложенія его высокоумія“. Преосвященный то поручалъ ему приготовить проповѣдь къ празднику въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, то дарилъ ему лѣтомъ шубку и въ ней везъ его за 30 верстъ въ загородный монастырь и тамъ водилъ его по разнымъ мѣстамъ, то отнималъ подарки. Послѣднія выходки были вызваны противодѣйствіемъ о. Макарія плану архіеп. Іова, раздѣлявшемуся всей семинарской корпораціей, приобрѣтенія для семинаріи дома помѣщика Жмелева. О. Макарій находилъ, что домъ и не стоитъ просимыхъ денегъ и не годенъ. Несмотря на всѣ требованія и угрозы архіепископа, онъ не взялъ назадъ своего, оказавшагося послѣ вѣрнымъ, отдѣльнаго мнѣнія, за то резолюція владыки по этому дѣлу была до того обидно-несправедлива, что о. Макарій поспѣшилъ послать (въ началѣ мая 1820 г.) прошеніе объ увольненіи отъ службы—„для подкрѣпленія своихъ силъ“. Но академическое правленіе уволило его только до выздоровленія и съ началомъ новаго года онъ, уступая настоянію друзей, вновь вступилъ въ должность²⁾, хотя и не надолго.

Къ этому времени у него совсѣмъ испортились отношенія съ сослуживцами. Быть можетъ, не разъ обижаемые его правдивымъ и прямымъ до рѣзкости характеромъ, они готовы были видѣть въ немъ опальнаго монаха и безбоязненно выплачивали ему свои мелкіе счета. А иногда они подводили его подъ гнѣвъ архіепископа. Такъ сдѣлалъ ректоръ Никифоръ, донесши владыкѣ, что о. Макарій молился съ квакерами. Это были Стефанъ Грелле-де-Мобилье и Вильямъ Алленъ, путешествовавшіе по Россіи въ 1819 г. и принятые о. Макаріемъ по письму архіеп. Филарета. Дневникъ Грелле-де-Мобилье объясняетъ, что о. Макарій предался внутреннему созерцанію на молитвенномъ собраніи екатеринославскихъ молоканъ, посѣтившихъ его и его товарища В. Аллена³⁾. По порученію ректора, за о. Макаріемъ слѣдили, сцену

¹⁾ *Птоховъ*, 19, прим. 3.

²⁾ „Странникъ“, 1861, май, 234, 235—237, 239. *Птоховъ*, 23—25.

³⁾ Русская старина, 1874, I, 32—34. Извлеченія изъ дневника де-Мобилье.

эту подсмотрѣли и ему пришлось выдержать цѣлую бурю со стороны преосвященнаго, который грозилъ ему даже отлученіемъ отъ церкви.. И не только ректоръ, но и вся корпорація, и всѣ служащіе въ семинаріи, даже друзья его, ученики и даже незнакомыя лица,—всѣ они, казалось, принимали „участіе“ въ о. Макаріѣ: „когда разгоралось сраженіе, тогда все вокругъ меня пылало,—писалъ онъ послѣ,—все, что могло смять и обезсилить меня, приходило въ движеніе“. Съ него „какъ бы совлекали кожу старую“. Нравственное его состояніе въ такія минуты доходило до того, что, употребляя его же фигуральное выраженіе, онъ начинать во весь голосъ кричать, противился, рвался изъ рукъ, и тѣмъ только усугублялъ страданіе („Письма“, стр. 33). Въ дѣйствительности, связанный монашествомъ, онъ не „противился“ и совсѣмъ не „кричалъ“... Прожившій съ нимъ нѣсколько мѣсяцевъ вмѣстѣ, его другъ свящ. Герболинскій свидѣтельствуешь, что о. Макарій никогда не жаловался на личныя обиды и ни о комъ изъ своихъ враговъ не сказалъ худого слова.

Кромѣ о. Герболинскаго и нѣкоторыхъ другихъ лицъ (Д. Т. Мизка, Г. Т. Мизка, свящ. Кал. Махновскаго), особенно близко былъ къ о. Макарію іеромонахъ Ливерій. Племянникъ извѣстнаго подвижника Паисія Величковскаго, Ливерій, пройдя нѣсколько классовъ Кіевской академіи, поступилъ къ нему въ монастырь и принялъ тамъ постриженіе. Затѣмъ изъ Молдавіи ушелъ въ Россію, служилъ въ черноморскомъ флотѣ, а съ 1797 г. состоялъ крестовымъ іеромонахомъ и духовникомъ екатеринославскихъ архіереевъ, въ томъ числѣ Іова Потемкина. По свидѣтельству Г. Т. Мизка, онъ отличался до конца жизни смиреніемъ, общительностью и чистосердечіемъ; кротость же и презрѣніе къ любостыжанію содержали всегда душу его въ покоѣ и видимой радости о Господѣ ¹⁾... Постриженникъ и духовный сынъ о. Ливерія, Макарій пользовался его любовью и дружбою. Близкій къ преосвященному, Ливерій, съ одной стороны, раскрывалъ предъ нимъ нравственныя качества Макарія, съ другой—старался смягчить въ послѣднемъ нерасположеніе къ архіепископу раскрытіемъ истинныхъ мотивовъ дѣйствій владыки и вообще влиялъ на него въ благотворномъ смыслѣ. По позднѣйшему свидѣтельству о. Макарія, признавашаго (уже по оставленіи Екатеринослава), насколько полезна была для его души воспитательная система преосв. Іова, онъ убѣдился, что оба эти лица имѣли на него спасительное дѣйствіе. Архим. Макарій вѣрилъ, что кротость любвеобильнаго Ливерія вмѣстѣ съ палящею строгостію святителя составляли то врачество, которое самимъ Богомъ было приготовлено для исцѣленія

¹⁾ „Нѣкоторыя черты“, 30—32 и примѣчаніе, написанное Гр. Т. Мизкомъ.

его грѣшной души, и совмѣстному вліянію ихъ обоихъ приписывалъ образованіе своего нравственнаго характера. „Что бы во мнѣ произвелъ преосвященнѣйшій Іовъ безъ о. Ливерія?—вопрошалъ архим. Макарій. Можетъ быть я пришелъ бы въ ожесточеніе и отчаяніе. Но что бы сдѣлалъ со мною и о. Ливерій безъ преосв. Іова? Младенческая рука его была бы слишкомъ легка для гордости ученой; а въ гордости, какъ въ крѣпкомъ замкѣ, и плотскія страсти держались и содержали душу мою въ рабствѣ грѣха и смерти“ („Письма“, 32 и сл.).

Интересно, что въ своей исповѣди архим. Макарій, распространившись о вліяніи на себя архіеп. Іова и другихъ лицъ, ни слова не говоритъ о Филаретѣ, хотя его біографы склонны послѣднему приписывать огромное значеніе въ выработкѣ главныхъ устоевъ нравственной личности архим. Макарія. Ближе всѣхъ къ истинѣ въ данномъ отношеніи А. С. Стурдза, который чрезъ полгода послѣ кончины архим. Макарія, писалъ о немъ ¹⁾: „Церковь наша, по Богѣ и вселѣтельной благодати его, обязана Макаріемъ покойному Іову, архіепископу екатеринославскому... Мужъ и пастырь, сохранившій на святительской каедрѣ внѣшность и главныя черты челоуѣка, пылкость нрава, безвредныя прихоти воина, общительность и ловкость въ свѣтскомъ обращеніи. Но подъ обманчивой оболочкой таилась въ Іовѣ духовная жизнь, сила и способность руководить *со властію* юныхъ наперсниковъ христіанскаго любомудрія... Іовъ распозналъ Макарія, умѣлъ овладѣть его произволеніемъ, ввелъ даровитаго юношу въ подвигъ монашескаго самоотверженія, однимъ словомъ: при помощи свыше воспиталъ въ Макаріѣ *внутренняго* челоуѣка“. Любопытно и то, что быть можетъ не Филарету, а Іову обязанъ архим. Макарій той пламенной любовью къ слову Божію, которою прославился не менѣе, чѣмъ своей миссіонерской дѣятельностью. По свидѣтельству самого архим. Макарія, архіеп. Іовъ былъ усерднымъ членомъ Русскаго Библейскаго общества, которому онъ по 20 марта 1823 г. доставилъ болѣе 173 т. р. „Важнѣйшій способъ, которымъ онъ старался разливать въ церкви животворный свѣтъ Божовѣдѣнія, состоялъ въ ревностномъ распространеніи, между людьми разныхъ сословій, чтенія св. Писанія. Нѣкоторымъ, сообразно познанію внутренняго ихъ состоянія, преподавалъ уроки духовной мудрости посредствомъ отеческихъ писаній св. Макарія египетскаго, Симеона Новаго Богослова, Исаака Сириана и другихъ“ ²⁾. Вѣроятно, эти же уроки выслушивалъ отъ него и о. Макарій, полюбившій святоотеческую литературу до того, что скоро приступилъ къ переводу нѣкото-

¹⁾ Страницкѣ, 1860, т. 10—12: „Архим. Макарій, подвижникъ и благовѣстникъ слова Христова“.

²⁾ „Нѣкоторыя черты“... 33. 34. 41.

рыхъ ихъ твореній на русскій языкъ. Отъ архіепископа же съ іеромонахомъ Ливеріемъ о. Макарій близко познакомился и съ великимъ подвижникомъ Паисіемъ Величковскимъ, литературную и строительную дѣятельность котораго онъ такъ высоко цѣнилъ.

И всетаки то значеніе, какое имѣлъ для него архіеп. Іовъ, о. Макарій постигъ вполнѣ только разставшись съ нимъ. До того же онъ чувствовалъ себя настолько правдивно придавленнымъ педагогической системой его и отношеніями ректора и сослуживцевъ, что „своевольно оставилъ сіе училище, не научившись, сію врачебницу, не исцѣлившись“... — „не только сошелъ со креста, но и сбѣжалъ съ Голгоѳы“ („Письма“... 35). Въ началѣ 1821 г. онъ просилъ архіеп. Филарета о переводѣ въ другую семинарію, болѣе благоустроенную, и къ ректору, извѣстному „по духу Христову“. Въмѣсто того самъ былъ опредѣленъ ректоромъ Костромской семинаріи. Это назначеніе примирило съ о. Макаріемъ всѣхъ тѣхъ, кто доселѣ досаждалъ ему, и онъ разстался со всѣми въ самомъ дружжелюбномъ расположеніи духа, хотя и до того не считалъ никого своимъ врагомъ. Нѣкоторые изъ сослуживцевъ снабдили его даже деньгами на дорогу, остался онъ въ долгу и предъ семинарскимъ правленіемъ. Самъ о. Макарій получалъ, при готовой квартирѣ, до 1500 р. асс. ежегодно, но всѣ почти деньги у него уходили на книги и на благотвореніе неимущимъ. Какъ щедръ онъ здѣсь былъ, видно изъ того, что англійскому миссіонеру Морицу, изъ крещеныхъ евреевъ, трудившемуся надъ обращеніемъ въ христіанство своихъ екатеринославскихъ соплеменниковъ, о. Макарій купилъ Библию на еврейскомъ языкѣ и лексиконъ къ нему—за 150 р. асс.

Выѣхавъ изъ Екатеринослава 9 марта, о. Макарій прибылъ въ Кострому только 20 апрѣля, посѣтивъ по пути, который лежалъ чрезъ Харьковъ, Курскъ, Бѣлгородъ, Москву, Троице-Сергіеву лавру и Ростовъ, нѣкоторыхъ старыхъ знакомыхъ, напр. преосвящ. Павла харьковскаго, бывшаго ректора смоленской семинаріи, ректора московской академіи Кирилла, своего учителя по петербургской академіи и др. Были сдѣланы и новыя знакомства—въ Курскѣ съ преосв. Евгеніемъ, послѣ принявшимъ о. Макарія въ Тобольскѣ и руководившимъ его первыми миссіонерскими дѣйствіями; въ Ростовѣ—съ гр. А. А. Орловой-Чесменской, къ которой потомъ съ Алтая онъ обращался съ просьбами о пожертвованіяхъ... ¹⁾.

Въ должности ректора костромской семинаріи и преподавателя богословскихъ предметовъ архим. Макарій, по сло-

¹⁾ Путешествіе это описано о. Макаріемъ въ большемъ и любопытномъ посланіи, напечатанномъ въ Русскомъ архивѣ, 1904, январь, и въ „Письмахъ“ (1905), № 10.

вамъ хорошо знавшаго его А. Стурдзы, „всемѣрно старался поселить духъ Христовъ въ заведеніи, для сего устроенномъ. Желала и скончивалась душа его во двory Господни; ему хотѣлось, чтобы духовный разсадникъ боговѣдѣнія былъ вмѣстѣ и разсадникомъ богоподобія“ ¹⁾. Но задавшись такою цѣлью, онъ не могъ, конечно, несмотря на всю свою доброту, глядѣть сквозь пальцы на порочныя наклонности семинаристовъ и относиться къ нимъ легче того, сколько требовала разумная гуманность. На этой то почвѣ и возникло недовольство имъ среди части семинаристовъ, выразившееся сначала въ томъ, что въ него былъ брошенъ изъ окна камень, погавшій ему въ плечо, а потомъ въ жалобѣ архіерею. Понятно, что эти дѣйствія неблагодарныхъ и неблагородныхъ воспитанниковъ должны были тѣмъ сильнѣе огорчить ректора, что они были совершенно несправедливы, и въ первомъ случаѣ ему удалось, повидимому, довести до этого сознанія и виновныхъ. Но большинство семинаристовъ сумѣло, конечно, оцѣнить доброту сердца и благожелательность новаго ректора, высоту его побужденій и нравственную пользу его наставленій. Вотъ какія прочувствованныя строки посвятилъ его памяти его лучшій ученикъ Аванасій (въ мѣрѣ Андрей Соколовъ), умершій въ санѣ казанскаго архіепископа: „Моей душѣ онъ всегда присущъ, какъ наставникъ, изъ устъ котораго лились сладчайшія рѣчи и въ семинаріи и въ его келліи, куда онъ бывало нерѣдко призывалъ меня, юнаго богослова, для наученія, обличенія и усовершенствованія въ истинѣ и правдѣ и для принятія повелѣнія произносить его собственныя проповѣди въ церкви вмѣсто его самаго, по причинѣ крайней слабости его голоса; но вѣчное мѣсто въ душѣ моей онъ имѣетъ навсегда потому, что духовная жизнь его при ученіи удерживала меня 19—20-ти-лѣтняго на путяхъ Господнихъ. Истину говорю, полный благодаренія Господу, даровавшему мнѣ такого наставника въ юности моей. Когда онъ послалъ меня на подвигъ учительства въ г. Макарьевъ, тогда я любилъ только молиться, читать его проповѣди и богословскіе уроки и быть его ахомъ. Это было въ 1824—25 г. Согрѣтый его духовнымъ свѣтомъ и теплотою, я поступилъ въ с.-петербургскую академію въ августѣ 1825 г. По прошествіи двухъ лѣтъ въ прилежномъ ученіи, Господь сподобилъ меня опять узрѣть свѣтлое лицо незабвеннаго о. Макарія въ домѣ митр. Филарета (1827) и насладиться его поученіемъ и вѣяніемъ благодати Божіей отъ его души лучезарной. Съ тѣхъ поръ я не видалъ его и только слышалъ съ радостію сына церкви православной объ апостольскихъ подвигахъ его въ хладныхъ предѣлахъ возлюбленнаго отечества моего. Славлю и величаю благодать Божію, которая осязательно для меня проявилась въ скудель-

¹⁾ Странникъ, 1860, т. 10—12.

номъ сосудѣ его, любызаю жезлъ и палицу моего наставника: ибо *та ня настависта*, что благовѣстнической посохъ его, пою пѣснь упованія и безсмертія на могилѣ челоуѣка Божія. Онъ не умеръ, онъ живъ въ Господѣ, во мнѣ и во многихъ, которыхъ просвѣтилъ св. крещеніемъ, богоглаголивимъ ученіемъ и житіемъ добродѣтельнымъ¹⁾.

Въ бумагахъ архим. Макарія сохранилось письмо къ нему іеромонаха Ипатъевского монастыря Митрофана, въ мирѣ Мих. Калининкова, бывш. ученика его по костромской семинаріи. О. Митрофанъ, вспоминая „вниманіе и благосклонность“, съ какими относился къ нему нѣкогда архим. Макарій, проситъ вразумить и наставить его въ дѣлѣ спасенія...

И со стороны корпораціи семинарской новыи ректоръ вызвалъ неодинаковое отношеніе къ себѣ. Нѣкоторые изъ учителей, не понимавшіе или не сочувствовавшіе его благороднымъ стремленіямъ ко благу семинаріи, стали ему въ оппозицію и доставили ему не мало огорченій. Много неприятностей принесло ему и хозяйство семинарское при тогдашнихъ скудныхъ окладахъ. Семинарія послѣ пожара 1813 г. помѣщалась въ Богоявленскомъ монастырѣ, въ нѣсколькихъ отдаленныхъ одинъ отъ другого корпусахъ, что также увеличивало работу ректора по надзору за подчиненными. И самый монастырь, въ которомъ о. Макарій былъ настоятелемъ, причинилъ ему много хлопотъ и административныхъ и хозяйственныхъ, такъ какъ приходилось не только ремонтировать старыя зданія, но и строить новыя; на собранныя имъ деньги онъ исправилъ и украсилъ монастырскую церковь, возобновилъ бывший придѣлъ и устроилъ новый. Наконецъ, повергали архим. Макарія въ недоумѣніе и дѣла консисторіи, въ которой онъ былъ членомъ. Ко всему этому присоединились болѣзни тѣлесныя. При такомъ неблагоприятномъ стеченіи обстоятельствъ, архим. Макарій, полагивавъ, что та борьба въ немъ низшихъ страстныхъ влеченій плоти съ высшими стремленіями, на которую онъ положилъ уже столько силъ, вновь возгорается въ немъ, рѣшилъ оставить службу въ семинаріи и удалиться въ какой нибудь монастырь въ положеніе рядового монаха, чтобы удобнѣе совершать дѣло нравственнаго самоусовершенствованія.

¹⁾ Филимоновъ, о. с., 22. 23. Нужно однако замѣтить, что въ этомъ разсказѣ хронологическія данныя не точны. А. Соколовъ окончилъ семинарію въ 1821 г., а въ 1825 г. онъ уже окончилъ петербургскую академію; тогда же былъ постриженъ въ монашество и опредѣленъ бакалавромъ родной академіи. Когда онъ учительствовалъ въ Макарьевѣ—неизвѣстно. Ни въ 1823, ни въ 1827 г. онъ не могъ встрѣтиться съ архим. Макаріемъ „въ домѣ м. Филарета“.—Притомъ же непонятнымъ является заявленіе преосв. Аванасія, что послѣ онъ не видѣлъ архим. Макарія, когда будучи томскимъ епископомъ, онъ посѣтилъ Улалу и былъ въ гостяхъ у него („Письма“, стр. 434).

ванія. Онъ предполагалъ прежде поселиться съ старцемъ Ливеріемъ въ Николю-Пустыньскомъ монастырѣ близъ Екатеринослава, о чемъ выражалъ желаніе еще 15 янв. 1824 г. („Письма“, стр. 27), но, не получивъ на то благословенія, 29 апрѣля подалъ пресвященному прошеніе объ увольненіи на покой въ Кіево-Печерскую лавру. Костромской епископъ Самуилъ, прежде очень благоволившій о. Макарію, а послѣ измѣнившій отношенія къ нему вслѣдствіе наговоровъ со стороны недоброжелателей его да и болѣе близкаго знакомства съ его характеромъ, далъ прошенію ходъ, причемъ представилъ собственный отзывъ объ архим. Макаріи: „При строгой, прямо монашеской жизни и честномъ поведеніи, часто примѣчается задумчивымъ, часто вспыльчивымъ. Подверженъ частымъ припадкамъ (?). Крайне слабогласенъ. Къ продолженію должностей впредь кажется мало надежнымъ“¹⁾.

Просьба архим. Макарія объ увольненіи отъ „ректорской, профессорской и настоятельской должностей“ мотивировалась слабостью силъ духовныхъ и разстройствомъ тѣлесныхъ“. Повидимому, о томъ же онъ писалъ архіеп. Филарету. Его письмо не сохранилось, но вотъ что отвѣчалъ на него святитель. „Опасно искать общественнаго служенія, когда знаемъ свои недостатки, препятствующіе проходить оное съ успѣхомъ; но и того, думаю, остерегаться надобно, чтобы не оставлять служенія, къ которому призваны, и въ которое допустили себя ввести, по своей волѣ, по нетерпѣливости, по неудовольствію видѣть свою личность меньше своего мѣста. Надобно въ семь испытать себя, прежде нежели оставимъ мѣсто. Есть-ли же точно видимъ, что способности и силы наши не позволяютъ намъ исполнить, чего требуетъ служеніе наше: можно рѣшиться оставить оное, чтобы не быть виною ущерба общаго блага, и на сей конецъ представить начальству, какая способность или сила наша, по примѣчанію нашему, не соотвѣтствуетъ потребности, и ожидать съ послушаніемъ, рѣшится ли оно еще терпѣть наши недостатки, или признаетъ нужнымъ занять мѣсто наше иначе. Что касается до искушеній отъ раздражительности: случаи къ нимъ болѣе или менѣе есть вездѣ. Тишина духа утишаетъ нервы“²⁾. Совѣтъ Филарета не порывать самовольно съ службой запоздалъ. 24 іюня Макарій уволенъ былъ комиссіей духовныхъ училищъ отъ ректуры. Указа о томъ архим. Макарій дожидался съ большимъ нетерпѣніемъ, но, получивъ его 12 авг., выѣхалъ изъ Костромы только 28 дек. 1824 г. Задержала его сдача дѣлъ по семинаріи и монастырю, причемъ опять онъ обнаружилъ у себя недостатку денегъ, такъ что долженъ былъ занимать у брата и у дру-

¹⁾ Птоховъ, 32.

²⁾ Письма м. Филарета къ Высочайшимъ Особамъ и къ разнымъ другимъ лицамъ, I (Тверь, 1888), 106, 107.

зей и даже продать, кажется, часть своей библиотеки самому Филарету или черезъ его посредство ¹⁾).

Съ оставленіемъ о. Макаріемъ Костромы нѣкоторые биографы его связываютъ легенду объ его вызовѣ или путешествіи въ Петербургъ, гдѣ онъ отбывалъ „чреду“ и гдѣ отказался отъ предложеннаго ему архіерейства ²⁾. Легенду эту легко опровергнуть, хотя трудно сказать, какъ и гдѣ она зародилась. Противъ нея говоритъ между прочимъ одно письмо архим. Макарія къ своему отцу о переѣздѣ изъ Костромы въ Кіевъ („Письма“, 2). Изъ него видно, что онъ даже въ Москвѣ не былъ, такъ какъ „опасался увидѣться съ преосвященнѣйшимъ (Филаретомъ), боясь, дабы онъ силою власти своей не обратилъ его на путь ученой службы, оставленной имъ; и что миновалъ также Харьковъ, опасаясь, чтобы преосв. Павелъ не растревожилъ его какими-либо совѣтами, несогласными съ путемъ его. Вообще оставленіе педагогической службы привело о. Макарія въ такое разстройство, что, по позднѣйшему признанію, онъ „былъ тогда подобенъ испуганному и преслѣдуемому псами оленю, который бѣгаетъ въ разныя стороны“ (стр. 111)... Такъ не чувствовалъ бы себя человѣкъ, который побывалъ бы въ Петербургѣ и обнаружилъ бы мужество отказаться отъ епископства...

Путь о. Макарія лежалъ чрезъ Саровъ, гдѣ онъ бесѣдовалъ съ старцемъ Серафимомъ, предсказавшимъ ему тяжелый жизненный ³⁾ крестъ, арзамасскую обитель, самарскій монастырь, гдѣ онъ прожилъ нѣсколько дней съ іеросхимонахомъ Ливеріемъ, Екатеринославъ, гдѣ утѣшался общеніемъ съ старыми своими друзьями... Въ Кіевѣ, куда архим. Макарій прибылъ на 4 недѣль великаго поста, его привѣтливо приняли и печерскія власти, и академическая братія, и викарій преосвященный Аѳанасій, послѣ тобольскій. Были ли у него непріятности съ братіей лавры, какъ послѣ сообщалъ преосв. Аѳанасій А. Сулоцкому, или нѣтъ, но только скоро онъ перешелъ изъ лавры, «показавшейся ему слишкомъ шумной», въ Китаевскую пустынь, въ 7 в. отъ города, „находящуюся въ тихомъ и прекрасномъ мѣстоположеніи“. Многолюдство лавры и звонъ ея колоколовъ мѣшали о. Макарію сосредоточиваться въ думахъ о душѣ и въ его литературныхъ занятіяхъ (онъ въ это время началъ переводить на русскій языкъ слова Феодора Студита). Но и въ Китаевской пустыни онъ

¹⁾ Письма м. Филарета, 108. Тоже какъ будто повторилось, когда о. Макарій собирался изъ Глинской пустыни въ Сибирь (стр. 110). Но и находясь въ Кіевѣ, онъ распродалъ свои книги („Письма архимандрита Макарія“, стр. 5).

²⁾ А. Стурбза, — „Странникъ“, IV, 119, 121. Филмоновъ, о. с., 27—29.

³⁾ См. нашу замѣтку: „Преп. Серафимъ Саровскій и архим. Макарій Глухаревъ“. Душепол. Чтеніе, 1903, IV.

не долго оставался. По одному извѣстію, онъ чувствовалъ себя и здѣсь не достаточно уединеннымъ, а по другому— онъ бѣжалъ настоятельства въ пустыни, которое хотѣли возложить на него. Въ октябрѣ 1825 г. архим. Макарій ходатайствовалъ предъ Св. Синодомъ о своемъ перемѣщеніи въ Глинскую общежительную пустынь путивльскаго уѣзда курской губерніи и былъ туда переведенъ, хотя курскій преосвященный (Владиміръ Ужинскій) и усомнился въ постоянствѣ его намѣреній ¹⁾... Зналъ о непостоянствѣ о. Макарія и его давній благодѣтель архіеп. Филаретъ, которому какъ разъ въ это время сталъ извѣстенъ и другой его планъ. У архим. Макарія явилось желаніе приносить пользу обществу учеными трудами и для этого занять мѣсто бібліотекаря московской, повидимому, академіи, о чемъ онъ и писалъ бывшему ея ректору, епископу дмитровскому Кириллу. Тотъ отвѣтилъ, что архіепископъ, съ которымъ онъ бесѣдовалъ о немъ, затрудняется удовлетворить его просьбу, а отъ себя совѣтовалъ не оставлять „блаженнаго уединенія, коего многіе ищутъ и не обрѣтаютъ“, причемъ напомнилъ: „Когда вы добровольно сходили съ поприща ученаго, то безъ сомнѣнія отрекались отъ всякой мысли дѣйствовать въ обществѣ ученыхъ“ ²⁾... Тѣмъ не менѣе въ глинской именно пустыни, куда о. Макарій прибылъ 29 дек. 1825 г., принялся онъ за учено-литературные труды—за переводы на русскій языкъ св. отцовъ, за описаніе самой пустыни. Тогда же онъ составилъ нѣсколько псалмъ или пѣсень религіозно-нравственнаго характера. Текстъ пяти изъ нихъ, именно „Молитвенной пѣсни къ пресв. Богородицѣ“, „Пѣсни на предпрзненство Рождества Христова“, „Пѣсни на Рождество Христова“, „Пѣсни Іосифа Цѣломудреннаго въ темницѣ“ и „Лазаря нищаго“, онъ въ 1826 г. послалъ въ Кострому—другу своему свящ. А. Голубинскому ³⁾.

Если, по апостолу, благодушіе христіанъ должно было выражаться въ пѣніи, то наоборотъ „пѣсни“ архим. Макарія могутъ служить для сужденія объ его настроеніи въ Глинской пустыни. Попадъ въ удаленную отъ мірскаго шума обитель, архим. Макарій сразу почувствовалъ успокоеніе и умиротвореніе. Этому способствовалъ также настоятель пустыни іером. Филаретъ, человекъ строгой жизни, неутомимый подвижникъ и опытный руководитель въ духовномъ дѣланіи. Онъ сразу взялъ въ руки архимандрита, который чув-

¹⁾ Письма м. Филарета, 111, 112.

²⁾ Письмо еп. Кирилла, оригиналъ котораго хранится въ бібліотекѣ казанской дух. семинаріи, датировано 21 октября и можетъ быть отнесено или къ 1825 или 1826 г. Мы остановились на первомъ, такъ какъ въ этомъ именно году архим. Макарій „искалъ“, поселившись же въ пустыни глинской, онъ надолго успокоился.

³⁾ Душеп. Чтеніе, 1891, III, 600—602.

ствовалъ себя слабымъ не только пасти словесное стадо, но и управиться съ самимъ собою, съ своими желаніями. Тотчасъ по пріѣздѣ о. Макарія, онъ велѣлъ ему отпустить своего келейника, вывезеннаго имъ изъ Костромы и ставшаго его другомъ. Съ тяжестью въ сердцѣ и со слезами о. Макарій исполнилъ это требованіе... Стѣснилъ о. Филаретъ архим. Макарія и въ другихъ отношеніяхъ. По не совсѣмъ достовѣрному разсказу А. Сулоцкаго, слышанному имъ отъ преосв. Аѳанасія тобольскаго, о. Филаретъ, согласно правиламъ, соблюдавшимся въ его монастырѣ, не позволялъ Макарію ни пить чаю, ни нюхать табаку и что будто изъ-за чаю послѣдній и ушелъ изъ Глинской пустыни... Хотя и здѣсь постигли архим. Макарія душевныя бури и смущенія, общее его настроеніе и нравственное самочувствіе были прекрасны. Строгій уставъ монастыря, перенесенный съ Афона, продолжительныя богослуженія, въ которыхъ онъ участвовалъ какъ рядовой монахъ, строгая дисциплина, ежедневное почти исповѣданіе грѣховъ, добрыя отношенія между братіей и настоятелемъ, все это имѣло самое благотворное вліяніе на мятущуюся душу о. Макарія, и на долго онъ сохранилъ благодарную память объ этихъ людяхъ. Впослѣдствіи, встрѣтивъ на Алтаѣ ссыльнаго поселенца Петра Лисицкаго, человека съ высокимъ духовнымъ развитіемъ, архим. Макарій занесъ въ свои Записки (подъ 17 янв. 1832 г.): „Разглагольствія съ онымъ старцемъ нерѣдко напоминаютъ мнѣ о тѣхъ утѣшеніяхъ, которыя находилъ я въ общеніи съ вами, незабвенные отцы-братія Глинскаго общежитія“... Черезъ два года онъ писалъ Г. Т. Мизку объ о. Филаретѣ, что „навсегда сохраняетъ утѣшительную память своего пребыванія въ его обители, опытныхъ наставленій его и отеческихъ благотвореній“ („Письма“, стр. 46).—Интересно также, что проектируя въ 1838 г. устройство миссіонерскаго института, архим. Макарій предполагалъ поставить во главѣ его того же іером. Филарета ¹⁾.

II.

Алтайскій періодъ жизни архим. Макарія (1829—1844 гг.); его миссіонерская и литературная дѣятельность.

О Сибири архим. Макарій думалъ, еще учась въ Петербургской академіи. Тогда въ Сибири, въ 50 в. отъ Кузнецка, а потомъ въ Туринскѣ, подвизался старецъ Василискъ. Его записка о нѣкоторыхъ видахъ умной молитвы попала къ юному студенту М. Глухареву и долго у него

¹⁾ „Мысли о способахъ къ успѣшнѣйшему распространенію хр. вѣры“, 43.

хранилась ¹⁾). „И было время, писалъ онъ въ 1833—34 г., когда я, въ непонятной грусти, улеталъ изъ Россіи въ Сибирь пустынную на крыльяхъ быстропарящей мысли и въ Сибири встрѣчался воображеніемъ съ о. Василискомъ въ лѣсу дремучемъ, совсѣмъ не думая, что я и въ самомъ дѣлѣ буду въ Сибири и притомъ именно близъ того мѣста, котораго прежде искалъ однимъ воображеніемъ, хотя здѣсь не найду уже ни о. Василиска, ни о. Зосимы“ („Письма“, 297). О сподвижникѣ Василиска Зосимѣ Верховскомъ о. Макаріи узналъ уже въ Костромѣ, и это имя, вѣроятно, напомнило ему объ юношескихъ мечтаніяхъ. Но въ этихъ мечтахъ рѣчь шла о личномъ спасеніи, а скоро онъ услышалъ зовъ къ спасенію другихъ... Въ Костромѣ у архим. Макарія въ числѣ келейниковъ былъ Разумовскій, впоследствии іером. Израиль. Этотъ Израиль отправился вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими монахами въ иркутскую епархію, по вызову тамошняго архіепископа Михаила, для проповѣди христіанства среди бурятовъ. Вотъ онъ и возбудилъ въ архим. Макаріѣ миссіонерскій духъ, когда тотъ находился еще въ Кіевѣ ²⁾). По перѣздѣ о. Макарія въ глинскую пустынь въ немъ не охладѣло желаніе ѣхать въ Сибирь, и онъ, какъ подъ вліяніемъ дружбы къ іером. Израилю, такъ и „самымъ темпераментомъ своимъ побуждаемый искать согласной съ своими склонностями дѣятельности“, подалъ 17 февр. 1829 г. епископу курскому Владиміру прошеніе объ исходатайствованіи предъ св. синодомъ разрѣшенія перейти въ иркутскую епархію для службы братьямъ общежительныхъ монастырей, отправившимся туда въ 1825 г. для проповѣданія Евангелія народамъ языческимъ. Просясь по глубокому своему смиренію не въ миссіонеры, а въ прислужники къ миссіонерамъ, архим. Макаріи допускалъ, что архіеп. Михаилъ найдетъ его непригоднымъ даже для этого дѣла, почему оставлялъ за собой право поселиться въ послѣднемъ случаѣ въ любомъ монастырѣ его епархіи. Еп. Владиміру это рѣшеніе архим. Макарія было „давно уже извѣстно“; мало того: по свидѣтельству самого о. Макарія, „совѣтъ его былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ побужденій, которыя извели его на стогны града искать работы“ (59). Тогда онъ засѣдалъ въ св. синодѣ, которому и представилъ прошеніе Макарія ³⁾.

¹⁾ Тобол. Епарх. Вѣд., 1897, № 17. 20: „о.о. Зосима и Василискъ, сибирскіе подвижники кон. XVIII и нач. XIX ст.“. См. также „Жизнь схимонаха Зосимы“ (М. 1860).

²⁾ Странникъ, 1861, апрѣль: Архим. Герасимъ, „Письмо о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ жизни о. архим. Макарія, основателя алтайской миссіи“. Въ письмѣ этомъ заключаются и воспоминанія объ о. Макаріѣ самого Израиля.

³⁾ П. В. Птоховъ, 39—42.

Между тѣмъ отпаденія крещеныхъ инородцевъ въ разныхъ епархіяхъ, обнаруживъ недочеты въ постановкѣ миссіонерскаго дѣла въ Россіи, поставили на очередь вопросъ о преобразованіи этого дѣла. По порученію св. синода преосвященные Филаретъ казанскій и Евгеній тобольскій, въ епархіяхъ которыхъ обнаружилась особенно острая нужда въ новой организаціи пастырства вообще и миссіонерства въ частности и въ новыхъ людяхъ, составили проекты новой постановки проповѣди среди невѣрныхъ и укрѣпленія христіанства среди вѣрныхъ. Въ виду этого, м. Филаретъ обратился къ архим. Макарію съ письмомъ отъ 28 марта 1829 г. ¹⁾: „Преосвящ. Владиміръ сказываетъ, что вы просияете въ Иркутскѣ. Я предложилъ ему помедлить представленіемъ о семъ, пока я васъ спрошу, не лучше ли въ Тобольскѣ. Преосвященному тобольскому поручено составить проектъ миссіонерскаго учрежденія для тамошняго края. Вы его знаете. И такъ мнѣ кажется, вамъ бы лучше къ нему. Можетъ быть и планъ воспитанія, который вы создали на воздухѣ, и я съ вами силится основать на водѣ, тамъ хотя частію станетъ на твердую землю ²⁾. А есть-ли не любо будетъ въ Тобольскѣ: то еще успеете отправиться и въ Иркутскъ, и крюку не будетъ. Отвѣтствуйте“.

Объ открытіи миссіи въ тобольской епархіи архим. Макарій впервые, повидимому, узналъ 3 апрѣля, когда въ глинской пустыни полученъ былъ изъ курской консисторіи указъ, приглашавшій желающихъ ѣхать въ тобольскую епархію. Тогда онъ не обнаружилъ такого желанія. Но получивъ письмо м. Филарета, онъ, не отказываясь совершенно отъ Иркутска, выразилъ покорность воли Божіей и рѣшенію Св. Синода, намѣреваясь ѣхать, куда его ни пошлютъ („Письма“, стр. 120). 27 мая состоялся указъ о назначеніи архим. Макарія въ распоряженіе тобольскаго преосвященнаго ³⁾, и 6 іюня онъ выѣхалъ изъ глинской пустыни въ Москву.

О пребываніи о. Макарія въ Москвѣ болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія сообщены въ Запискахъ А. А. Орлова, его келейника. Онъ говоритъ, что архим. Макарій жилъ въ чудовомъ монастырѣ и по совѣту его настоятеля и м. Фи-

¹⁾ Письма м. Филарета... стр. 109. 110.

²⁾ Неизвѣстно, о чемъ здѣсь говорится.

³⁾ По указу архіепископъ долженъ былъ „обратить его по своему усмотрѣнію, на дѣло проповѣданія, гдѣ сіе представится нужнѣе, въ видѣ, на первый случай, опыта: дабы по первымъ дѣйствіямъ его можно было судить, способенъ ли онъ къ пріемлемому на себя дѣлу и въ состояніи ли будетъ отправлять оное съ желаемою пользою“ (*Птотоховъ*, 43). Такая безпримѣрная осторожность св. синода, вызванная и смиреніемъ о. Макарія и его „непостоянствомъ“, хотя оказалась напрасной, все же заставила послѣ его беспокоиться за судьбу уже открытой миссіи.

ларета познакомился съ знатными лицами, которыхъ привлекалъ, конечно, къ пожертвованіямъ на нужды будущей миссіи; обворованный почти наканунѣ отъѣзда, принужденъ былъ остаться еще на недѣлю, пока его не снабдили одеждой и деньгами ¹⁾. Къ числу тѣхъ лицъ, съ которыми познакомился теперь архим. Макарій и въ которыхъ приобрѣлъ друзей миссіонерскаго дѣла, относятся Варв. Мих. Нарышкина, сестра ея Евдокія съ мужемъ Петромъ Алексѣев. Голицынымъ и братъ Александръ Михайловичъ съ своей женой. Архим. Макарій предполагалъ прежде ѣхать изъ Москвы зимнимъ путемъ, но выѣхалъ 1 сент., напутствуемый благословеніемъ м. Филарета и обѣщаніями помощи; самъ же онъ обѣщалъ писать съ дороги. Но только изъ Tobольска онъ присталъ митрополиту письмо (до насъ не дошедшее) и стихотвореніе „Ураль“, вошедшее послѣ въ „Лепту“. Посылая то и другое Е. М. Хитровой (дочери М. И. Кутузова), Филаретъ писалъ ей 22 апр. 1830 г.: „Вотъ вамъ посланіе о. Макарія. Видите, прежде нежели будетъ обращать язычниковъ въ христіанство, онъ вздумалъ на досугѣ обратить Ураль въ Парнассъ, или, можетъ быть, въ Сіонъ. Видите, что Ураль ожилъ на голосъ романтическаго миссіонера. Какой же слушатель сего пѣвца посмѣетъ быть нечувствительнѣе Урала? Смотрите, не провинитесь“ ²⁾.

Въ Tobольскѣ о. Макарій прибылъ 30 сент. и его „пробытіе было въ мирѣ и съ самою доброю надеждою“, какъ писалъ Филарету архіеп. Евгеній, который отечески принялъ миссіонера и помѣстилъ его въ своемъ домѣ. Тамъ же поселились два семинариста tobольскіе Волковъ и Поповъ, которыхъ о. Макарій избралъ себѣ въ сотрудники и которыхъ сталъ готовить къ предстоявшей имъ дѣятельности ³⁾. Къ ней же сталъ готовиться и самъ онъ подъ руководствомъ архіепископа, который не только горѣлъ апостольскимъ огнемъ подобно ему, но и имѣлъ уже нѣкоторый опытъ. На tobольскую кафедру архіеп. Евгеній назначенъ былъ по собственному прошенію, хотя и противъ воли ⁴⁾. Скоро по пріѣздѣ

¹⁾ Записки эти напечатаны въ „Сборникъ историческихъ матеріаловъ о жизни и дѣятельности настоятеля болховскаго оптина монастыря, о. архим. Макарія“ (Изданіе Орловской ученой архивной комиссіи. Орель, 1897).

²⁾ Русскій архивъ, 1895, II, 87.

³⁾ „Письма“, стр. 536. 537: докладъ архіеп. Евгенію отъ 22 окт. 1829 съ приложеніемъ правилъ общежитія, по поводу которыхъ м. Филаретъ писалъ о. Макарію: „Когда представленъ былъ св. синоду завѣтъ вашъ съ двумя учениками семинаріи: я почти смѣяться готовъ былъ надъ тѣми, которые говорили, устоитъ ли сіе дѣло“ (Письма м. Филарета, 111).

⁴⁾ Того потребовали отъ него явившіеся ему во снѣ одинъ за другимъ умершіе его мать, отецъ и м. Платовъ (Душен. Чтеніе, 1871, II, 155).

на мѣсто онъ услышалъ, что „многіе изъ крещенныхъ вогуловъ, остяковъ и самоѣдовъ крайне плохіе христіане, что о вѣрѣ Христовой они понятія не имѣютъ, что въ церквахъ бываютъ они чрезвычайно рѣдко, а дома въ глуши молятся идоламъ“. А посѣтивъ лично крещенныхъ въ свое путешествіе до Обдорска, онъ къ удивленію своему узналъ, что имя и самое имя Христово неизвѣстно ¹⁾... Тогда архіепископъ, не видя вокругъ себя людей съ апостольской ревностью, рѣшился самъ, оставивъ на 5--6 лѣтъ каведру, поселиться съ остяками, вогулами и самоѣдами, чтобы изучить на мѣстѣ ихъ языки, перевести на эти языки священныя и церковныя книги, научить ихъ чтенію, закону Божію и всему церковному и образовать изъ нихъ священно-церковнослужителей. И когда его планъ не былъ одобренъ вліятельными людьми, онъ сталъ хлопотать объ учрежденіи въ тобольской епархіи двухъ миссій—для язычниковъ сѣвера (остяковъ и вогуловъ) и для магометанъ и язычниковъ южной части епархіи (киргизъ, калмыковъ, черневыхъ татаръ и телеутовъ). Когда вслѣдствіе его ходатайствъ къ нему прислали архим. Макарія, преосвященный направилъ его мысли и желанія на сѣверъ, лично ему знакомый. И о. Макарій сначала не прочь былъ туда ѣхать. Но затѣмъ разсудилъ и отказался къ неудовольствію архіепископа. О происшедшемъ между ними разномысліи и охлажденіи узналъ и м. Филаретъ. „Какъ съ горы въ яму падаю я—писалъ онъ архим. Макарію 30 дек. 1829 г.—услышавъ, что въ намѣреніяхъ вашихъ оказываются направленія и перемѣны, озабочивающія вашего пастыря и страннопріимца, относительно ихъ удобоисполнимости.—Что сіе значить? Простите меня, есть-ли погрѣшаю. Желая, чтобы я оказался погрѣшающимъ. Но признаюсь, что забота преосвященнаго производить во мнѣ заботу, не прокрадывается ли тутъ собственное мудрованіе мимо послушанія и благословенія. Есть-ли паче чаянія мое опасеніе не совсѣмъ неосновательно, то надобно позаботиться и вамъ, и употребить осмотрительность и осторожность.—Въ Св. Синодѣ болѣе всѣхъ, по жительству знаетъ васъ преосв. Владиміръ, и любить васъ и покровительствуетъ. Но и онъ предъ послѣднимъ отправленіемъ вашимъ въ Глинскую пустынь изъяслялъ сомнѣніе, будете ли вы тамъ постоянны. Сомнѣніе сіе подтвердилось опытомъ. При отправленіи вашемъ въ дальній путь, онъ изъяслялъ тоже сомнѣніе. Что есть-ли вновь откроются событія, подтверждающія сіе сомнѣніе? Можете разсуждать сами, какое тѣмъ затрудненіе сдѣлается вамъ и благому дѣлу, на которое вы употреблены“ ²⁾. Впослѣдствіи,

¹⁾ Странникъ, 1872, май, 114. 119.

²⁾ Письма м. Филарета, 111. 112. Интересно, что неустойчивость въ намѣреніяхъ архим. Макарій проявилъ и годъ спустя по открытіи миссіонерскихъ дѣяствій. 11 янв. 1832 г. м. Филаретъ писалъ ему: „Надле-

получивъ отъ самого о. Макарія разъясненіе причинъ, по которымъ онъ отказывался ѣхать на сѣверъ, Филаретъ отвѣтилъ ему 12 мая 1830 г.: „Что говорите вы о себѣ въ отношеніи къ Обдорску, противъ того я не спорю. Что отказываетесь отъ миссіонерскаго заведенія при семинаріи, то для меня менѣе убѣдительно“¹⁾. Въ чемъ состояла сущность этого новаго разногласія архим. Макарія съ архіеп. Евгеніемъ—точно не извѣстно. Можетъ быть рѣчь шла объ образованіи миссіонеровъ при Тобольской семинаріи, каковой проектъ составленъ былъ семинаріей въ 1829 г., но не знаемъ, какое отношеніе долженъ былъ имѣть къ этому дѣлу архим. Макарій и по какимъ основаніямъ онъ отказывался отъ него. Но зато вполне извѣстны мотивы, по которымъ онъ раздумалъ ѣхать на сѣверъ. Ихъ онъ выяснилъ въ отвѣтъ на запросъ консисторіи 19 іюня, куда онъ хотеть ѣхать. Къ этому времени онъ вмѣстѣ съ сотрудниками намѣтилъ киргизъ кокчетавскаго округа за петропавловской линіей и консисторіи отвѣтилъ, что: 1) Остатки и самоѣды, привлекавшіе его сначала кроткимъ нравомъ, живутъ въ холодномъ климатѣ, который для него и старшаго сотрудника, какъ слабыхъ здоровьемъ, очень вреденъ. 2) Киргизы весьма удалены по мѣсту жительства отъ православныхъ священниковъ и потому требуютъ миссіонеровъ. 4) По числу киргизы далеко превосходятъ язычниковъ сѣверныхъ и особенно самоѣдовъ. 4) Климатъ мѣстности, населенной киргизами, умѣреннѣйшій въ Сибири. 5) Языкъ киргизскій походитъ на татарскій и, узнавъ этотъ языкъ, можно потомъ дѣйствовать и на татаръ, тѣмъ болѣе, что татары живутъ недалеко отъ киргизовъ. 6) Въ странѣ киргизской два военныя поселенія безъ православныхъ священниковъ и потому миссіонеры могутъ исполнять религіозныя нужды военныхъ поселеній и находить тамъ защиту, и 7) Съ Кокчетавскимъ военнымъ поселеніемъ киргизы часто сносятся и потому, поселившись тамъ, удобно вліять на нихъ, изучать нравы и языкъ²⁾. Но и въ кокчетавскій округъ архим. Макарію не пришлось ѣхать: западно-сибирскій генералъ-губернаторъ, руководясь „Высочайшимъ повелѣніемъ, объявленнымъ Сибирскимъ Комитетомъ отъ 24 февр. 1828 г. о пріостановленіи всякаго дѣйствія и о неоткрытіи никакихъ новыхъ предпріятій въ киргизской степи“, не допустилъ туда миссіонеровъ. Нужно, однако, добавить, что ни это „Повелѣніе“, ни опиравшаяся на него гражданская власть не только не пытались оградить киргизъ отъ мусульманскаго вліянія, но впослѣдствіи правительство даже искусственно распро-страняло среди нихъ магометанство, для чего вызывало мултѣ

жало въ свое время думать, куда васъ несетъ; а куда занесло, не безъ крыла Провидѣнія, тамъ и надобно сидѣть, или ходить путями правды“ (115).

¹⁾ Письма м. Филарета, 112.

²⁾ Миссіонеръ, 1877, 66.

изъ фанатической Бухары, строило мечети часто руками русскихъ казаковъ ¹⁾. Потерпѣвъ тутъ неудачу, архим. Макарій останавился, наконецъ, на мѣстности, съ которой навсегда связалось въ исторіи его имя—на Алтай.

Долго не поддававшійся рѣшенію вопросъ о мѣстѣ миссіонерской дѣятельности, вызванныи имъ разногласія съ архіеп. Евгениемъ, а также замедлившееся утвержденіе (Св. Синодомъ состава миссін ²⁾), все это сильно сокрушало архим. Макарія, ввергало его въ уныніе, въ скуку и нетерпѣливость. „Что по временамъ скучаете отъ нетерпѣливости, писалъ ему 12 мая 1830 г. м. Филаретъ, тому вѣрю, есть-ли угодно, по себѣ. Но надѣюсь, что по мѣрѣ, какъ скука нетерпѣливости вамъ наскучила, вы рѣшительнѣе обратились къ терпѣнію, которое не скучаетъ“ ³⁾. Тобольскія непріятности побудили даже о. Макарія опять стремиться въ иркутскую епархію и объ этомъ онъ завязалъ переписку съ архіеп. Михаиломъ. Послѣдній съ радостью готовъ былъ принять его къ себѣ; и даже предназначилъ его въ настоятели якутскаго монастыря, но послѣ, узнавъ, что его тянетъ къ костромскимъ знакомымъ и друзьямъ, писалъ ему 24 апр.: „Ежели для васъ нравится въ селенгинскомъ троицкомъ монастырѣ вмѣстѣ съ знакомымъ вамъ о. Израилемъ въ смиреніи безмолствовать, то я весьма радъ, и могу удостовѣрить васъ, что жилище это по душѣ и тѣлу преспокойное можетъ быть, а тѣмъ паче, что строитель человекъ вамъ коротко извѣстный, и не иначе надѣюсь приметъ васъ въ сожительство себѣ, какъ съ великою радостію и удовольствіемъ; также и прочіе ваши земляки костромскіе ожидаютъ васъ не безъ особливаго желанія“. Но архим. Макарія сохранила для тобольской епархіи другая его сердечная привязанность—къ тому самому Ивану Савельеву, разлука съ которымъ причинила ему много горя въ глинской пустыни („Письма“, 239). Къ этому присоединилась кончина архіеп. Михаила, послѣдовавшая скоро послѣ того († 5 іюня), и благополучное рѣшеніе вопроса объ алтайской миссін.

Алтай занимаетъ южную часть томской губерніи—уѣзды бійскій и кузнецкій. Огромное пространство этихъ уѣздовъ (до 1000 верстъ въ длину и отъ 150 до 700 в. въ ширину) покрыто Алтайскими горами, которыя особенно высоки на югѣ, въ собственномъ, „дикомъ“ Алтай. Сѣверная часть

¹⁾ Отчеты объ алтайской миссін за 1882 и 1889 гг. Впрочемъ, нужно замѣтить, что и во времена архим. Макарія мусульманство было уже сильно среди киргизъ. О нихъ онъ писалъ въ 1834 г., что они—„суть магометане“ (534).

²⁾ Указъ объ утвержденіи состава миссін состоялся только 22 мая 1830 г.

³⁾ Письма м. Филарета, 112. 113.

Алтая (Кузнецкій округъ) имѣеть горы болѣе низкія; тутъ обиліе хвойныхъ лѣсовъ, болотъ и топей. Эта часть Алтая называется „Чернью“. Во времена архим. Макарія на Алтаѣ, кромѣ русскихъ, жило до 40 т. мѣстныхъ инородцевъ, распавшихся на нѣсколько племенъ татарскаго происхожденія: черневыхъ татаръ, теленгутовъ или телеутовъ, кумандинцевъ, калмыковъ-двоеданцевъ и алтайскихъ калмыковъ (эти два племена—татарскія, но называются такъ по сходству своихъ головныхъ уборовъ съ калмыцкими). Всѣ они говорили на разныхъ нарѣчіяхъ татарскаго языка. Въ XVIII в. часть ихъ (нѣсколько тысячъ) была крещена, но въ христіанствѣ не была утверждена, и когда указы 1789 и 1799 г. упразднили должности миссіонеровъ, она, совсѣмъ лишенная духовнаго руководства, отпала въ язычество. Христіанству остались вѣрны лишь немногіе, успѣвшіе обрусѣть. Это были жители улуса Кузедѣвскаго въ кузнецкомъ уѣздѣ, деревень Маймы, Березовки, с. Тарханскаго и 4 семьи с. Улалы—бійскаго уѣзда.

Собственныя религіозныя воззрѣнія алтайцевъ-язычниковъ—дуалистическаго характера. Въ основѣ всего лежать два начала: свѣтлое—*Улгэнь* и темное—*Эрликъ*. Каждому изъ этихъ главныхъ божествъ подчинено множество меньшихъ, низшихъ. Эти чистые и нечистые духи населяютъ всю вселенную. Отсюда обоготвореніе всей природы—солнца, луны, огня, горъ, рѣкъ, озеръ, съ принесеніемъ жертвъ ихъ обладателямъ-духамъ. Впрочемъ, жертвы и общественныя моленія у алтайцевъ имѣютъ мѣсто только въ исключительныхъ случаяхъ, когда угрожаетъ опасность для жизни или для имущества. Тогда выступаетъ на сцену камъ (шаманъ) въ своемъ пестромъ нарядѣ, съ бубномъ, и начинается изступленная оргія съ закалываніемъ множества животныхъ, для умилостивленія злыхъ бѣсовъ. Шаманство—культъ преимущественно злого начала и злыхъ демоновъ. И въ представленіи алтайцевъ ихъ религія есть бѣсовская, гибельная. Тѣмъ не менѣе она дорога для нихъ, какъ ихъ національная вѣра, издавна предназначенная имъ въ удѣлъ и потому не отдѣлимая отъ нихъ...

Кромѣ этого крупнаго препятствія къ успѣхамъ христіанства среди алтайцевъ, послѣднему вредили и образъ ихъ жизни и нравственный ихъ характеръ. Алтайцы, кромѣ черневыхъ татаръ, вели кочевой образъ жизни, занимаясь скотоводствомъ и звѣроловствомъ. Но послѣднія, при свойственныхъ алтайцамъ лѣни и беззаботности на счетъ завтрашняго дня, доставляли скудныя средства содержанія и открывали возможность частымъ голодовкамъ. Къ этому присоединялась страсть къ водкѣ. Жалкое матеріальное положеніе инородцевъ отозвалось и на ихъ умственныхъ качествахъ,—тупость, отсутствіе интереса къ новымъ идеямъ и слабая способность къ воспріятію новыхъ понятій и усвоенію ихъ—отличаютъ

алтайцевъ. Кромѣ дикой природы и тяжелыхъ условій существованія, на низкій нравственный и умственный уровень алтайцевъ вліялъ гнетъ наслѣдственныхъ родовыхъ старшинъ—зайсановъ и башлыковъ съ ихъ помощниками-димирами. Эти начальники управляли сородичами по личному усмотрѣнію и страшно притѣсняли ихъ, облагая большими поборами. Подъ ихъ давленіемъ алтайцы потеряли, повидимому, и желаніе и способность къ улучшенію своего быта. Потому-то они, хотя среди нихъ издавна жили русскіе, очень туго поддавались вліянію русской гражданственности и христіанства ¹⁾.

Отправляясь на Алтай, архим. Макарій получилъ въ руководство, кромѣ напутственной рѣчи архіеп. Евгенія, напоминавшей завѣты Спасителя ученикамъ предъ вознесеніемъ Его на небо (Мѣ. XXVIII, 18—20), двѣ инструкціи миссіонерамъ. Одна была синодальная 1769 г. Ею предписывалось: 1) преподавать инородцамъ христіанское ученіе, сообразно съ ихъ младенческимъ состояніемъ, въ краткомъ видѣ и только самыя важныя догматы; относительно иконъ вразумлять инородцевъ, что должно не боготворить ихъ, а поклоняться написаннымъ на нимъ лицамъ; не понуждать соблюдать посты; 2) дѣйствовать на инородцевъ кротко и любовно, не прибѣгая къ угрозамъ или притѣсненіямъ; 3) начинать обращенія съ ближайшихъ мѣстъ, постепенно расширяя кругъ дѣйствій; по приѣздѣ въ какую-нибудь мѣстность начинать дружескую бесѣду съ инородцами объ ихъ житьѣ-бытьѣ, а потомъ говорить съ ихъ законѣ и богослуженіи и доказывать „неправость ихъ мнѣній естественными доводами“, возраженія слушать терпѣливо и снисходительно, и „самому рассказывать не съ грубостію и досадливыми словами, но ласково и дружелюбно“; къ защитѣ и помощи свѣтскихъ командъ прибѣгать только въ случаяхъ серьезной опасности отъ ревнителей языческой вѣры; за разрѣшеніемъ всякихъ недоумѣній обращаться къ мѣстному преосвященному ²⁾. Второй инструкціей архіеп. Евгеній рекомендовалъ о. Марію и его сотрудникамъ изучать языкъ инородцевъ и по мѣрѣ изученія переводить на него книги свящ. писанія, богослужебныя, молитвы и пр.; вести постоянный журналъ о дѣйствіяхъ своихъ и чрезъ каждые три мѣсяца представлять ему, преосвященному, какъ къ нему же непосредственно обращаться за наставленіями и разъясненіями ³⁾. Миссіонерскій

¹⁾ Свѣдѣнія о природѣ Алтая и его насельниковъ въ сочиненіи: „Алтайская церковная миссія“. Спб. 1865. См. также прот. В. *Вербицкій*, „Алтайскіе инородцы“, М. 1893.

²⁾ *И. И. Ястребовъ*, Архим. Макарій, основатель алтайской миссіи (Бійскъ, 1893), 35—38.

³⁾ Миссіонеръ, 1877, 67. Въ дополненіе къ послѣднему пункту инструкціи архіеп. Евгенія приводимъ одну его резолюцію. На журналѣ То-

характеръ должны были имѣть и тѣ правила общежитія, которыя архим. Макарій выработалъ для себя съ сотрудниками. Такъ какъ они въ основу совмѣстной жизни миссіонеровъ полагали начала братской любви, смиренія, повиновенія старшему, полнаго чистосердечія и общности имущества, то тѣмъ самымъ они должны были вводить язычниковъ въ сущность христіанскаго ученія и христіанской жизни. Кромѣ всего этого, архим. Макарію даны были въ руководство копии съ Высочайше утвержденнаго 17 іюня 1826 г. мнѣнія государственнаго совѣта о льготахъ инородцамъ, принимавшимъ крещеніе (освобожденіе на три года отъ податей и повинностей), и съ отношенія генераль-губернатора о сдѣланномъ имъ распоряженіи, чтобы гражданскія начальства оказывали миссіонерамъ содѣйствіе. Были также даны деньги (990 р.) на путевые и другіе расходы и походная церковь, утварь для которой о. Макарій имѣлъ получать изъ тѣхъ приходскихъ церквей, гдѣ ея оказался бы избытокъ. Захватилъ онъ съ собой и запасъ книгъ, какъ богослужебныхъ, такъ и другихъ. Книги доставлялись ему между прочимъ Филаретомъ, какъ это видно изъ писемъ митрополита (стр. 113, 114, 116) и самого о. Макарія ¹⁾.

Преосв. Евгенийъ проводилъ архим. Макарія на апостольское дѣланіе 3 авг. и затѣмъ—остался самымъ внимательнымъ и самымъ благожелательнымъ свидѣтелемъ его миссіонерскихъ успѣховъ, содѣйствующимъ ему гдѣ можно. Вотъ какими словами онъ встрѣтилъ извѣстіе о. Макарія о крещеніи имъ перваго инородца Элески-Іоанна: „Обращеніе вами татарина преисполнило меня живѣйшею радостію. Привѣтствую васъ отъ всей души съ симъ первенцемъ благодати Божіей, коей именованъ онъ запечатлѣвъ, и молю Господа, да отверзетъ и другимъ многимъ дверь своего милосердія вашимъ словомъ и молитвою“ ²⁾. За дѣятельностью „начатка нашего апостольства“ онъ съ интересомъ слѣдилъ и послѣ, уже находясь въ Рязани. Оттуда онъ просилъ о. Макарія

больской духовной консисторіи отъ 31 янв. 1831 г. о посылкѣ архим. Макарію *указа* (о чемъ—неизвѣстно), преосвященный написалъ: „Указовъ ему никогда не посылать изъ консисторіи, такъ какъ онъ указомъ св. Синода поставленъ въ непосредственное вѣдѣніе архіерейское; а *сносится* отъ моего имени *всегда, неизмѣнно*“.

¹⁾ 15 февр. 1831 г. архим. Макарій просилъ Филарета прислать ему Катихизисовъ православной церкви, Начатки ученія христіанскаго. Историческія чтенія изъ книгъ В. и Н. Завѣтовъ, и сообщилъ, что у него нѣтъ ни Огласительныхъ словъ св. Кирилла іерусал., ни книги св. Максима о любви, ни Разговоровъ о православнн вост. церкви, ни Семи словъ Макарія Египтскаго (стр. 122).

²⁾ Письмо отъ 9 окт. 1830 г. Въ бібліотекѣ Казанской дух. семинаріи сохранилось въ копіяхъ или оригиналахъ 14 писемъ архіел. Евгения къ о. Макарію.

прислать ему списокъ новообращенныхъ для молитвеннаго поминовенія ихъ, наряду съ самимъ миссіонеромъ и его со-трудниками, и „реестръ крещенныхъ веселилъ его сердце радостію несказанною“, его онъ хранилъ „какъ зѣницу ока“. Помогалъ онъ миссіи и деньгами, хотя не всегда и самъ былъ ими обилень, и подыскиваніемъ помощниковъ о. Макарію. Было у него одно время желаніе сложить кости свои на Алтаѣ, куда его звалъ архим. Макарій...

Выѣхавъ изъ Тобольска 3 августа, алтайскіе миссіонеры 29 числа были въ г. Бійскѣ, который на первыхъ порахъ сдѣлался центральнымъ пунктомъ ихъ дѣятельности. Въ немъ они жили до 1 мая 1831 г. и отсюда совершали поѣздки по цѣлой области для ознакомленія съ мѣстностію, людьми ее населяющими и ихъ языкомъ. Въ маѣ они поселились въ Улалѣ ¹⁾, состоявшей изъ 15 семей некрещенныхъ телеутовъ, четырехъ семействъ крещенныхъ черневыхъ татаръ и трехъ русскихъ пчеловодовъ. Но намѣреніе некрещенныхъ улалинцевъ, составлявшихъ большинство въ селеніи, уйти подальше отъ сосѣдства съ христіанскимъ миссіонеромъ, заставило самого архим. Макарія перейти отсюда въ д. Майму, въ 10 верстахъ отъ Улалы. Майма (или Найма), какъ и Улала, представляла слѣдующія удобства: легкость сношеній съ Бійскомъ, центральность положенія между областью татаръ на югѣ и т. наз. калмыковъ на сѣверѣ, защищенность горами отъ зимнихъ бурановъ. Кромѣ того, въ Маймѣ, стоявшей при сліяніи рр. Катуня и Наймы, былъ постоянный источникъ содержанія миссіи, въ видѣ рыбы. Въ Маймѣ о. Макарій поселился въ квартирѣ у крещеннаго инородца, которому платилъ сверхъ денегъ обученіемъ грамотѣ его дѣтей. По причинѣ разныхъ неудобствъ, связанныхъ съ жизнью въ чужомъ домѣ, онъ съ 1832 г. приступилъ къ постройкѣ своего, но закончилъ его только къ 1834 году. Въ этомъ же году центральный пунктъ миссіи былъ перенесенъ въ Улалу, гдѣ и оставался до 80-хъ годовъ. Въ Маймѣ же остался станъ миссіи. Такой же станъ въ концѣ 30-хъ годовъ былъ устроенъ въ Мыютѣ. Кромѣ того, миссіей въ концѣ 30-хъ годовъ былъ устроенъ собственный домикъ въ Бійскѣ.

Улала извѣстна въ исторіи алтайской миссіи не только какъ ея центральный пунктъ, но и тѣмъ, что она дала перваго крещеннаго — молодого татарина Элеску, названнаго Іоанномъ. Крещеніе его—7 сент. 1830 г.— и положило фактическое начало исторіи миссіи. Произошло это такъ. Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Бійскъ, о. Макарій узналъ отъ пріѣзжаго улалинца — христіанина, что въ Улалѣ есть юноша, готовый принять христіанство. О. Макарій послѣ нѣкотораго колебанія направился въ Улалу и, прибывъ туда 7

¹⁾ Въ 90 в. отъ Бійска, къ югу.

сент., тогда же крестилъ этого юношу. Хотѣлось ему продлить оглашеніе Элески до слѣдующаго дня, но поторопился крестить, боясь кочевавшаго невдали отъ Улалы отца Элески, не благоволившаго къ христіанству. Затѣмъ о. Макарій взялъ новокрещенаго съ собой въ Бійскъ, „дабы научить его молиться Богу и преподавать ему наставленіе въ правилахъ жизни христіанской и потомъ возвратитъ въ Улалу“. Здѣсь новокрещенаго учили молиться по-христіански, преподавали въ самыхъ общихъ чертахъ исторію объ Исусѣ Христѣ, разъяснили значеніе таинствъ, сказали о добрыхъ дѣлахъ и грѣхахъ, о вѣчной жизни и вѣчныхъ мученіяхъ. По исповѣданіи вѣры Элеска-Іоаннъ былъ 14 сент. приобщенъ св. таинъ и послѣ новыхъ наставленій отпущенъ домой. Любопытно, что при этомъ его снабдили текстомъ молитвы „Богородице Дѣво, радуйся“, чтобы онъ, если забудетъ ее, могъ возстановить ее въ памяти при помощи грамотныхъ. О. Макарій имѣлъ намѣреніе, научивши самого Элеску грамотѣ, сдѣлать его переводчикомъ миссіи, но онъ пожелалъ возвратиться въ Улалу и заняться земледѣліемъ. Въ виду послѣдняго архим. Макарій исходатайствовалъ ему узаконенную трехлѣтнюю льготу отъ всякихъ податей и повинностей, а въ цѣляхъ изолированія отъ языческой среды позаботился о припискѣ его къ христіанскому обществу.

Исторія обращенія Элески представляетъ типичный примѣръ тѣхъ мѣропріятій, какія принимались архим. Макаріемъ при соединеніи алтайскихъ инородцевъ съ церковію. Обычно онъ узнавалъ такъ или иначе, что въ томъ или иномъ пунктѣ имѣется инородецъ, расположенный къ принятію христіанскаго ученія. Тогда онъ спѣшилъ въ то мѣсто, оглашалъ инородца, затѣмъ крестилъ, поручалъ надежному воспріемнику, который и ограждалъ новообращеннаго отъ вредныхъ вліяній. Но иногда о. Макарію приходилось сталкиваться при оглашеніи алтайца съ противодѣйствіемъ или его семьи или шамановъ. Тогда онъ или крестилъ тайно и велѣлъ разрывать семейныя связи или же отказывался крестить.

Часто архим. Макарій и самъ старался внушить инородцамъ желаніе переменъ въ вѣры. Для этого онъ пользовался всякими обстоятельствами. Иногда онъ говорилъ въ толпѣ алтайцевъ, собравшихся для сбора ясака, причемъ встрѣчалъ различное отношеніе къ своимъ словамъ: одни казались „болѣе зрителями, чѣмъ слушателями“, другіе—горячо отстаивали свою вѣру, ссылаясь то на то, что всѣ вѣры имѣютъ право на существованіе, какъ существуютъ различныя породы деревьевъ, травъ, рыбъ и птицъ, то на неудобства для нихъ, кочевниковъ, питающихся кониной и всякой всячиной, христіанства съ его осѣдлымъ образомъ жизни и необходимости отстать отъ конины и т. п. Низкій матеріальный и умственный уровень алтайцевъ служилъ вообще немалымъ препятствіемъ къ пониманію и воспріятію христіанскихъ идей. Са-

мая обстановка бесѣдъ подчасъ парализовала силу проповѣди— „огонь пылающій посреди шалаша, мужчины и женщины, съ дымящимися трубками сидящіе вокругъ огня, нагія дѣти, по горячему пеплу ползающія, нечистота и жалкая бѣдность во всемъ“. „Одна неизбежная крайность могла принудить къ ночлегу въ смрадной татарской юртѣ, наполненной прыгающими насѣкомыми, столь же несносными, какъ и летающія“¹⁾... О. Макарій не стѣснялся, однако, сѣять сѣмена истины и при такихъ условіяхъ, приноравливаясь ко всякаго рода положеніямъ. Войдя однажды въ татарскую юрту, онъ нашелъ въ ней одну только татарку, да и то занятую стряпней. Онъ, однако, началъ благоговѣствованіе и татарка слушала его. Но когда ея вниманіе стало отвлекать заплакавшій ребенокъ, проповѣдникъ сѣлъ къ колыбели и, убаюкивая ребенка, продолжалъ учить его мать²⁾.

Встрѣтивъ желавшаго креститься или самъ возбудивъ въ инородцѣ такое желаніе, архим. Макарій старался ввести его въ самую сущность христіанскаго ученія и вмѣстѣ познакомить съ основными дѣйствіями христіанскаго богослуженія. Въ краткихъ и простыхъ словахъ онъ проповѣдывалъ о Богѣ, о сотвореніи міра и человѣка, о паденіи людей, обѣтованіи Спасителя, о Спасителѣ—истинномъ Богѣ, который 33½ года видимо жилъ на землѣ съ людьми, какъ Онъ грѣхи всѣхъ человѣковъ на себя взялъ и за наши грѣхи человѣческой душою и тѣломъ страдалъ и умеръ, а въ третій день по смерти ожилъ, возсталъ изъ гроба, вознесся на небо, куда возьметъ съ собою и всѣхъ, вѣрующихъ въ Него, и какъ хорошо жить тамъ, на небѣ, гдѣ нѣтъ ни бѣдности, ни болѣзни, ни даже смерти... Оглашеніе продолжалось отъ одного дня до двухъ недѣль въ зависимости отъ возраста и развитія, умственнаго и нравственнаго, оглашаемаго. Иногда о. Макарій и дольше испытывалъ искренность оглашаемаго. Одного 20-лѣтняго татарина, состоявшаго подъ судомъ за воровство, онъ „держалъ подъ сомнѣніемъ и разсмотрѣніемъ“ до тѣхъ поръ, пока не увѣрился, что онъ ищетъ крещенія не ради желанія избѣжать наказанія. При оглашеніи его архим. Макарій употребилъ „припаданіе къ стопамъ вѣрныхъ“, какъ „пособіе къ пріобрѣтенію сокрушеннаго и смиреннаго сердца и какъ средство къ возбужденію молитвъ о немъ всего собора церковнаго“. „Оглашенный, повергаясь къ стопамъ каждаго, „помолитесь — говорилъ — обо мнѣ грѣшномъ“, и каждому подавалъ малую лепту... и они преклоняли колѣна за припадавшаго, и возносили о немъ молитвенные вздохи“³⁾... Не разъ въ Запискахъ о. Макарія встрѣчается

1) Записки архим. Макарія: іюль 1831 г., 10 іюля 1833 г.

2) Странникъ, 1862, II, 146.

3) Записки архим. Макарія за 26 янв. 1831 г. Глубокой древностью

выраженіе въ родѣ слѣдующаго: „Кажется, что сей ищущій (крещенія) имѣеть нужду не въ одномъ наставленіи, а еще въ испытаніи“...

Случалось, что испытаніе вело къ перерыву наставленія. Въ августѣ 1831 г. арх. Макарій приступилъ къ оглашенію молодого татарина Сергѣ. Но замѣтивъ чрезъ нѣсколько дней, что оглашаемый обнаруживаетъ мало вниманія къ ученію, что умъ его въ разбѣяніи, а воля, казалось, и совсѣмъ не имѣла искренняго желанія прилѣпиться къ христіанской церкви, а съ другой стороны, получивъ съ разныхъ сторонъ совсѣмъ не радостныя извѣстія о нравахъ и поступкахъ Сергѣ, архим. Макарій не отвергъ его, но противъ воли своей сталъ холодно съ нимъ обращаться. Сергѣ сбѣжалъ, причеиъ оказалось, что, ища крещенія для себя, онъ хотѣлъ оставить некрещеною свою малолѣтнюю сестру, чтобы послѣ получить за нее колымъ. Но обличенный въ одномъ хищничествѣ, онъ вновь искалъ крещенія, причеиъ крестилъ прежде сестру. Онъ просилъ крещенія, ваяясь въ ногахъ у о. Макарія, который исполнилъ его желаніе послѣ всенароднаго исповѣданія имъ своихъ грѣховъ и общанія исправиться и вслѣдствіе просьбы его воспріемника,—крестить этого „поврежденнаго въ нравахъ Сергѣ“, помысливъ: „Но кто же чистъ предъ Господомъ, и каковъ я самъ? И не подобна ли служба наша неводу, пріемлющему всякія порожденія водъ? И кому много прощается, тотъ не возлюбитъ ли много?“ Былъ и вотъ еще какой случай. Оглашая еврея Янкеля Гонхиловича ¹⁾, Макарій замѣтилъ, что онъ „слушаетъ ученіе въ развлеченіи вниманія и съ озабоченною душою, и желая креститься усильно, старается затвердить слова, но о познаніи истины не печется съ довольнымъ раченіемъ, и потому и въ своихъ словахъ жалкимъ образомъ путается и вязнетъ“. Такъ какъ это происходило отъ того, что „умъ его былъ связанъ узами памятозлобія“, то о. Макарій „въ пріятливое обращеніе съ нимъ сталъ вводить горестъ обличительныхъ словъ и выговоровъ“, а когда и это не помогло, отказался его оглашать и крестить и даже приказалъ ему удалиться. Но какъ только Янкель вышелъ, бросился за нимъ вдогонку, возвратилъ его, у него же просилъ прощенія и поставилъ на колѣни молиться Богу. Эта мѣра подѣйствовала, и спокойствіе въ душѣ оглашаемаго, повидимому, возстановилось, и онъ былъ крещенъ ²⁾.

Послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго оглашенія со-

вѣяло и отъ другого введеннаго о. Макаріемъ обычая—отлучать явныхъ грѣшниковъ отъ евхаристіи.

¹⁾ Евреи, по словамъ о. Макарія, составляли весьма значительную часть населенія г. Каииска („Письма“, стр. 534).

²⁾ Записки 1831 г., іюнь, августъ и ноябрь.

вершалось крещеніе. Но и послѣ него новообращеннаго нерѣдко долго держали при миссіи, упражняя въ домашней молитвѣ и въ общественной, читая и толкуя Евангеліе и дѣлая наставленія примѣнительно къ его душевнымъ нуждамъ, а отпуская, иногда провѣряли, насколько твердо усвоено имъ христіанское вѣроученіе. А бывало и такъ, что съ отпускаемыхъ архим. Макарій бралъ письменное обязательство пребывать въ нѣдрахъ церкви до конца жизни. Но постоянная забота о новокрещенныхъ не давала имъ ни повода къ отступничеству, ни возможности забыть христіанскія молитвы и догматы и отстать отъ христіанскихъ обычаевъ и навыковъ. Насколько важной считалъ о. Макарій эту сторону миссіонерской дѣятельности—надзоръ надъ новокрещенными и постоянную духовную связь съ ними, видно между прочимъ изъ его писемъ. М. Филарату онъ писалъ 15 февраля 1831 г.: „Мы еще не начинали быть миссіонерами, хотя крестили, при помощи Божіей, немногихъ изъ иновѣрцевъ здѣшнихъ“. А въ письмѣ къ архіеп. Гавріилу екатеринославскому онъ замѣтилъ: „Въ нашей службѣ дѣланіе безъ храненія оказывается тщетнымъ и суетнымъ“ („Письма“, стр. 121, 535).

Въ систему мѣръ попеченія о новокрещенныхъ входилъ между прочимъ институтъ воспріемничества, которому о. Макарій далъ особую постановку. Прежде чѣмъ крестить инородца, особенно изъ сомнительныхъ по нравственнымъ качествамъ, архим. Макарій прискивалъ ему надежнаго крестнаго отца, на котораго и возлагалась обязанность заботиться о религіозномъ просвѣщеніи новокрещенныхъ и слѣдить за ихъ нравственностью. Крестный отецъ являлся дѣйствительнымъ поручителемъ за своихъ духовныхъ дѣтей.

Кромѣ заботъ о религіозно-нравственномъ преуспѣяніи новокрещенныхъ, институтъ воспріемничества при о. Макаріи имѣлъ и другую дѣль — приучить ихъ къ труду въ обстановкѣ осѣдлой жизни. Жизнь кочевая, то полная трудовъ и опасностей, то праздная и располагающая къ лѣни, не могла не препятствовать утвержденію инородцевъ въ христіанскихъ мысляхъ, чувствахъ и навыкахъ. И вотъ воспріемники, знакомыя своихъ крестниковъ съ приемами землѣдѣлія и работъ, связанныхъ съ нимъ, отвлекали ихъ отъ прежнихъ интересовъ и воспоминаній и тѣмъ ослабляли ихъ вредное вліяніе. Не легко, впрочемъ, давалась алтайцамъ привычка къ осѣдлой жизни, особенно если они были уже въ лѣтахъ. „Нѣкоторые, писалъ архим. Макарій, впрочемъ, немногіе, удаляясь въ неудободоступные лѣса и ущелья, возвращаются къ дикости, въ которой родились и возросли, къ лѣности и безпечному своеволю, которое для нихъ всего дороже, и даже къ суевѣрію предковъ своихъ“ („Письма“, 535). Насколько здѣсь полезны были воспріемники, видно изъ свидѣтельства о. Макарія объ одной четѣ, которая „хотѣла избавиться отъ послушанія воспріемнику, трудолюбивому и честному земле-

дѣльцу, и ускользнуть въ другое мѣсто, гдѣ бы могли, какъ имъ угодно, лѣниться; но не имѣли успѣха въ сей хитрости“ (Записки—весна 1832). И о. Макарію не разъ приходилось улаживать разногласія между воспріемниками и ихъ духовными дѣтьми, исходившія именно изъ нежеланія послѣднихъ мириться съ новыми формами трудовой жизни. А насколько эти формы важны были въ дѣлѣ полного перерожденія новокрещенныхъ, видно изъ разсказа о. Макарія о Николаѣ Чейгачевѣ, который, бывъ окрещенъ послѣ однодневнаго оглашенія, отпалъ было отъ христіанства, но обращенный вновь и поселенный въ домѣ одного земледѣльца, выдавашаго за него свою дочь, обнаружилъ многія прекрасныя качества—расторопность, переимчивость, неутомимое трудолюбіе и отвращеніе отъ праздности. По словамъ его однодеревенцевъ, „онъ посмотрѣлъ только, и выучился шлеи плести; одежду и обувь для себя строить, людей не просить; сохою владѣетъ, какъ русскій; весь день внѣ дома трудится; но и въ избѣ не сидитъ сложивъ руки; отдыхъ есть одна переменна занятій“¹⁾.

Послѣ извѣстнаго періода жизни у воспріемниковъ или у другихъ благонадежныхъ христіанъ, новокрещенные переходили на самостоятельное жительство (но если крестилось цѣлое семейство, то оно прямо селилось отдѣльнымъ домомъ) въ мѣстности или деревнѣ съ преимущественнымъ, если не исключительнымъ христіанскимъ населеніемъ, причемъ отъ миссіи получали земледѣльческія орудія, скотъ, одежду, хлѣбъ, порохъ, даже мелкія вещи, въ родѣ иглокъ, нитокъ. Миссіонеры же обучали иногда новокрещенныхъ сельскому хозяйству. Служившій при миссіи ссыльный поселенецъ Петръ Лисицкій зналъ практически хлѣбопашество и огородничество; научившійся послѣднему отъ него о. Макарій лично училъ сажать овощи и ухаживать за огородами. Входилъ послѣдній даже въ подробности домашняго хозяйства и обстановки. Женщинамъ онъ настоятельно совѣтовалъ учиться прясть, заботиться о чистоплотности, подражать русскимъ въ веденіи хозяйства. Впослѣдствіи, послѣ поѣздки въ столицу (1839—1840), архим. Макарій старался поставить сельское хозяйство на научную почву, запасался агрономическими книгами и журналами, а также сѣменами растеній, которыя хотѣлъ культивировать на Алтаѣ—лекарственныхъ травъ, табаку.

Заботу о здоровьѣ новокрещенныхъ архим. Макарій поставлялъ въ прямую свою обязанность, да и другимъ внушалъ ее. „Миссіонеру, писалъ онъ, который проповѣдуетъ І. Христа, исцѣлявшаго всякую болѣзнь и всякую немощь въ людяхъ и въ то же время проповѣдывавшаго Царствіе Божіе, — миссіонеру принадлежитъ попеченіе о больныхъ между сими жителями тущобъ, удаленныхъ отъ пособій и

¹⁾ Записки—февраль 1832 г.

удобствъ городской жизни“¹⁾. Въ алтайской миссиі со временъ о. Макарія леченіе больныхъ производилось способами аллопатическимъ и гомеопатическимъ. Въ 1838 г. арх. Макарій завелъ на Маймѣ богадѣльню и больницу для пріюта бездомныхъ и сильно больныхъ. Для болѣе правильной постановки медицинской части въ миссиі онъ возымѣлъ въ 1836 г. намѣреніе поучиться въ Москвѣ вмѣстѣ съ сотрудниками своими естественнымъ наукамъ, какъ подготовляющимъ къ изученію медицины, а въ 1840 г. слушалъ въ казанскомъ университетѣ физику, химию, естественную исторію и анатомію. Тогда же онъ привезъ съ собой изъ Москвы новаго сотрудника Арт. Левицкаго, изъ студентовъ ветеринарнаго отдѣленія медико-хирургической академіи, и дѣвицу Софію де-Вальмонъ, которая по пути на Алтай, въ Казани, изучала акушерство.

Привлеченіе женщины въ составъ алтайской миссиі—было и новшествомъ и большой заслугой архим. Макарія. И замѣчательно, что къ мысли о пользѣ женщины въ миссиі и какъ хозяйки, и какъ сидѣлки, и какъ акушерки, и какъ учительницы и воспитательницы, онъ пришелъ еще до практическаго знакомства съ потребностями инородцевъ. Онъ, еще въ Тобольскѣ, думалъ не только объ одной сотрудницѣ миссиі, но и цѣлой „дружинѣ единомысленныхъ дѣвицъ и вдовъ“ („Письма“, 251—252). Такую мысль внушила ему его тобольская знакомая Е. Θ. Непряхина, дочь умершаго важнаго тобольскаго чиновника, тайно постриженная въ монашество и горѣвшая страстнымъ порывомъ къ служенію Христу и людямъ. Въ 1833—34 г. о. Макарій звалъ на служеніе деркви сибирской В. И. Верховскую, племянницу старца Зосимы, а въ 1836 г. княжну Е. П. Трубецкую, свою костромскую знакомую („Письма“, 101, 297, 298). Архим. Макарій возбуждалъ даже предъ тобольскимъ преосвященнымъ Аеанасіемъ официальное ходатайство объ устройствѣ на Алтай женской общины, которое, хотя было встрѣчено съ сочувствіемъ, не имѣло результата. Да и Непряхина, несмотря на стремленіе свое на Алтай, не могла выбраться изъ Тобольска по домашнимъ обстоятельствамъ. Въ 1838—39 г. о. Макарій свои мысли о важности и пользѣ въ составѣ миссиі женщинъ развилъ въ своемъ замѣчательномъ проектѣ организаціи въ Россіи миссіонерскаго дѣла („Мысляхъ о способахъ къ успѣшнѣйшему распространенію христ. вѣры“...), въ которомъ имъ посвящены четыре главы (28—31). Убѣжденіе архим. Макарія относительно этого предмета было такъ сильно, что встрѣтившись въ 1840 г. въ Москвѣ съ желаніемъ Софіи Вальмонъ ѣхать на Алтай, онъ отстоялъ свою мысль даже отъ разубѣжденій со стороны м. Филарета, который,

¹⁾ „Мысли о способахъ къ успѣшнѣйшему распространенію христiанской вѣры“... стр. 56. Ср. „Письма“, 321.

впрочемъ, возражалъ не съ принципиальной точки зрѣнія, а оберегая репутацію о. Макарія и имѣя въ виду практическія затрудненія ¹⁾).

Заботы архим. Макарія и другихъ дѣятелей миссіи объ улучшеніи матеріальнаго быта инородцевъ были условіемъ какъ располагавшимъ ихъ ко крещенію, такъ и содѣйствовавшимъ ихъ укрѣпленію въ христіанствѣ. Еще важнѣе были въ этомъ отношеніи бесѣды съ ними о. Макарія по вопросамъ религіозно-нравственнымъ. По свидѣтельству одного инородца, о. Макарій въ Маймѣ совершалъ богослуженіе въ походной церкви каждый воскресный и праздничный день, обращая при этомъ вниманіе на то, всѣ ли присутствуютъ тамъ. А послѣ богослуженія онъ устраивалъ собесѣдованія съ пасомыми, лѣтомъ подъ открытымъ небомъ, зимой — въ какомъ-нибудь частномъ домѣ. Здѣсь онъ велъ рѣчь о томъ, что всего болѣе занимало слушателей, — о нуждахъ и заботахъ ихъ, присоединяя къ этому нравственныя наставленія и утѣшенія. Такія бесѣды совершались обычно при помощи толмача.

Ко времени выступленія архим. Макарія на миссіонерское поприще на Алтаѣ часть инородцевъ уже была знакома съ русскимъ языкомъ, и ему приходилось бесѣдовать съ мѣстными татарами по-русски. Но ихъ было немного, — это были люди, входившіе въ частыя сношенія съ русскими, торговья и должностныя. Большинство же, особенно женщины и дѣти, говорили только на своемъ родномъ языкѣ. Такъ какъ о. Макарій не зналъ мѣстныхъ нарѣчій, а его сотрудники или тоже не знали, или знали только одно изъ нихъ, то первой и главной нуждой миссіи было ознакомить съ инородцами и ихъ языкомъ, составить грамматику и лексиконъ его и перевести на него важнѣйшія части христіанскаго вѣро- и нравоученія. Этого требовала отъ архим. Макарія и данная ему инструкція.

Архим. Макарій, прежде чѣмъ ориентироваться среди разныхъ племенъ и ихъ нарѣчій, сходилъ съ знатоками послѣднихъ и съ ними дѣлалъ переводы молитвъ и пр. то на то, то на другое изъ нихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ записывалъ татарскія слова, загадки и другія выраженія. Этотъ путь собиранія языковыхъ данныхъ отъ разныхъ лицъ и изъ разныхъ мѣстъ представлялъ немалыя затрудненія къ уразумѣнію законовъ языка. Это понималъ и самъ архим. Макарій. Когда онъ приобрѣлъ постоянного толмача въ лицѣ Теодора Иштанакова, инородца (доселѣ онъ обходился случайными переводчиками), то вотъ какъ выразилъ въ своихъ запискахъ (іюнь 1832 г.) достигнутые уже результаты въ изученіи языка и предстояшія трудности въ упорядоченіи собраннаго матеріала и въ сношеніяхъ съ инородцами. „Доселѣ мы

¹⁾ Письма м. Филарета, 130, 131.

какъ бы ходили по міру и побирались: накопляемое нами собраніе татарскихъ словъ и реченій уподоблялось сумѣ нищаго, въ которой куски всякаго хлѣба, и мягкаго и черстватаго, и пшеничнаго и ржаного, и свѣжаго и загнившатаго,— все безъ разбора смѣшано, и все вмѣстѣ составляетъ тяжелую ношу. Бѣднякъ, который вздыхалъ прежде, смотря на пустую суму свою, теперь, когда сума его сдѣлалась полна, опять вздыхаетъ, зная, что носимое имъ бремя не можетъ освободить его отъ горькой бѣдности. Таковы были наши добычи въ знакомствѣ съ различными нарѣчіями, употребляемыми въ различныхъ племенахъ инородцевъ. Тутъ были свѣдѣнія, почерпнутыя изъ разныхъ источниковъ, какіе мы встрѣчали на пути своемъ: ибо записки наши составились частью подъ руководствомъ бійскихъ мѣщанъ, изъ коихъ одни ведутъ торговлю съ алтайцами и черневыми татарами, а другіе бываютъ въ должности толмачей при земскомъ судѣ и полиціи; частью со словъ казаковъ и поселянъ, живущихъ въ смежности съ инородцами и имѣющихъ частое съ ними сношеніе; частью изъ собесѣдованій съ крещеными инородцами, которыхъ отцы или дѣды приняли христіанскую вѣру первые въ родѣ своемъ, и которые знаютъ не столько уже татарскій языкъ, сколько русскій; частью изъ разговоровъ съ некрещеными татарами, мало еще знакомыми съ русскимъ языкомъ. Тутъ были слова кумандинцевъ, черневыхъ татаръ, телеутовъ, алтайцевъ; всякой всячины накопилось столь много, что не легко было привести сіе хаотическое смѣшеніе въ стройный порядокъ. Что, думалъ я, изъ всего этого можетъ выйти, кромѣ примѣчательной нелѣпости? Изъ всѣхъ нарѣчій, которыя хотя и сходны между собою, но и отличны одно отъ другого, надлежало избрать болѣе употребительное; словарь его составлять обычнымъ порядкомъ, замѣчать, сколько можно, особенности свойственныя другимъ нарѣчіямъ; и такимъ образомъ, изучая одно, знакомиться мало-по-малу и съ прочими. Мы могли уже предлагать инородцамъ существенное ученіе Христовой вѣры и приглашать ихъ въ церковь Христову нарѣчіемъ черневыхъ татаръ и алтайцевъ, но въ переложеніи свящ. писанія на то или другое нарѣчіе неспособны были сдѣлать безъ толмача даже и шагу. Между тѣмъ по мѣрѣ умноженія новокрещенныхъ, изъ которыхъ многіе вовсе не говорятъ по-русски, со дня на день открывалось болѣе случаевъ, въ коихъ потребность постояннаго толмача давала себя чувствовать очевиднѣйшимъ образомъ“...

Въ теченіе пребыванія архим. Макарія на Алтаѣ алтайская миссія перевела на мѣстныя нарѣчія (преимущественно телеутское): 1) почти все Евангеліе, 2) многія мѣста изъ Дѣяній и посланій апостольскихъ, въ томъ числѣ все 1-ое Посланіе Іоанна, 3) многіе псалмы, 4) избранныя мѣста изъ книгъ В. Завѣта, въ томъ числѣ собраніе текстовъ о таинствахъ, 5) краткую свящ. исторію, 6) краткій катихизисъ

м. Филарета, 7) огласительное поучение, символъ вѣры, 10 заповѣдей съ толкованіемъ на нихъ, краткія молитвы, 8) исповѣди и вопросы при крещеніи. О тщательности работы о. Макарія надъ переводами и о характерѣ испытывавшихся имъ при этомъ затрудненіи свидѣтельствуетъ разсказъ алтайскаго миссіонера, свящ. Мих. Вас. Чевалкова, крещеннаго и обученнаго самимъ архим. Макаріемъ. „Однажды пришелъ я къ о. Макарію. У него сидѣли Осипъ Ноурчаковъ и Павелъ Сурочаковъ. О. Макарій, увидѣвши меня, подошелъ ко мнѣ и благословивъ меня, посадилъ на стулъ. Они трое перевели житіе Іосифа; а я сидѣлъ въ сторонѣ. Переводя это житіе на алтайскій языкъ, они не могли подобрать для перевода русское слово *ибо*. О. Макарій подошелъ ко мнѣ и спросилъ: „какъ по вашему сказать *ибо*“? Я отвѣтилъ: „вы мнѣ скажите примѣръ“. Онъ представилъ примѣръ. Я сказалъ: „это по нашему значить *тезе*“. О. Макарій, призвавши послушника Стефана Васильевича, сказалъ: „поставь - ко „желтый“ (самоваръ), будемъ на радостяхъ чай пить, много лѣтъ необрѣтаемое слово теперь нашлось“ ¹⁾. Все же переводы архим. Макарія, особенно болѣе ранніе, далеки отъ совершенства... Заслуживаетъ однако вниманія и мысль его о необходимости *переводить* основныя части христіанскаго богослуженія, вѣроучительныя и нравоучительныя книги и свящ. писаніе (мысль, которая и доселѣ не получила общаго признанія) и притомъ переводить на *одно* изъ нарѣчій алтайскихъ инородцевъ, и самый трудъ, результатъ его „неутомимой дѣятельности“, о которой свидѣтельствовали и много лѣтъ спустя „огромныя тетради переводовъ“,—переводовъ, легшихъ въ основу дальнѣйшихъ переводческихъ трудовъ алтайской миссіи.

Интересенъ отзывъ объ о. Макаріи и объ этой сторонѣ его дѣятельности новаго „апостола языковъ“ Н. И. Ильминскаго, который болѣе двадцати лѣтъ руководилъ новѣйшими переводами алтайской миссіи и одухотворялъ ея школьное дѣло ²⁾. Ильминскій называетъ архим. Макарія „великимъ“, „блаженнымъ“, „первоначальникомъ сознательнаго миссіонерства“. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ К. П. Побѣдоносцеву Н. И. говоритъ: „По силѣ и благодати Божіей, явились нерукотворно, т. е. безъ человѣческой миссіонерско-научной и искусственной подготовки и выправки, два миссіонерскихъ огня въ Сибири: Иннокентій и Макарій Глуха-

¹⁾ „Памятное завѣщаніе“ — Автобіографія свящ. М. В. Чевалкова. М. 1894. 12.

²⁾ Объ этомъ см. ст. проф. П. В. Знаменскаго: „Нѣсколько матеріаловъ для исторіи алтайской миссіи и участія въ ея дѣлахъ Н. И. Ильминскаго“ въ Правосл. Собес. 1901 г., а также нашу — „Н. И. Ильминскій и алтайская миссія“ (ibid., 1905, февр. и слѣд.).

ревъ. Иннокентій—самородный, сильный и ясный умъ: онъ дѣйствовалъ преимущественно катихизической проповѣдью и инородческими переводами, которые онъ вполне убѣжденно и неотразимо считалъ (и совершенно справедливо) необходимымъ орудіемъ миссіи. Архим. Макарій имѣлъ нѣкоторый мистическій отбѣнокъ, старался возбудить духъ христіанскій и благодатный въ инородцахъ, хотя онъ не отрицалъ, а даже признавалъ пользу мѣстныхъ языковъ. Но въ томъ и въ другомъ, въ Иннокентіи и Макаріи, обитала талнственная и благодатная сила и дѣйственность, и они прочно насадили христіанскую вѣру среди полудикихъ племенъ Алтая и отдаленнѣйшихъ окраинъ Сибири¹⁾.

Пользу мѣстныхъ языковъ архим. Макарій признавалъ не только въ отношеніи проповѣди,—онъ вводилъ ихъ и въ богослуженіе²⁾ и въ школу. Школьное обученіе, въ которомъ о. Макарій видѣлъ надежную поддержку миссіонерскому дѣлу, онъ завелъ съ перваго же года. Сначала въ Маймѣ онъ обучалъ дѣтей квартирнаго хозяина, затѣмъ завелъ общую школку. Потомъ устроена была школа въ Улалѣ, а съ пріѣздомъ на Алтай въ 1840 г. Софіи Вальмонъ въ Маймѣ была заведена и женская школка. Лично о. Макарій велъ школьное дѣло съ большой любовью къ дѣтямъ и съ глубокимъ знаніемъ дѣтской души. Характеризуетъ его съ этой стороны разсказъ одного изъ его учениковъ: когда онъ приходилъ къ нимъ въ домъ, то сейчасъ же пускался въ бесѣду съ ребятами,—разсказывалъ имъ изъ свящ. исторіи, училъ молитвамъ, пѣлъ съ ними краткія молитвословія, поощряя усерднѣйшихъ и понятливѣйшихъ кусочками сахару. Позанявшись съ дѣтьми, архим. Макарій иногда шутилъ и игралъ съ ними, даже бѣгалъ взапуски и, притворно уступивъ какому-нибудь пятилѣтнему пузану, награждалъ потомъ побѣдителя сахаромъ. Систематическое, школьное обученіе о. Макарій старался поставить такъ, чтобы чрезъ дѣтей дѣйствовать и на взрослыхъ, которымъ они должны были передавать то, что видѣли и слышали въ классѣ. Съ этой цѣлью онъ желалъ, чтобы и учебники удовлетворяли духовнымъ нуждамъ взрослыхъ, наравнѣ съ дѣтьми. Самъ онъ составилъ „Начальное ученіе челоувѣкомъ, хотящимъ учиться книгъ Божественнаго писанія“, заключающее въ себѣ русско-славянскую азбуку, краткій молитвословъ и выборки изъ свящ. писанія, расположенныя въ си-

¹⁾ Письма Н. П. Ильминскаго къ К. П. Побѣдоносцеву (Казань, 1895), стр. 185.

²⁾ Чрезъ годъ по оставленіи имъ миссіи въ Улалѣ, при пріѣздѣ преосв. Аванасія, „дѣвочки пѣли на лѣвомъ клиросѣ все, какъ должно, и молитву Господню и Символь вѣры, по-татарски и по-русски“ (Приб. къ Твор. св. отецъ, 1845, 558).

стематическомъ порядкѣ христіанской догматики (1841). Но русскій языкъ библейскихъ текстовъ не позволилъ сочиненію архим. Макарія быть обнародованнымъ („Письма“, № 66). По той же причинѣ не было разрѣшено къ напечатанію другое его произведеніе—„Алфавитъ Библии“ (1841), систематически расположенный сводъ текстовъ свящ. писанія на русскомъ языкѣ, предпринятый уже въ интересахъ однихъ взрослыхъ (№№ 79, 80). Объясняя генералъ-губернатору московскому, кн. Д. В. Голицыну, у котораго о. Макарій добивался содѣйствія напечатанію „Алфавита“, почему послѣдній можетъ имѣть миссіонерское значеніе для Алтая, онъ писалъ: „...доношу, что нѣкоторые изъ числа новокрещенныхъ инородцевъ говорятъ по-русски, какъ русскіе, что нѣкоторые изъ нихъ выучились, а другіе учатся читать и писать по-русски, что вмѣстѣ съ новокрещенными дѣтьми учатся русской грамотѣ дѣти русскихъ людей и что многіе новокрещенные инородцы живутъ въ однихъ селеніяхъ съ русскими; что миссія необходимо должна дѣйствовать и на русскихъ людей, дабы они своими образами содѣйствовали и миссіи въ распространеніи евангелія между иноплемениными, и что мы, если Господь благословитъ, получивши изъ Москвы благотворительной печатной Алфавитъ Библии, немедленно начнемъ готовить его къ печатанію на телеутскомъ нарѣчій“ („Письма“, 215)... Думалъ о. Макарій и объ изданіи телеутской азбуки (стр. 151, ср. 148). На какомъ языкѣ шло преподаваніе въ алтайскихъ школахъ, достоверно неизвѣстно. На основаніи вышензложеннаго можно думать, что тамъ имѣли мѣсто и мѣстныя нарѣчія, и славяно-русскій языкъ. А одно мѣсто изъ письма архим. Макарія къ м. Филарету, какъ бы оправдывающее введеніе въ школы русской и славянской азбукъ, даетъ думать, что впереди шли именно мѣстныя нарѣчія. „Одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ, составляющихъ службу миссіи, есть обученіе новокрещенныхъ инородцевъ грамотѣ *не только природныхъ нарѣчій ихъ, но и славянской и русской*, потому что они призваны участвовать въ общественномъ богослуженіи нашей церкви, совершаемомъ на славянскомъ языкѣ¹⁾, и потому что вошедши въ общеніе съ народомъ русскимъ въ единой вѣрѣ, для лучшаго познанія сей спасительной вѣры они должны искать общенія съ нимъ въ самомъ языкѣ русскомъ, и изучать сей живой языкъ, на которомъ, по милости Божіей, имѣетъ перковь наша уже Новый Завѣтъ и нѣкоторые изъ священныхъ книгъ Ветхаго“ (151, 152).

Дѣло послѣднихъ десяти лѣтъ жизни архим. Макарія—переводъ Ветхаго Завѣта съ еврейскаго языка на русскій,

¹⁾ Новокрещенные, дѣйствительно, принимали участіе въ богослуженіи: вся церковь, весь народъ пѣли „Господи помилуй...“ (Соврем. лѣтопись, 1867, № 45).

которымъ онъ извѣстенъ не менѣ чѣмъ своею миссіонерскою дѣятельностью,—стоитъ въ тѣсной связи съ послѣдней. Исходя изъ мысли, что церкви русской предназначено Провидѣніемъ привести ко Христу „многія и разнородныя племена, спокойно сѣдѣющія подѣ покровомъ державной Россіи, однако во тѣмѣ и тѣни смерти“, архим. Макарій находилъ, что эта задача можетъ быть исполнена, когда самъ народъ русскій возродится путемъ знакомства съ первоисточникомъ христіанскаго ученія—Библіей, изданной на русскомъ языкѣ въ переводѣ съ оригинальныхъ. И такъ какъ Новый Завѣтъ и Псалтирь были уже переведены въ царствованіе импер. Александра I, то и надлежало приступить къ переводу Ветхаго Завѣта, и притомъ—съ еврейскаго языка. Полная русская Библія нужна всему народу русскому, который, не знавая славянскаго языка, не можетъ и пользоваться ветхозавѣтными писаніями. Нужна она по той же причинѣ свѣтскимъ лицамъ высшаго круга, которые принуждены обращаться къ иностраннымъ переводамъ Библіи съ инославными толкованіями, почему повреждаются въ вѣрѣ. Но необходима она и духовнымъ, которые, потерявъ знакомство съ славянскимъ языкомъ, не могутъ извлечь изъ славянской Библіи всего богатства содержанія, заключающагося въ ней. Да и миссіонеры, имѣя въ рукахъ богатую и доступную бібліотеку въ видѣ русской Библіи, легко обходились бы безъ тяжеловѣсныхъ нѣмецкихъ и латинскихъ толковниковъ. Вообще же распространеніе среди русскаго народа всей Библіи на родномъ его языкѣ сдѣлало бы его болѣе христіанскимъ и оживило бы въ немъ миссіонерскій духъ. Русская Библія познакомила бы, наконецъ, съ христіанствомъ и русскіхъ евреевъ и магометанъ и тѣмъ сдѣлала бы ихъ ближе къ истинной вѣрѣ.

Проникнутый такими мыслями, архим. Макарій уже въ 1834 г. писалъ ихъ въ обширномъ письмѣ къ м. Филарету („Письма“, № 63). Въ немъ, кромѣ положительнаго изложенія доказательствъ пользы перевода Библіи на русскій языкъ, архим. Макарій опровергалъ и тѣ возраженія, какія можно было сдѣлать противъ него. Первое изъ нихъ—„Не довольно ли и того, что Новый Завѣтъ и Псалтирь изданы на російскомъ языкѣ?“—онъ опровергаетъ тѣмъ замѣчаніемъ, что не мы, а Богъ сотворилъ книги Ветхаго и Новаго Завѣта, почему мы и не можемъ знать, какія изъ нихъ могутъ быть даны народу на живомъ, общемъ и понятномъ для всѣхъ нарѣчій, и какія должны оставаться для него неприступными и какъ бы несуществующими. Духовныя нужды всего народа такъ велики и разнообразны, что вѣрчества для нихъ можетъ дать только вся Библія, а не тѣ или другія книги въ отдѣльности. На возраженіе, что „предки наши держались въ простотѣ сердца славянской Библіи и спасались“, о. Макарій отвѣчаетъ, что русская Библія спа-

сенію не повредить и что славянскій языкъ понятнѣе былъ свѣтымъ между предками нашими, чѣмъ многимъ милліонамъ потомковъ ихъ. На замѣчаніе, что русскій языкъ не созрѣлъ для перевода на него Библии, архим. Макарій говоритъ, что русскую Библию нужно выдвинуть, какъ противоядіе, противъ „прелестныхъ произведеній мірской словесности“, въ которой русскій языкъ служитъ „орудіемъ грѣха и неправды“... Что переводъ Библии нужно сдѣлать не съ греческаго, а съ еврейскаго, доказывается тѣмъ, что на послѣднемъ написаны ветхозавѣтныя книги и что Библия съ еврейскаго можетъ имѣть миссіонерское значеніе въ приложеніи къ евреямъ; облегчить она и учебныя занятія въ нашихъ семинаріяхъ и академіяхъ. — Каковы бы ни были препятствія къ переводу Библии на русскій языкъ, ихъ нужно преодолѣть, чтобы англійская церковь въ лицѣ Библейскаго общества не предвосхитила честь труда, россійской церкви принадлежащаго, и не дала православной Россіи русской Библии. Для облегченія и ускоренія дѣла архим. Макарій совѣтовалъ издавать при Петербургской дух. академіи особый журналъ: „Опыты церковныхъ воспитанниковъ въ переводѣ съ еврейскаго и греческаго“, въ которомъ, „безъ всякихъ предварительныхъ объявленій тревожныхъ, былъ бы разсылаемъ, не по церквамъ, а ко всѣмъ лицамъ учащимъ въ академіяхъ и семинаріяхъ“, весь Ветхій завѣтъ на русскомъ языкѣ, съ „избранными параллелями, самыми краткими примѣчаніями и намеками подъ чертой“. Въ два года можно было бы напечатать весь Ветхій Завѣтъ, а тамъ спокойно можно было бы ожидать рассмотрѣнія перевода...

Посланіе о. Макарія датировано 23 марта 1834 г., но отвѣтъ на него митрополита послѣдовалъ только 23 авг. 1837 г. Филаретъ пишетъ: „Бесѣду съ вами начать надобно, кажется, съ мыслей вашихъ о полномъ переводѣ Библии на русское нарѣчіе. Вы употребили не мало труда на изложеніе сихъ мыслей: но посѣвъ вашъ пришелъ не на готовую землю, и не во время сѣянія. Сомнѣнія о полезности перевода, доселѣ сдѣланнаго, и прекословія о достоинствѣ его, или не прекратились, или возникли вновь, такъ что продолженіе сего дѣла болѣе угрожало бы умноженіемъ сомнѣній и прекословій, нежели обнадеживало бы умноженіемъ плода духовнаго. Если языкъ богослужебный долженъ быть сохраненъ богослужебнымъ: то должно стараться, чтобы онъ какъ можно болѣе сохранялся общепонятнымъ; а для сего полезно, чтобы не отвыкали читать на немъ свящ. Писаніе. Мнѣ кажется, что сіе соображеніе не должно быть пренебрежено. Дѣйствуйте, въ упованіи на Бога, средствами, которыя Онъ далъ, и которыми можно сдѣлать довольно добраго“¹⁾. Этими немногими словами м. Филаретъ отвѣчалъ не только на длинное

¹⁾ Письма м. Филарета, 124—125.

письмо къ нему архим. Макарія, но и на еще болѣе обширное письмо послѣдняго къ оберъ-прокурору св. синода С. Д. Нечаеву отъ 8 июня 1836 г., которое тотъ переслалъ къ митрополиту („Письма“, № 71). При сочувствіи Филарета идеѣ архим. Макарія (за исключеніемъ мысли о необходимости переводить Ветхій Завѣтъ съ еврейскаго), запоздалость и краткость рѣчей его о предметѣ столь большой важности объясняются не столько „стеченіемъ обстоятельствъ, или неумѣніемъ владѣть временемъ“, сколько несвоевременностью поднятаго архим. Макаріемъ вопроса.

Не прошло еще десяти лѣтъ, какъ закрыто было русское библейское общество, возбуждившее сначала большія симпатіи въ правительствѣ и народѣ, а потомъ вызвавшее сильныя нареканія. Начало оно свою дѣятельность (въ 1812 г.) переводомъ библейскихъ книгъ на инородческіе языки, потомъ, по желанію имп. Александра Павловича, приступило съ 1816 г. къ изданію Библии на русскомъ языкѣ. Переводъ отдѣльныхъ книгъ былъ порученъ петербургской академіи и тогдашній ректоръ ея архим. Филаретъ сталъ во главѣ переводческаго дѣла. Думаютъ, что онъ привлекъ къ нему и студентовъ, въ томъ числѣ М. Глухарева... Ко времени закрытія библейскаго общества (1826 г.) были изданы на русскомъ языкѣ Новый Завѣтъ и Псалтирь. Были также отпечатаны пять книгъ Моисеевыхъ, книги Иисуса Навина, Судей и Руевъ, но не были выпущены въ свѣтъ: этому помѣшала катастрофа, постигшая библейское общество. Послѣднее же пострадало отъ людей, стоявшихъ во главѣ его и проводившихъ въ издаваемыхъ ими, наряду съ библейскими, мистическихъ книгахъ взгляды чуждыя православію. Не обошлось тутъ и безъ личной вражды и неприязни. Много лѣтъ спустя м. Филаретъ, пострадавшій отъ измѣненія отношеній правительства къ библейскому обществу, писалъ одному лицу: „Думаю, извѣстно, что въ 1824 г. возстаніе противъ министра духовныхъ дѣлъ (кн. А. Н. Голицына) и противъ Библейскаго общества и перевода свящ. книгъ образовали люди, водимые личными видами, которые, чтобы увлечь за собою другихъ благонамѣренныхъ, употребляли не только изысканныя и преувеличенныя подозрѣнія, но и выдумки и клеветы“¹⁾. Какъ бы то ни было, послѣ того надолго утвердилось въ русской церкви направленіе, стремившееся, по выраженію И. А. Чистовича, „къ охраненію существующаго положенія дѣлъ, къ устраненію всякихъ нововведеній и всякихъ вопросовъ, возбуждающихъ мысль, къ развитію дисциплины въ іерархическихъ отношеніяхъ и однообразію въ формахъ жизни и даже мысли“. По отношенію же къ свящ. писанію получила силу закона мысль, выраженная въ изданномъ въ то время Посла-

¹⁾ П. Птоховъ, 123--124 (Письмо отъ 18 авг. 1857 г.).

ни восточныхъ патриарховъ ¹⁾: „всякому благочестивому позволяется слушать Писаніе, дабы вѣровать сердцемъ въ правду и устами исповѣдывать во спасеніе; но не всякому позволяется безъ руководства читать нѣкоторыя части писанія, особливо Ветхаго Завѣта. Безъ разбору позволять неискуснымъ чтеніе Свящ. Писанія то же значитъ, что и младенцамъ предложить употребленіе крѣпкой пищи“... При такомъ взглядѣ существованіе Библии на славянскомъ языкѣ, мало доступномъ пониманію народа, казалось очень удобнымъ... Оберъ-прокуроръ Св. Синода, гр. Н. А. Протасовъ, пытался даже утвердить каноническое значеніе Славянской Библии, но въ этомъ крайнемъ убѣжденіи не былъ поддержанъ членами синода ²⁾. Въ прочемъ члены синода или были согласны съ гр. Протасовымъ и проводимымъ имъ направлениемъ, или не смѣли ему перечить. Склонилъ голову предъ господствовавшимъ тогда отношеніемъ къ Библии и м. Филаретъ...

Архим. Макаріи или не знали этого, или не хотѣлъ считаться. Въ 1837 г. онъ самъ приступилъ къ огромному дѣлу перевода Библии съ еврейскаго языка. Началь онъ съ книги Іова, т. е. той, до которой дошло библейское общество, и въ августѣ представилъ свой переводъ въ комиссію духовныхъ училищъ при Св. Синодѣ, а въ слѣдующемъ году туда же послалъ переводъ книги прор. Исаи, прося о напечатаніи ихъ на счетъ комиссіи „на общее благо церкви и особенно въ пользу миссіи для обращенія невѣрующихъ іудеевъ къ І. Христу“. О томъ же просилъ онъ государя императора, которому тоже послалъ экземпляры своихъ работъ („Письма“, №№ 72—75). О судьбѣ своихъ прошеній о. Макаріи узналъ лично въ Петербургѣ, куда прибылъ въ мартѣ 1839 года.

Планъ путешествія архим. Макарія въ столицу зародился у него въ 1836 г. и стоялъ въ связи съ недостаткомъ у него опытныхъ сотрудниковъ. Тѣ два тобольскіе семинариста, съ которыми онъ явился на Алтай, служили миссіи не долго: Поповъ скончался отъ чахотки 9 ноября 1830 г., а Волковъ вышелъ изъ состава миссіи въ маѣ 1832 г., послѣ женитьбы на свѣтской, что лишило его права на посвященіе въ діаконы, чего онъ добивался. Ихъ замѣнили два ссыльныхъ поселенца — Петръ Лисицкій и Иванъ Савельевъ. Перваго о. Макаріи нашелъ въ Маймѣ. Это былъ 70-лѣтній старикъ съ крѣпкими тѣлесными силами и большими нравственными достоинствами. Послѣ онъ по представленію о. Макарія былъ

¹⁾ „Святѣйшихъ патриарховъ восточно-каѳолической церкви посланіе о православной вѣрѣ, 1723 г.“ (СПб. 1838).

²⁾ Подробнѣе—у *И. А. Чистовича*, въ Исторіи перевода Библии на русскій языкъ. Христ. Чтеніе, 1872, II, 82 и слѣд. (отдѣльно статья издана въ 1873 г.).

постриженъ и введенъ въ духовное званіе. До самой своей смерти (1840 г.) онъ оставался „самымъ вѣрнымъ помощникомъ“ архим. Макарія. „Онъ и пищу приготавливалъ, и покоемъ отапливалъ, и должность чтеца отправлялъ въ богослуженіи, а иногда раздѣлялъ труды и въ наставленіи новокрещенныхъ“. Менѣе былъ полезенъ Савельевъ, б. келейникъ о. Макарія, прибывшій въ Майму въ 1833 г. и занятый болѣе семейными дѣлами. До августа 1833 г. архим. Макарій былъ единственнымъ духовнымъ лицомъ во всей алтайской миссіи. Были, конечно, на Алтаѣ и приходскія церкви и священники. Но они при своей малочисленности и разбросанности приходоѡ не могли обслуживать духовныхъ нуждъ даже своихъ пасомыхъ, такъ что самъ о. Макарій пожелалъ помогать имъ. Интересно отвѣтное письмо ему архіеп. Евгенія отъ 19 ноября 1830 г., сохранившееся въ копіи въ библіотекѣ казанской духовной семинаріи. „Усердіе ваше—говоритъ христіанскія наставленія въ церкви Війской, какъ богоугодное и душеполезное, всеохотно благословляю, равно и исповѣдывать и приобщать больныхъ въ случаѣ необходимости. Что же касается до крещенія младенцевъ, то не затруднить ли сіе вамъ? ибо о каждомъ нужно давать знаніе приходскому священнику для записки въ метрику. Впрочемъ, съ моей стороны и въ семъ нѣтъ запрещенія“. Миссія съ 1830 по 1844 г. крестила 283 русскихъ младенцевъ. Съ августа 1833 г. по ноябрь 1834 г. труды по совершенію требъ и богослуженія въ миссіійской походной церкви раздѣлялъ съ о. Макаріемъ свящ. Андрей Іоновъ; онъ же замѣщалъ архим. Макарія въ дек. 1835 г.—февралѣ 1836 г., когда тотъ ѣздилъ въ Томскъ.

Открытіе въ 1834 г. второго стана и вообще развитіе миссіонерской дѣятельности побуждало о. Макарія искать болѣе постоянныхъ и болѣе „надежныхъ сотрудниковъ“. И онъ всюду искалъ ихъ. Въ концѣ 1833 года онъ писалъ о томъ м. Филарету, причемъ назвалъ лицъ, которыхъ желалъ бы имѣть у себя—Ивана Павлова, Андрея Иванова (Вознесенскаго) и Святославскаго. Но о первомъ, чудовскомъ послушникѣ, митрополитъ 2 марта 1834 г. сообщилъ, что онъ „недавно сектаторски привязался къ одному дворянину сектатору“ (подполковнику Дубовицкому) и на Алтаѣ едва ли принесъ бы пользу; о другомъ—типографскомъ корректорѣ изъ студентовъ академіи—выразился, что онъ, какъ человекъ, „случайно возбужденный, но не управляемый“; „также способенъ обременить, а не облегчить“ о. Макарія; а третій—личный секретарь митрополита—узнавъ о зовѣ на Алтай, только „удивился“; впрочемъ Филаретъ общалъ не удерживать его, если бы онъ захотѣлъ.. вмѣстѣ съ тѣмъ митрополитъ писалъ архим. Макарію: „О вашей нуждѣ въ людяхъ говоритъ я въ Св. Синодѣ. Сказали: долженъ помочь епархіальный преосвященный. Подлинно, намъ послать къ вамъ

кого-либо силою и неудобно и бесполезно; а уговорить также трудно незнающаго васъ. По возможности буду еще о семь стараться“¹⁾). Но о. Макарій искалъ и на мѣстѣ. Приглашалъ онъ къ себѣ какого-то о. Іакова, надѣялся на помощь ученика кузнецкаго училища Сорокина („Письма“, 301, 315). Звалъ онъ на Алтай изъ Tobольска іером. Макарія, б. обдорскаго миссіонера²⁾ (248, 263), но и самъ онъ, по видимому, не имѣлъ больше желанія миссіонерствовать, да и м. Филаретъ въ томъ же письмѣ сомнѣвался, былъ ли бы онъ подходящимъ сотрудникомъ архим. Макарію, такъ какъ „въ немъ примѣтны были нѣсколько странныя путеклоненія, когда онъ еще путешествовалъ въ Сибирь“. Также неодобрительно отнесся м. Филаретъ и къ мысли о. Макарія приспособить къ дѣлу служенія Слову Божію проживавшихъ въ западной Сибири декабристовъ. „Можетъ быть, писалъ онъ, время принесетъ удостовѣреніе о пребываніи сихъ людей въ духѣ покаянія, и въ томъ, что они могутъ быть употреблены полезно и благонадежно: теперь еще не сіе время. И подумайте, изъ головъ, которыя почли себя способными перестроить цѣлый міръ, скоро ли можетъ выйти вонъ вся сія огромная дурь безъ остатка? Сказываютъ о нѣкоторыхъ, что смирились и занимаются религіею: слава Богу! Но духъ покаянія требуетъ, чтобы они признались не въ ошибокѣ и заблужденіи, въ чемъ и гордость иногда признается, а въ безуміи и преступленіи. Предоставимъ сіе хотящему всѣмъ спастися. А вы будьте осторожны“³⁾). При такихъ неудачахъ со всѣхъ сторонъ, оставалась одна надежда на мѣстнаго преосвященнаго, отъ котораго о. Макарій и „требовалъ настоятельно“ сотрудниковъ. И, дѣйствительно, епископъ томскій Агапитъ⁴⁾ 10 января 1836 г. опредѣлилъ въ миссію уволеннаго за слабостью здоровья ученика томскаго духовнаго училища Мих. Нигридкаго, 15 л., а осенью того же года прислалъ на Алтай „учиться у о. Макарія“ Ст. Ландышева. Это былъ нижегородскій семинаристъ, пріѣхавшій въ Томскую губернію, гдѣ жилъ его отецъ, разстригшійся и вновь женившійся діаконъ. Онъ думалъ продолжать образованіе въ томской семинаріи, которой тогда еще не существовало, пытался ѣхать въ тобольскую, но, уступивъ желанію преосвященнаго, отправился на Алтай. И

¹⁾ Письмо м. Филарета, 119, 120, 122, 123.

²⁾ О немъ и неудачной его дѣятельности въ обдорскомъ краѣ—„Хр. Чт.“, 1884, I, 114—117.

³⁾ Письма м. Филарета, 122, 120. См. нашу замѣтку: „Архим. Макарій Глузаревъ и тобольскіе декабристы“ въ „Русскомъ Архивѣ“, 1904, февраль.

⁴⁾ Томская епархія была учреждена въ 1834 г., а въ слѣдующемъ году въ нея вѣдѣніе перешли кузнецкій и бійскій уѣзды съ алтайской миссіей.

Нигрицкій и Ландышевъ были юноши благонравные, кроткіе, религиозные и быстро полюбившіе миссіонерское дѣло. Имъ не хватало только миссіонерской подготовки. Не болѣе подготовлены были поступившіе въ миссію въ томъ же году іером. Анастасій, ссыльный дьячокъ Петръ Торбаевъ и кр. Филиппъ Гилевъ.

Въ это то время архим. Макарій получилъ предложеніе отъ Св. Синода перейти на службу въ иркутскую епархію. Дѣло объ иркутской миссіи возникло вновь по слѣдующему поводу. Въ 1834 г. иркутскій преосвященный донесъ въ Св. Синодъ объ успѣхахъ въ обращеніи въ христіанство разноплеменныхъ народовъ, населяющихъ восточную Сибирь, но при этомъ замѣтилъ, что „крещенные изъ бурятъ, оставаясь на прежнемъ жительствѣ, между некрещенными, особенно при недовольно бдительномъ надзорѣ со стороны приходскихъ священниковъ (кои, впрочемъ, оправдываютъ себя трудностію отыскивать таковыхъ новокрещенныхъ въ ихъ улусахъ), не исполняютъ никакихъ обязанностей и обрядовъ христіанства, вступаютъ въ браки съ некрещенными по своему языческому обряду, безъ вѣнчанія по церковному чиноположенію, не представляютъ рождаемыхъ дѣтей къ приходскому священнику для окрещенія, а нѣкоторые и совершенно возвращаются въ первобытное состояніе язычества; что за всѣми принятыми по сему случаю мѣстнымъ духовнымъ начальствомъ мѣрами для дальнѣйшихъ успѣховъ христіанства между тамошними бурятами, по мнѣнію его, преосвященнаго, весьма было бы полезно, если бы принимающіе изъ нихъ св. крещеніе имѣли жительство по возможности совокупное и не весьма разсѣянное и начальника изъ крещенныхъ же бурятъ; чего сами они желаютъ и о чемъ уже неоднократно просили“. Св. Синодъ, признавъ это представленіе заслуживающимъ уваженія, сообщилъ о томъ министру внутреннихъ дѣлъ. Послѣдній же снесъ съ генераль-губернаторомъ восточной Сибири и получилъ отъ него отзывъ, что „соединеніе инородцевъ, воспріявшихъ св. крещеніе, въ одинъ общества, отдѣльно отъ язычниковъ, признается почти повсемѣстно невозможнымъ, по тѣмъ причинамъ, что они живутъ большею частію разсѣянно, распределенные платежемъ податей и ясака въ казну по своимъ родамъ и совокупно пользуются съ ними участками земель и прочими выгодами, посредствомъ чего отбываютъ денежные и натуральныя повинности; а съ переводомъ въ другія мѣста должны будутъ оставить—осѣдлые свое обзаведеніе, а кочевые—удобныя, по ихъ роду, мѣста и промыслы и всѣ вообще чрезъ то могутъ разстроиться; съ тѣмъ вмѣстѣ и при надѣленіи ихъ на новыхъ мѣстахъ землями должны встрѣтиться затрудненія“. Къ этому генераль-губернаторъ добавилъ, что онъ „съ своей стороны полагаетъ, что къ увеличенію успѣховъ христіанства между новокрещенными бурятами нельзя еще въ на-

стоящее время принимать никакихъ особенныхъ мѣръ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока число ихъ не сравняется съ числомъ язычниковъ, и доколѣ самые нравы бурятъ, постепенно смягчаясь, будутъ болѣе способны къ воспріятію слова истины. Между же тѣмъ, къ ускоренію этого вожделѣннаго времени весьма бы много могла содѣйствовать посылка къ инородцамъ, отъ времени до времени, особыхъ миссіонеровъ, изъ лицъ дознанныхъ способностей, по избранію епархіальнаго начальства, которые, помогая въ обращеніи иновѣрцевъ къ православію мѣстнымъ священникамъ, могли бы вмѣстѣ съ тѣмъ повѣрять дѣйствія и успѣхи послѣднихъ и доставлять о ходѣ дѣла сего высшему духовному начальству положительныя свѣдѣнія“. Въ виду этого отзыва, признаннаго министромъ внутреннихъ дѣлъ „заслуживающимъ полнаго уваженія, какъ основаннаго на мѣстныхъ соображеніяхъ“, Св. Синодъ и приказалъ послать томскому преосвященному указъ: „находящемуся въ бійскомъ округѣ для обращенія тамошнихъ язычествующихъ племенъ въ христіанскую вѣру архим. Макарію сдѣлать отъ имени святѣйшаго синода приглашеніе, не согласится ли онъ съ настоящимъ мѣста проповѣди своей перемѣститься въ иркутскую епархію и заняться тамъ обращеніемъ бурятъ, гдѣ, по испытанной ревности его, архим. Макарія, въ дѣлѣ обращенія язычниковъ болѣе предвидится пользы и успѣха, нежели въ настоящемъ мѣстѣ“¹⁾.

Синодальный указъ отъ 25 сент. 1836 г. былъ полученъ въ Томскѣ 2 ноября, а на слѣдующій день, по резолюціи владыки, былъ сообщенъ архим. Макарію, въ душѣ котораго „открылъ борьбу различныхъ мыслей и чувствованій“. Онъ уже такъ привыкъ къ Алтаю и такъ полюбилъ свое дѣло, что далъ себѣ слово не уходить отсюда и у него родилось желаніе сложить здѣсь свои кости. Не далѣе, какъ въ началѣ года о. Макарій „боялся, чтобы его не посадили“ въ настоятели алексѣевскаго монастыря въ Томскѣ, и сообщеніе С. Д. Нечаева, что эта опасность миновала, было для него „истиннымъ благодѣяніемъ“ („Письма“, 54). И теперь, хотя онъ „обрѣталъ въ себѣ желаніе“ проповѣдывать Евангеліе бурятамъ, или „сойти въ уединеніе и безмолвіе“, его еще сильнѣе тянуло продолжать служеніе при алтайской миссіи „до совершеннаго изнеможенія“. Но надъ всѣми этими желаніями возобладало новое—посвятить остатокъ силъ своихъ приготовленію двухъ своихъ сотрудниковъ (Ландышева и Нигрицкаго) „къ плодоноснѣйшему служенію въ распространеніи царствія Божія между евреями, магометанами и язычниками, находящимися въ державѣ російской“. Архим.

¹⁾ Копія съ дѣла томской дух. консисторіи на 3 листахъ (въ бумагахъ Казанской дух. семинаріи).

Макарій предполагалъ переѣхать въ Москву, гдѣ Ландышевъ сталъ бы изучать въ духовной семинаріи богословскія науки, а Нигрицкій—словесныя, философскія и богословскія. вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ трое, сколько могли бы, стали бы „собрать въ Московскомъ университетѣ познанія по части естественной исторіи, физики, анатоміи и важнѣйшихъ, по особенному назначенію ихъ, медицинскихъ наукъ“. Изъ языковъ юноши изучали бы—въ семинаріи еврейскій, а въ университетѣ нѣмецкій и французскій „и тѣ, которые въ особенности потребны по назначенію миссіонерскому, каковъ напр. арабскій, на которомъ Алкоранъ первоначально писанъ“¹⁾; что же касается классическихъ языковъ, то имъ можно учиться въ келліи, ежедневно читая Новый Завѣтъ на греческомъ языкѣ и нѣкоторыхъ латинскихъ авторовъ. Точно также въ келліи можно читать лучшія учебныя книги по исторіи гражданской и церковной, всеобщей и русской. Въ случаѣ совпаденія учебныхъ занятій за архим. Макаріемъ оставалось бы право—освобождая юныхъ сотрудниковъ своихъ отъ нѣкоторыхъ уроковъ, восполнять опущенное дома. Жить же имъ въ зависимости отъ него на правахъ иноческаго общежитія, какъ жили они и доселѣ. По мысли о. Макарія, юноши должны были бы „по возможности, знакомиться въ Москвѣ съ искусствами, нужными къ общежитію, и записаться разнообразными способами къ служенію челоѣкамъ... искать сношеній съ Экономическимъ обществомъ, съ профессоромъ по части сельскаго хозяйства, съ ланкастерскими школами²⁾, съ училищемъ глухо-нѣмыхъ“, „входить въ клинику университета, служить больнымъ, внимать врачамъ, принимать и исполнять ихъ приказанія, относящіяся къ больнымъ“. Самъ лично о. Макарій имѣлъ намѣреніе посоветоваться съ московскими врачами и записаться хорошими очками. При всемъ томъ архим. Макарій выражалъ надежду, что, живя въ Москвѣ, онъ съ сотрудниками будетъ поддерживать письменныя сношенія съ алтайской миссіей, въ составѣ которой будутъ попрежнему числиться и по возможности будутъ „благопріятствовать успѣхамъ своихъ братій въ Сибири,—стараться пріобрѣтать для общаго поля новыхъ

¹⁾ Интересно, что чрезъ недѣлю послѣ отсылки своего отзыва архим. Макарій спрашивалъ своего кузнецкаго знакомаго, смотрителя приходскаго училища Н. И. Апаньина: „Не можете ли извѣстить меня, въ московскомъ университетѣ учатся ли языкамъ татарскому и монгольскому? Еще: буряты въ В. Сибири какое употребляютъ нарѣчіе?“ („Писма“, 301).

²⁾ Создателемъ школъ съ методомъ взаимнаго обученія былъ квакеръ Іоаннъ Ланкастеръ. Первая ланкастерская школа въ Россіи открыта была въ 1819 г. въ Гомелѣ, въ имѣніи канцлера гр. Румянцева. Насколько самъ архим. Макарій интересовался новыми дидактическими методами, видно изъ его „Писемъ“ (стр. 300).

дѣлателей, къ чему въ столицѣ болѣе, нежели гдѣ-либо слушаево и способовъ, и посылать въ пользу бѣдныхъ между новокрещенными милостыню, какую Богъ пошлетъ". По окончаніи ученія въ семинаріи и университетѣ, Ландышевъ и Нигрицкій выразили готовность отправиться туда на миссіонерскую службу, куда ихъ пошлетъ св. Синодъ, „взявъ съ собой архим. Макарія“, и на всю жизнь посвятить себя этому дѣлу. Выражая въ заключеніе своего отзыва готовность ѣхать, куда ни пошлютъ, архим. Макарій объ одномъ умолялъ—„не закрывать миссіи здѣшней (алтайской), но утвердить навсегда ея существованіе на правилахъ иноческой общины, продолжать начатое сею миссіею въ округахъ бійскомъ и кузнецкомъ, сколь ни мало сіе начало, и сохранять, что при служеніи ея приобрѣтено Церковію, сколь ни малы сіи приобрѣтенія. „Храненіе паче дѣланія“—провозглашаютъ Богомудрые руководители на пути къ спасенію. Это истинно и въ отношеніи къ собранію язычниковъ во единую святую церковь Христову. Обыкновеннымъ дѣйствіемъ приходскихъ священниковъ сельскихъ ограничиваться въ попеченіи о новокрещенныхъ и въ приобрѣтеніи новыхъ чалъ церкви небезопасно“.

„Отзывъ“ архим. Макарія съ подписями Ландышева и Нигрицкаго былъ посланъ въ Томскъ 30 ноября, но тамъ не встрѣтили сочувствія. Еп. Агапиту нашель, что исполненіе предположеній ихъ „не безвредно будетъ для Томской миссіи по причинѣ необходимо имѣющей послѣдовать и остановки въ дѣйствіяхъ ея, и немалого измѣненія въ сихъ дѣйствіяхъ“... ¹⁾ 11 дек. былъ отправленъ въ Петербургъ „отзывъ“ архим. Макарія съ мнѣніемъ преосвящ. Агапита, а 25 янв. 1837 г. состоялось опредѣленіе св. синода, которымъ проектъ признанъ не допустимымъ, „какъ не совсѣмъ удобный и затруднительный въ достиженіи желаемой цѣли“. Въмѣстѣ съ тѣмъ св. Синодъ, во вниманіе къ „распространившимся дѣйствіямъ миссіи въ Бійскомъ округѣ и къ увеличившимся нуждамъ архим. Макарія“ постановилъ увеличить до 2 тысячъ рублей ежегодную ассигновку миссіи, на что и испросилъ Высочайшее разрѣшеніе ²⁾. Болѣе подробно мотивы синодальнаго рѣшенія выяснилъ м. Филаретъ въ письмѣ къ архим. Макарію отъ 23 авг. 1837 г.: „На отзывѣ вашъ касательно перемѣщенія миссіи пора бы вамъ имѣть официальное извѣщеніе. Я же хотѣлъ сказать вамъ мои

¹⁾ Резолюція еп. Агапита находится въ „дѣлѣ“ Томской дух. консисторіи, хранящемся въ Казанской дух. семинаріи. Содержаніе „отзыва“ впервые сообщено въ печати въ извлеченіяхъ изъ синодальныхъ протоколовъ И. И. Ястребовымъ въ Правосл. Благовѣстникѣ, 1894, № 22.

²⁾ Копія синодальнаго указа еп. Агапиту отъ 9 апрѣля—въ бібліотекѣ Казанской дух. семинаріи.

мысли, какъ скоро онъ полученъ и прослушанъ въ св. синодѣ: и все хотѣлъ до-нынѣшняго дня. Прозкътъ вашъ никому изъ насъ не показался удобнымъ и благонадежнымъ къ исполненію. Удаляясь въ Москву для приготовления новой миссіи, вы прервали бы существующую: а легче и надежнѣе продолжать начатое, нежели возобновлять прерванное. Долгій путь, годы, Москва, свѣтскіи кругъ въ университетѣ, арабскій языкъ, медицина, ланкастерская метода,— о всемъ этомъ думая, право, боюсь за Нигрицкаго и Ландышева. Тоже, кажется, думали и другіе; и потому положили оставить васъ тамъ, гдѣ вы обрѣтаетесь, и пожелать вамъ, чтобы вы, о. Макарій, были для Нигрицкаго и Ландышева семинаріею, академіею и университетомъ, и чтобы они оправдали ваши надежды, на которыя съ участіемъ и любовью смотритъ начальство“¹⁾.

Объ одобреніи своей дѣятельности со стороны св. Синода архим. Макарій получалъ свѣдѣнія и раньше. Тотъ же м. Филаретъ писалъ ему 12 мая 1832 г.: „Говорятъ, вы спрашиваете: что св. Синодъ? Отвѣтъ: онъ желаетъ, чтобы вы продолжали дѣло“²⁾. А 1 авг. 1835 г. на него былъ возложенъ преосв. Аванасіемъ тобольскимъ золотой крестъ съ драгоценными камнями изъ кабинета Его Величества³⁾. Но архим. Макарій дорожилъ не столько благоволеніемъ начальства, сколько возможностью принести больше пользы инородцамъ и церкви Христовой. Разъ явившаяся мысль о расширеніи миссіонерскаго дѣла окрѣпла и развилась. Получивъ въ концѣ 1837 г. отвѣтъ на свой отзывъ, онъ 3 февр. 1838 г. подалъ еп. Агапиту просьбу объ исходатайствованіи ему разрѣшенія отправиться въ Петербургъ для того, чтобы воспользоваться совѣтами искуснѣйшихъ врачей, пособіями лучшихъ аптекъ и болѣе мягкимъ, чѣмъ сибирскій, климатомъ, а также „объясниться предъ высшимъ начальствомъ церковнымъ въ Петербургѣ о дальнѣйшемъ служеніи своемъ въ миссіонерскомъ званіи“, котораго онъ не оставлялъ и въ которомъ усердно желалъ окончить земную жизнь свою... („Письма“, 155, 156). О томъ же 7 февр. о Макарій просилъ оберъ-прокурора св. синода гр. Протасова (157). Поѣздка была разрѣшена св. синодомъ только 13 іюля, причемъ на путевые расходы св. синодъ отпустилъ изъ экстраординарныхъ своихъ суммъ 1.000 р. Но выѣхалъ архим. Макарій

¹⁾ Письма м. Филарета, 125, 126. Интересно, что м. Филаретъ, идя навстрѣчу желанію архим. Макарія обзавестись очками, послалъ ему двѣ пары своихъ (ibid.).

²⁾ Письма м. Филарета, 117.

³⁾ „Письма“, стр. 267. Награжденіе крестомъ послѣдовало вслѣдствіе отказа архим. Макарія отъ ордена, который должно было дать ему за крещеніе первыхъ ста душъ инновѣрцевъ („Письма“, 153).

съ Алтая только 31 января 1839 г. Причина этого замедленія лежала въ томъ, что онъ занятъ былъ изложеніемъ своихъ мыслей о миссіонерскомъ дѣлѣ, которому онъ давалъ самую широкую постановку, распространяя дѣятельность русскихъ миссіонеровъ какъ на язычниковъ, такъ и на евреевъ и на магометанъ. Онъ спѣшилъ развить свой первоначальный, возникшій въ 1836 г., планъ приготовления миссіонеровъ въ стройную, обоснованную и детальную систему и послать его въ Петербургъ ранѣе своего приѣзда туда, чтобы лично предъ высшимъ начальствомъ не излагать ее, а только защищать и разъяснять ¹⁾. Два экземпляра своей рукописи архим. Макарій 20 января 1839 г. послалъ еп. Агапиту для представленія въ св. синодъ и государю, озаглавивъ ее: „Мысли о способахъ къ успѣшнѣйшему распространенію христіанской вѣры между евреями, магометанами и язычниками въ россійской державѣ“. Отлагая до послѣдней главы анализъ этого произведенія, скажемъ только, что этотъ любопытный и цѣнный проектъ реорганизаціи миссіонерскаго дѣла въ Россіи по своей полнотѣ, обстоятельности, основательности и практичности не только превосходилъ все, что до того писалось и издавалось по этому вопросу, но и для настоящаго времени онъ можетъ представляться еще идеальнымъ. И это—несмотря на то, что часть предположеній архим. Макарія уже осуществилась. Для того же времени онъ былъ слишкомъ оригиналенъ и даже радикаленъ. И потому, несмотря на личную защиту его авторомъ, св. синодъ 14 апр. 1839 г. постановилъ оставить его и прошеніе о. Макарія „безъ дѣйствія“ ²⁾.

Можетъ быть, при другихъ обстоятельствахъ св. синодъ призналъ бы удобоисполнимыми хотя нѣкоторыя изъ предположеній о Макарія, направленныхъ къ развитію миссіонерскаго дѣла, но теперь онъ отвергъ всѣ ихъ, такъ какъ весь этотъ планъ основывался на мысли о необходимости русскаго перевода Библии, а этого тогда допустить не считали возможнымъ. Прошеніе архим. Макарія въ комиссію духов-

¹⁾ О главномъ мотивѣ своего стремленія въ Петербургъ и о причинѣ замедленія говоритъ письмо о. Макарія къ Н. И. Ананьину въ дек. 1838 г. „Важнѣйшій трудъ, поглощавшій всѣ часы, которые, въ другихъ обстоятельствахъ находясь, я посвятилъ бы заочной бесѣдѣ съ вами, состоитъ въ изложеніи тѣхъ моихъ мыслей, которыя и въ Петербургъ поволокли меня и которыя разсудилось мнѣ представить начальству на бумагѣ, пославъ ее изъ Бійска, чтобы менѣ оставалось объяснять устно“ (стр. 304).

²⁾ Вспоминая чрезъ два года объ этой неудачѣ, о. Макарій въ письмѣ къ Ананьину выразился: „если я не обманываю самъ себя, мнѣ кажется, я не сержусь на молчаніе, которымъ отвѣтствовали на всѣ предположенія, родившіяся отъ помысленій о должности, представляющей для меня волю Вседержителя“ („Письма“, 309).

ныхъ училищъ о напечатаніи, преимущественно для употребленія между учащими и учащимися въ церковныхъ школахъ, сдѣланнаго имъ перевода книги Іова было оставлено „безъ дальнѣйшаго производства“ въ силу отзыва профессора еврейскаго языка въ петербургской дух. академіи, прот. И. Иванова, который нашель, что „переводъ, исключая немногихъ мѣстъ, довольно правиленъ, но не вездѣ чистъ и ясенъ; иногда слѣшкомъ букваленъ, часто весьма растянута, а потому безъ значительнаго усовершенствованія не можетъ быть полезно употребленъ въ духовныхъ училищахъ“¹⁾. Самъ же св. синодъ высказался по вопросу о переводахъ архим. Макарія въ апрѣлѣ 1839 г., когда въ него поступило прошеніе о Макарія на Высочайшее имя съ рукописями книгъ Іова и пр. Исаи. Св. синодъ постановилъ: „прошеніе миссіонера архим. Макарія оставить безъ дѣйствія, а рукописи сдать въ синодальный архивъ для храненія съ прочими подобными сочиненіями“²⁾.

Не помогла дѣлу и личная защита архим. Макаріемъ своихъ идей и своихъ переводовъ. Быть можетъ, она даже повредила ему. Онъ посѣщаль „многіе знатные дома“, и тѣмъ оживилъ уже повидимому похороненный вопросъ. Представители охранительнаго направленія, особенно тѣ, которые участвовали нѣкогда въ испроверженіи главы русскихъ мистиковъ, кн. А. Н. Голицына, и Библейскаго общества, заволновались. Особенно возмущался поведеніемъ о. Макарія и его покровителя м. Филарета московскаго, м. Серафимъ. Последній, по словамъ одного изъ биографовъ о. Макарія, однажды лично убѣждалъ его отказаться отъ своихъ мыслей и плановъ, но не могъ переубѣдить его ни увѣщаніями, ни угрозами высылки изъ Петербурга съ жандармами. Напротивъ, ему самому пришлось выслушать отъ архим. Макарія всѣ тѣ доказательства необходимости просвѣщенія русскаго народа и перевода Библии на родной языкъ, которыя изложены были уже имъ въ его письмахъ къ разнымъ лицамъ³⁾. Возможно, что архим. Макарій въ своихъ бесѣдахъ съ м. Серафимомъ, какъ и съ другими святителями, не сохранялъ спокойнаго тона. А. Н. Муравьевъ былъ свидѣтелемъ одного разговора его съ двумя Филаретами—московскимъ и кievскимъ. Дѣло было на Троицкомъ подворьѣ у московскаго

¹⁾ Опредѣленіе комиссіи дух. училищъ состоялось 24 окт. 1838 г. (*Итоховъ, П. В.*, о. с., 136, 137).

²⁾ *Итоховъ*, о. с., 150, 151. Лично государь выразилъ м. Серафиму неудовольствіе обращеніемъ къ нему архим. Макарія (Архим. Сергій, Высокопр. Филаретъ, м. кievскій и галицкій и его время, I (Казань, 1888), 432).

³⁾ *Д. Д. Филимоновъ*, Матеріалы для біографіи архим. Макарія изд. 2 (М. 1892), 143.

владыки. Явившіся къ нему кievскій Филаретъ и самъ Муравьевъ рассказывали, какъ наканунѣ м. Серафимъ возмущался „шныряньемъ“ повсюду архим. Макарія и угрожалъ доложить государю, что его поддерживаютъ владыки московскій и кievскій ¹⁾, а Макарія грозилъ сослать въ Спасо-евѣиміевъ монастырь. „Но не успѣли собесѣдники,—передаетъ Муравьевъ,—начать свои разсужденія, какъ (буквально сказать) ворвался въ комнату о. архимандритъ алтайскій Макарій. Какъ бы по чутью догадываясь, или, вѣроятно же, какъ человѣкъ съ своею идеей fixe... онъ едва только успѣлъ принять благословеніе отъ іерарховъ, прямо самъ началъ рѣчь о своемъ предметѣ. Итакъ что же? доколѣ же будетъ продолжаться... кажется сказалъ: *общее затмѣніе умовъ?*—говорю „кажется“, потому что внезапною и своими вольными приѣмами архим. Макарій дѣйствительно озадачилъ насъ, кромѣ развѣ митрополита московскаго, которому подобныя приѣмы, очевидно, были уже извѣстны, и который тутъ же нѣсколько, какъ говорится, осадилъ его... Но послѣ нѣсколькихъ минутъ спокойнаго собесѣдованія, архим. Макарій опять вошелъ въ свою роль, и даже рѣзче, чѣмъ въ началѣ. Онъ соскочилъ, бросился на колѣни предъ образами и, воздѣвши руки, пошелъ и пошелъ причитать... И чего тутъ не было наговорено—и все страшно обличающимъ и угрожающимъ карами небесными языкомъ и тономъ, не взирая на присутствіе двухъ первосвятителей, хотя и въ домашней бесѣдѣ?“ Между прочимъ онъ говорилъ, что на сѣдалищѣ Моисеевомъ возсѣли снова тѣ, которые, имѣя ключи царствія, и сами не входятъ и другимъ препятствуютъ, и что даже самыя бѣдствія, постигшія Петербургъ (наводненіе, пожаръ Зимняго дворца) и всю Россію (холера 1830 г.), были явнымъ знаменіемъ кары Божіей за прекращеніе перевода и изданія Библии на русскомъ языкѣ... Впрочемъ, все говоренное архим. Макаріемъ было, очевидно, не подъ вліяніемъ экстаза, или вдохновенія, какъ онъ хотѣлъ это представить, а по готовому, затверженному. Онъ, какъ стало извѣстно вскорѣ же, въ своемъ донесеніи св. синоду, при представленіи исправленнаго имъ перевода, написалъ именно въ родѣ сказаннаго... Сцена эта, наконецъ, закрылась. Возможно успоконивши архим. Макарія, то тотъ, то другой митрополитъ говорили ему кротко и внушительно... и онъ, склонивъ голову, былъ яко глухъ и нѣмъ... посматривая съизрѣдка по преимуществу на Филарета кievскаго, болѣе всего говорившаго... Когда же послѣдній кротко, любовно сказалъ Макарію: Не прогнѣвайся, отецъ, если я припомню тебѣ слова, которыя не шли къ тому, кому они были сказаны, а къ тебѣ пожалуй

¹⁾ М. Серафимъ ошибочно считалъ и Филарета кievскаго сторонникомъ русскаго перевода Библии.

идуть: Μάινυ; τὰ πολλὰ ἐκ γράμματα εἰς μάιναν περιτρέπει ¹⁾. Лишь только произнесъ эти слова Филаретъ кievскій, архим. Макарій, сдѣлавъ какой-то двусмысленный поклонъ, молча въ ту-жъ секунду выскочилъ“ ²⁾...

Въ характерѣ о. Макарія была не малая настойчивость и онъ добился того, что... дѣйствительно былъ высланъ изъ Петербурга. Указомъ св. синода было предписано м. Филарету объявить архим. Макарію: а) чтобы онъ отправился къ мѣсту своего служенія въ томскую епархію съ остановкой въ Москвѣ не болѣе двухъ или трехъ мѣсяцевъ и б) чтобы въ послѣднемъ случаѣ находился подъ распоряженіемъ его, митрополита ³⁾. Правда, архим. Макарій все же уѣхалъ изъ Петербурга только въ августѣ и притомъ съ укрѣпившимся намѣреніемъ продолжать переводъ Ветхаго Заветъа во что бы то ни стало. Онъ нашелъ поддержку въ сочувствіи высокопоставленныхъ свѣтскихъ лицъ и—въ переводѣ ветхозавѣтныхъ книгъ прот. Павскаго

Пребываніе въ Петербургѣ архим. Макарія не прошло безслѣдно и въ другихъ отношеніяхъ. Онъ прежде всего нѣсколько поправилъ свои больные глаза. Лечился онъ не у профессиональнаго врача, а у купца Арешникова, получившаго у правительства привилегію на леченіе глазныхъ болѣзней ⁴⁾. Впрочемъ, такъ какъ „леченіе было не довольно продолжительное, прерывистое и не имѣло всѣхъ удобствъ, то и не могло произвести успѣха полного и окончательнаго“ („Письма“, 325—326). Полезно было пребываніе о. Макарія въ столицѣ и для алтайской миссіи: онъ заинтересовалъ ея благотворителей и собралъ среди нихъ нѣкоторую сумму, изъ которой 600 р. послалъ на Алтай (326).

Вопросъ о денежныхъ средствахъ не былъ безразличенъ для миссіи, въ которой приходилось не только содержать ея дѣятелей и сооружать храмы, школы, больницы, дома для жилья, но и поддерживать крещеныхъ инородцевъ при ихъ переходѣ отъ кочевого быта къ осѣдлому. Между тѣмъ правительствомъ были ассигнованы на потребности миссіи суммы незначительныя. Самъ архим. Макарій отказался отъ жа-

¹⁾ „Бѣспуещиси ли; многія ты книги въ неистовство прелагають“. Эти слова были сказаны правителемъ римскимъ Фестомъ ап. Павлу послѣ продолжительной защитительной рѣчи на судѣ (Дѣян. XXVI, 24).

²⁾ Архим. Сергій, о. с., I, 424—436. Нужно замѣтить, что приведенный рассказъ переданъ здѣсь въ томъ видѣ, какъ его изложилъ архим. Сергій, слышавшій его отъ А. М. Муравьева въ 1867 г., спустя почти 30 лѣтъ послѣ событій. Какъ авторъ, такъ и рассказчикъ, видимо, не расположены къ архим. Макарію и смотрятъ на его дѣло глазами м. Филарета кievскаго, бывшаго противникомъ русскаго перевода Библии.

³⁾ Моск. церк. вѣд., 1872, № 45.

⁴⁾ Въ медицинѣ извѣстны глазныя капли Арешникова.

лованья по должности миссіонера, ограничившись своимъ мигистерскимъ окладомъ въ 350 р. асс. Двумъ его сотрудникамъ опредѣлено изъ консисторіи по 250 р. Да на разѣды было ассигновано изъ экстраординарныхъ суммъ св. синода 1000 р. ¹⁾. Съ 1836 г., по Высочайше утвержденному 26 авг. 1835 г. опредѣленію синода, эта тысяча стала выдаваться изъ казны, а съ 1837 г. она была удвоена. Такъ какъ казенныя средства были не велики и доставлялись они не сразу, то архим. Макарій не однажды испытывать нужду въ деньгахъ. Особенно тяжело приходилось начальнику миссіи на первыхъ порахъ. Онъ обращался за помощью къ кому только можно было. Взялъ онъ, напр., займы 150 р. у тобольскаго архіеп. Павла, едва тотъ пріѣхалъ на кафедру, но не успѣлъ отдать, по причинѣ быстрой кончины владыки ²⁾. Писалъ онъ о „трудностяхъ своего положенія со стороны финансовъ“ въ Рязань архіеп. Евгенію и тотъ выслалъ 9 іюля 1832 г. 200 р., причемъ, успокоивая архим. Макарія увѣреніемъ, что судьба алтайской миссіи обезпечена, писалъ ему: „Но рѣшимость ваша и по закрытіи миссіи дѣйствовать въ томъ краю на собственный вашъ скудный коштъ меня восхитила до небесъ. Убо благодать Божія исполняетъ вашу душу, и будетъ ли благодать бесплодна?“ ³⁾. Особенно много помогалъ алтайской миссіи м. Фларетъ, выславшій 12 мая 1837 г. 837 р., 9 фев. 1833 г. 150 р. и 15 іюля 300 р. и затѣмъ снабжавшій архим. Макарія и книгами и церковной утварью. Въ 1833 г. архим. Макарій просилъ, повидимому,

¹⁾ Ассигновавъ одновременно эту тысячу, св. синодъ распорядился, чтобы впредь деньги отпускались изъ его суммъ по требованіямъ архим. Макарія. Но послѣдній въ своихъ требованіяхъ не выходилъ за разѣ опредѣленныя рамки, такъ что всего до начала 1836 г. изъ св. синода на нужды алтайской миссіи было отпущено 5390 р. асс. (Памятная книжка Томской губ., 1885, стр. 218. В. Вербицкій, Очеркъ состоянія алтайской дух. миссіи). Между тѣмъ архіеп. Евгеній рязанскій, бывшій тобольскій, въ письмѣ къ архим. Макарію отъ 9 іюля 1832 г. разъяснялъ ему: „О суммѣ просите преосвященнаго. Онъ по указу тогдашнему синодскому обязанъ непрестанно отпускать вамъ, съ возвратомъ изъ синода, доколь, доколь самъ синодъ или не прекратитъ сего производства, или не положить вамъ постояннаго оклада. Могу сказать, что настоящее ваше положеніе вѣрнѣе, нежели самый окладъ, ибо окладъ ограниченъ, а теперешнее неограниченно, но синодъ отъ своего постановленія отступить не можетъ. Вы съ сей стороны будьте спокойны. Только требуйте отъ преосвященнаго заблаговременно, не доводите себя до необходимости брать займы“.

²⁾ „Письма“, 395. Архіеп. Павелъ Моревъ переведенъ былъ въ Тобольскъ изъ Могилева 7 авг. 1831 г., а 18 дек. того же года онъ скончался.

³⁾ 22 іюля слѣдующаго года архіеп. Евгеній прислалъ, уже по просьбѣ архим. Макарія, еще 100 р.

митрополита о крупной субсидіи съ обязательствомъ не беспокоить его новыми просьбами, но Филаретъ 15 іюля отвѣтилъ: „На то, чтобы вы четыре года ничего не просили у меня, я не согласенъ. Ибо почему знать? Можетъ быть гораздо ближе окажется у васъ нужда, а у меня возможность удовлетворить ей. Ни вы, ни я не имѣемъ права сему препятствовать, если такъ устроить восхощетъ Богъ“¹⁾. Въ числѣ денегъ, посланныхъ на Алтай м. Филаретомъ, были не только его собственные, но и „лепты, собранныя добрыми людьми“, изъ которыхъ особенно усердствовала Варвара Михайловна Нарышкина. Изъ письма ея къ о. Макарію отъ іюля 1832 г. узнаемъ, какъ собрана была часть денегъ. Зимой м. Филаретъ, будучи въ Петербургѣ, читалъ въ домѣ кн. А. Н. Голицына письмо архим. Макарія о плачевной участи новокрещенныхъ, и Нарышкиной удалось собрать нѣчто въ помощь бѣднымъ. „Графиня Анна Алексѣевна, писала она, сверхъ чаянія моего, дала 200 (р.); но кажется и забыла, что нѣкогда хотѣла ежегодно присылать 1000 тебѣ: можетъ быть не имѣетъ воли своей и въ семъ“²⁾. Искать архим. Макарій матеріальной помощи и въ Екатеринославѣ, у своихъ друзей Мизковъ. Димитрій Тимоѣевичъ послалъ ему въ 1835 г. 200 р., а Григорій Тимоѣевичъ—200 р. въ 1834 г., 200 р. въ 1836 г. и 100 р. въ 1837 г. Кроме того, оба брата не разъ посылали на Алтай разныя принадлежности для богослуженія, въ томъ числѣ кресты и иконы. Иконами своего издѣлія снабжала о. Макарія и Е. Θ. Непряхина, нарочно для того научившаяся иконописанію. Были и другіе благотворители, жертвовавшіе преимущественно на постройку

¹⁾ Письма м. Филарета, 117—118.

²⁾ Въ послѣднихъ словахъ намекъ на архим. Фотія, подъ всецѣлымъ вліяніемъ котораго находилась гр. А. А. Орлова. Фотій же къ архим. Макарію не благоволилъ. Вотъ доказательство. Въ своей автобіографіи, сказавши о распространеніи въ петербургской академіи при ректорѣ Филаретѣ зловѣрія (мистицизма), архим. Фотій добавилъ: „Многіе даже при всемъ ученіи себя посвящали въ секты, каковъ былъ Михаилъ Глухаревъ, послѣ же въ монашествѣ бывшій архимандритъ и ректоръ Макарій, родомъ изъ смоленскихъ, но отъ духа вражія смущаемъ за преступленіе и мудрованіе, оставилъ свою степень и предпочелъ быть просвѣтителемъ другихъ, имѣя шатаніе въ странахъ Сибири; не слышно же доселѣ, могъ ли онъ кого изъ язычниковъ обратить ко Христу“ (Русская старина, 1895, февраль, 197. Автобіографія написана въ 1834—5 гг., между тѣмъ въ „Христіанскомъ Чтеніи“ 1833 г. (II и IV) напечатано было начало Записокъ архим. Макарія).—Интересно, что архим. Макарій спрашивалъ у м. Филарета, обращаться ли за помощью къ гр. Орловой (съ которой онъ познакомился въ 1821 г. въ Ростовѣ), и получилъ отвѣтъ: „Въ Юрьевѣ (монастырь) писать или не писать, воля ваша. По примѣтамъ нѣтъ большой надежды на успѣхъ“ (117).

и устройство церквей. Между тѣмъ архим. Макаріи искалъ средствъ для удовлетворенія не экстренныхъ только нуждъ, а и постоянныхъ. Нашелъ онъ ихъ однако не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ.

Прибывъ въ Москву 25 авг. 1839 г., архим. Макаріи подалъ м. Филарету заявленіе, что онъ ждетъ изъ св. синода книгу для сбора пожертвованій на алтайскую миссію и самъ лично нуждается въ средствахъ на дальнѣйшее путешествіе, такъ какъ выданная ему изъ синода тысяча рублей уже издержана. Донося о томъ св. синоду, Филаретъ предлагалъ: а) дать архим. Макарію книгу для сбора пожертвованій и необходимое пособіе, и б) продлить ему срокъ пребыванія въ Москвѣ до зимняго пути, чтобы дать ему возможность побольше собрать на миссію, и затѣмъ чтобы уменьшить опасность путешествія при его слабомъ здоровьѣ. Св. синодъ, отказавъ въ пособіи, разрѣшилъ о. Макарію пребываніе въ Москвѣ до зимняго пути и далъ сборную книгу. 6 окт. архим. Макаріи получили книгу отъ м. Филарета съ наставленіемъ, чтобы онъ употреблялъ ее „со скромностію, предлагая только людямъ добровольно и отъ усердія располагающимся къ благотворенію, обращая при томъ ихъ вниманіе на существенную цѣль миссіи—просвѣщеніе инородцевъ христіанскою вѣрою и утвержденіе въ ней“¹⁾. Благодаря м. Филарету, архим. Макаріи широко раздвинулъ кругъ знакомыхъ и заинтересовалъ нуждами алтайскихъ христіанъ всѣ слои православнаго московскаго населенія, начиная съ самого генералъ-губернатора кн. Д. В. Голицына, и даже инославныхъ. Извѣстный филантропъ, членъ попечительнаго комитета о тюрьмахъ, докторъ Ѳ. П. Гаазъ, католикъ, предложилъ напечатать въ газетахъ воззваніе о пожертвованіяхъ на алтайскую миссію, и самъ составилъ проектъ его²⁾. Но добиться разрѣшенія на напечатаніе этого воззванія не удалось, и это—благодаря м. Филарету. Сначала онъ, повидимому, былъ не

¹⁾ „Моск. Церк. Вѣдом.“, 1872, № 45.

²⁾ *Птоховъ, II. В.*, 104, 105. Въ извѣстной книгѣ Коши о Гаазѣ этотъ эпизодъ не нашелъ мѣста, да и объ о. Макаріѣ не упоминается. Но изъ нея мы узнаемъ, что у Гааза съ архим. Макаріемъ были точки соприкосновенія. Оба они всю жизнь осуществляли девизъ: „Торопитесь дѣлать добро!“ Оба проникнуты были стремленіемъ просвѣщать человѣчество распространеніемъ книгъ священнаго писанія и духовно-нравственныхъ. Въ 1828 г. Гаазъ въ качествѣ директора тюрьмы сдѣлалъ представленіе о снабженіи такими книгами арестантовъ и затѣмъ самъ сталъ покупать ихъ на собственные средства. Въ 1845 г. онъ сдѣлалъ заявленіе объ отсутствіи въ Петербургѣ книгъ Новаго завета даже на славянскомъ языкѣ, не говоря о русскомъ, и затѣмъ предложилъ просить о Высочайшемъ разрѣшеніи на напечатаніе Новаго завета на счетъ попечительнаго комитета о тюрьмахъ. Въ 1847 г. разрѣшеніе было дано (стр. 100, 105, 106).

противъ, только сомнѣвался, разрѣшить ли св. синодъ ¹⁾. Но когда дѣло о томъ чрезъ кн. Голицына попалъ въ св. синодъ и послѣдній потребовалъ заключенія московскаго митрополита, онъ только 15 сент. 1844 г. далъ свой отзывъ и отзывъ отрицательный, хотя и мотивировалъ его тѣмъ, что прошеніе о воззваніи „возникло изъ личныхъ отношеній, которыя въ настоящее время уже не въ томъ положеніи, какъ было при началѣ дѣла“ ²⁾.

Но и помимо воззванія архим. Макарій собралъ не мало денегъ. Уѣзжая изъ Москвы, онъ положилъ въ сохранную кассу 10 т. р. на вѣчное время ³⁾; не мало, вѣроятно, взялъ съ собою и въ дорогу. А затѣмъ онъ нашелъ въ Москвѣ такихъ благотворителей, которые послѣ присылали ему нѣсколько разъ по 1.000 р. изъ своихъ средствъ—кн. Н. С. Меншикова, П. П. Глѣбову-Стрешневу... Послѣдняя взяла кромѣ того на себя дальнѣйшій сборъ пожертвованій. Въ этомъ отношеніи былъ также очень полезенъ алтайской миссіи священникъ Никитской, что за Лузой, церкви Ник. Дм. Лавровъ, сдѣлавшійся другомъ и почитателемъ не только архим. Макарія, но и его преемниковъ по управленію миссіей. Онъ организовалъ сборъ вещей, нужныхъ миссіи, преимущественно церковныхъ, въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что въ 1844 г. пришлось ходатайствовать предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи ежегодно разыгрывать собираемыя вещи въ лоттереею. Чрезъ о. Лаврова шли на Алтай также книги и деньги ⁴⁾.

Цѣннымъ приобрѣтеніемъ для миссіи были и найденные о. Макаріемъ въ Москвѣ два сотрудника, рѣшившіеся ѣхать на Алтай. Это были Артемій Левицкій и Софія Вальмонъ. Левицкій, студентъ ветеринарнаго отдѣленія медико-хирургической академіи, былъ изъ духовныхъ московской епар-

¹⁾ Письма отъ 6 янв. и 7 февр. 1840 г. (стр. 129 и 131).

²⁾ *Птоховъ*, 105—107. 15 сент. 1844 г. архим. Макарій, оставившій миссію, находился уже въ Москвѣ и жилъ въ домѣ митрополита...

³⁾ „Письма“, стр. 306.

⁴⁾ Въ 1880 г. алтайская миссія, празднуя 50-ти-лѣтіе своего существованія, выразила свою благодарность прот. Н. Д. Лаврову, своему давнему сотруднику и благотворителю, посылкой ему драгоценнаго креста, который однако, по болѣзни его, былъ возложенъ на него митрополитомъ только въ 1881 г. 17 сент. Княжна Репнина, тоже благотворительница миссіи, писала о томъ ея начальнику, еп. Владиміру: „Замѣчательно, что этотъ крестъ, даръ любви алтайскихъ миссіонеровъ, возложенъ былъ на батюшку въ день св. Вѣры, Надежды и Любви! Онъ такъ постоянно вѣрилъ, надѣялся и такъ горячо любилъ это св. дѣло и лелѣялъ его какъ возлюбленное чадо болѣе 50 (?) лѣтъ“ (Письмо отъ 18 сент. 1881 г.—въ библіотекѣ казан. дух. сем.).

хиз¹⁾). На Алтай онъ принялъ монашество съ именемъ Акакія и скончался тамъ въ 1875 г. въ санѣ игумена. Софія Вальмонъ²⁾, дочь француза, капитана русской службы, оставшись сиротой послѣ бородинскаго сраженія, училась въ Смольномъ институтѣ и по окончаніи его давала уроки въ аристократическихъ семействахъ Петербурга. Затѣмъ мы видимъ ее въ Москвѣ, гдѣ она въ 1837 г. изъ католицизма перешла по убѣжденію въ православіе. Познакомившись же съ архим. Макаріемъ, она 24 янв. 1840 г., подала митрополиту заявленіе, что „возымѣла усердное желаніе посвятить остатокъ дней своихъ³⁾ на служеніе Господу въ дѣлѣ спасенія душъ человѣческихъ, искупленныхъ Имъ Своєю честною кровію, и способствовать при помощи Его новокрещеннымъ женскаго пола, при алтайской церковной миссіи, въ познаніи І. Христа распятаго и святыхъ его заповѣдей“, на что и просила благословенія и молитвъ. О томъ же просилъ владыку архим. Макарій. Митрополитъ въ письмѣ отъ 7 февр. (изъ Петербурга)⁴⁾ „съ утѣшеніемъ духа“ благословлялъ намѣреніе С. Вальмонъ „принести себя въ жертву Богу“, но о. Макарію рѣшительно не совѣтовалъ брать ее съ собой. „Вѣкъ сей лукавъ, писалъ онъ,—чистому добру не охотно вѣрится; случаи къ нареканію и клеветѣ ловить жадно; жаломъ насмѣшки, даже неосновательной, язвить иногда не безъ вреда успѣхамъ добрыхъ предпріятій“. „Вы говорите о діакониссахъ: но отчего сей чинъ прекратился въ церкви? Отъ того ли, что отцы наши меньше насъ знали, что для церкви полезно и что по времени удобно или неудобно? Я не почитаю возстановленіе сего чина ни бесполезнымъ, ни невозможнымъ: но вы видѣли, что ваши мысли о діакониссахъ⁵⁾ дошли до начальства и встрѣтили только молчаніе“. Самъ лично м. Филаретъ думалъ, что если бы особа, подобная Софіи Вальмонъ, наплась на мѣстѣ, на Алтай, и стала бы и лечить и учить женщинъ, то „это быль бы добрый вспомогательный отрядъ для духовнаго воинствованія миссіи, для распространенія побѣдъ Христовыхъ надъ царствомъ тьмы“; но изъ Москвы везти на Алтай сотрудницу—неудобно...

Но Макарій думалъ иначе, и 8 марта, спустя нѣсколько часовъ послѣ его отъѣзда, выѣхала изъ Москвы и Вальмонъ. Въ Казани архим. Макарій рѣшилъ остановиться до установленія колеснаго пути, чтобы и полечиться и поучиться съ спутниками въ университетѣ татарскому и монгольскому

1) Епископъ архангельскій Георгій приходился ему роднымъ дядей.

2) См. нашу замѣтку о ней въ Правосл. благовѣстникѣ, 1904, № 1.

3) Ей тогда было около 40 лѣтъ.

4) Письма м. Филарета, 130—131.

5) „Мысли о способахъ къ успѣшнѣйшему распространенію христіанства“, стр. 115—124.

языкамъ и естествознанію, о чемъ онъ думалъ еще въ 1836 году. Изъ его писемъ къ Глѣбовой-Стрешневой видно, какъ усердно занимался онъ изученіемъ языковъ и какой интересъ проявилъ къ разнымъ отраслямъ естествовѣдѣнія. Одновременно и Софія Вальмонъ готовилась къ своей будущей дѣятельности: она училась акушерству ¹⁾. Въ дальнѣйшій путь о. Макарій отправился только 9 іюня, причемъ разстался съ своимъ братомъ, который сопутствовалъ ему съ начала путешествія. Это былъ интересный человекъ. Священникъ г. Вязьмы, бывшій одно время учителемъ тамошняго духовнаго училища, онъ, овдовѣвъ, оставилъ двухъ своихъ дочерей на попеченіе вяземской игуменни Августы, а самъ налегкѣ двинулся на Алтай, даже не предупредивъ брата. Часть пути онъ прошелъ пѣшкомъ и осенью 1837 г. прибылъ въ Улалу, какъ сотрудникъ миссіи. Совершивши путешествіе въ Европейскую Россію, онъ въ Казани надумалъ удалиться въ кіево-печерскую лавру. Но консисторская переписка между Кіевомъ, Томскомъ и Казанью шла такъ безтолково, что ему удалось вырваться изъ плѣна казанскаго только въ 1842 г. Изъ Казани онъ хотѣлъ пройти въ Кіевъ пѣшкомъ, причемъ въ Харьковѣ пытался попасть въ заключеніе, чтобы, подобно бѣглому рабу Господа своего, потерпѣть наказаніе ²⁾. Въ Кіево-печерской лаврѣ онъ жилъ до конца 70-хъ годовъ и, повидимому, безъ постриженія.

Съ возвращеніемъ архим. Макарія на Алтай совпала почти новая попытка перемѣстить его въ иркутскую миссію. Объ этомъ мы узнаемъ изъ двухъ его писемъ къ Е. Θ. Непряхиной. 11 іюля 1840 г., т. е. въ день выѣзда изъ Томска, онъ писалъ ей: „О назначеніи меня для Иркутской миссіи здѣсь нѣтъ не только ни одной официальной строки, но ниже слуха: это мнѣ помогаетъ стремиться къ Алтайскимъ горамъ съ нераздвояющею мыслию“. А чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ сообщилъ ей: „Я ожидаю рѣшенія отъ преосвящ. московскаго м. Филарета, думать ли мнѣ о службѣ въ Иркутскѣ, или здѣсь утверждаться на остатокъ дней моихъ. Поводъ къ сему вопросу имѣ самими поданъ мнѣ; и ты согласишься со мною въ томъ, что я развязнѣе былъ бы во всѣхъ своихъ соображеніяхъ и намѣреніяхъ, по дѣламъ званія своего, если бы съ восточной стороны не представлялись мнѣ разные виды возможности, изъ тумана неизвѣстности являющіеся и опять въ немъ исчезающіе, и вниманіе мое отъ

¹⁾ „Письма“. 369—371. См. нашу статью въ „Правосл. Собесѣдникъ“, 1904, февраль: „Архим. Макарій Глухаревъ и его пребываніе въ Казани въ 1840 г.“.

²⁾ Этотъ эпизодъ выясненъ въ нашей статьѣ: „Архим. Макарій Глухаревъ и его отношенія къ роднымъ“ (Смоленскія Епарх. Вѣдомости, 1904, №№ 10—16).

настоящаго, здѣшняго и дѣйствительнаго отвлекающіе и раздвояющіе“¹⁾).

Архим. Макарій остался на Алтаѣ, гдѣ и продолжалъ работать въ прежнемъ направленіи, но при нѣскольکو измѣнившемся составѣ сотрудниковъ. Еще до его пріѣзда скончался его другъ—старецъ Петръ Лисицкій, а затѣмъ оставили миссію іером. Анастасій и Торбаевъ. Въ началѣ 1841 г. уѣхалъ свящ. В. Вескій, а въ слѣдующемъ году вышелъ Нигрицкій, и въ 1843 г.—Софія Вальмонъ. Только два лица²⁾ явились на смѣну имъ—Арх. Орловъ, изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ³⁾, и Тим. Экзерцевъ, изъ учениковъ томскаго дух. училища. А между тѣмъ, благодаря обильнымъ пожертвованіямъ изъ Москвы, явилась возможность расширить дѣятельность миссіи. Обстроены были улалинскій станъ миссіи, приступлено было къ устройству третьей (послѣ майминской и улалинской) походной церкви, открыта была въ Маймѣ женская школа, поставлено было на болѣе широкихъ основаніяхъ ознакомленіе инородцевъ съ огородничествомъ, съ сельскимъ и домашнимъ хозяйствомъ. Возросло и число новокрещенныхъ, подлечившихъ попеченію миссіи. Приходилось напрягать всѣ силы, чтобы удовлетворять нуждамъ инородцевъ, но чувствовалось, что у архим. Макарія ихъ хватить не надолго... Въ началѣ 1841 г. онъ писалъ Глѣбовой-Стрешневой: „...Не судите строго за то, что пишу рѣдко; много дѣла по службѣ, а силы мало; послѣ обѣда почти до самаго вечера не могу заниматься, а ввечеру слабость зрѣнія затрудняетъ; утреннее время все еще остается благоприятнѣйшимъ для трудовъ, но разныя требованія должности могутъ расхватывать это время по мелкимъ частямъ, а между тѣмъ и почитать что-нибудь хочется“ (389).

Кромѣ обычныхъ дѣлъ миссіонерской службы, архим. Макарій усиленно трудился надъ переводомъ ветхозавѣтныхъ книгъ съ еврейскаго на русскій языкъ. Въ 1838—9 гг. студенты петербургской академіи отлитографировали въ 150 экземплярахъ ходившіе у нихъ по рукамъ переводы книгъ В. Завѣта, сдѣланные на урокахъ еврейскаго языка профессоромъ-протоіереемъ Павскимъ. Одинъ изъ этихъ экземпляровъ попалъ къ архим. Макарію, который взялся за его сличеніе съ подлинникомъ и исправленіе, въ виду того, что этотъ переводъ, какъ не авторизованный, содержалъ много

¹⁾ „Письма“, 281—282. П. Птоховъ отнесъ почему-то это мѣсто письма архим. Макарія къ 1836 г. и, характеризуя тогдашнее его настроеніе, не упоминаетъ о новой попыткѣ перевести о. Макарія въ Иркутскъ.

²⁾ Если не считать іером. Паревнія, явившагося въ миссію въ 1839 г., въ отсутствіе о. Макарія.

³⁾ Онъ былъ причетникомъ въ церкви у свящ. Н. Д. Лаврова, и изъ Москвы пришелъ на Алтай пѣшкомъ.

ошибокъ ¹⁾. Прежде всего онъ занялся книгами Гоа и Исаи и параллельно съ этимъ исправлялъ свои собственные переводы ²⁾. Надъ этимъ онъ трудился въ Москвѣ, Казани и, по возвращеніи, на Алтаѣ — до конца 1840 г. 26 декабря онъ отправилъ въ св. синодъ (черезъ епископа томскаго Агапита) свои рукописные переводы названныхъ книгъ съ длиннымъ посланіемъ, являющимся послѣдней съ его стороны попыткой убѣдить членовъ синода въ необходимости изданія Библии въ русскомъ переводѣ. Онъ тутъ представилъ всѣ оставшіяся еще въ его распоряженіи аргументы въ пользу перевода, до угрозъ гнѣвомъ Божиимъ, почему и тонъ его здѣсь болѣе рѣшительный и болѣе рѣзкій. Ссылаясь на свои прежнія докладныя записки о русскомъ переводѣ самому синоду и государю, Макарій писалъ, что „увѣренность его въ необходимой благопотребности, для церковной миссіи и вообще для Россійскаго народа, полной Библии на Россійскомъ нарѣчьи, въ переводѣ съ оригиналовъ, теперь еще болѣе укрѣпилась“, и что онъ желаетъ и надѣется сохранить эту увѣренность во всю жизнь свою, при Божіей помощи. Угрожая правительству судомъ Божиимъ за небреженіе о распространеніи Библии на русскомъ языкѣ, архим. Макарій видѣлъ признаки наступленія этого суда въ наводненіи 1824 г., въ мятежѣ декабристовъ, въ недородѣ и голодѣ, въ пожарахъ Театра и царскаго дворца, — во всѣхъ этихъ несчастіяхъ онъ признавалъ казни Божіи за неуважительное отношеніе къ слову Божию, за то, что Пятюкнижіе Моисеево, „та святая и страшная книга Закона Божія, которая лежала въ ковчегѣ Завета Іеговы, въ святомъ святыхъ, и которую читали предъ всѣмъ Израилемъ, въ слухъ всего народа, не исключая женъ, дѣтей и пришельцевъ“, теперь,

¹⁾ Самъ архим. Макарій пишетъ объ этомъ переводѣ слѣдующее: „Въ то время (1839) я имѣлъ радость приобрести на Россійскомъ нарѣчьи всѣ каноническія книги В. Завета, пророческія и учительныя, переведенныя съ оригинала протопресвитеромъ Г. П. Павскимъ. Но какъ сіи, (и) подаренныя мнѣ, библейскія рукописи были писаны в. поспѣшно, и притомъ молодыми людьми, то я тогда же предположилъ свѣрять ихъ съ оригиналомъ еврейскимъ“... („Письма“, 201. 202). Но легко понять, что въ рукахъ о. Макарія очутился не просто рукописный, а литографированный переводъ учительныхъ и пророческихъ книгъ.

²⁾ О степени вліянія перевода прот. Павскаго на свой архим. Макарій говоритъ: „я за учителемъ моимъ по Еврейской Библии слѣдовалъ какъ ученикъ, а не какъ невольникъ, и не всѣ мнѣнія его принялъ за самыя вѣрныя, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удержался на другихъ основаніяхъ; и хотя при священномъ текстѣ сихъ книгъ находятся у меня прежнія объяснительныя примѣчанія, которыя также пересмотрѣны и исправлены, однако поправокъ въ текстѣ было такъ много, что переводъ, сдѣланный мною, сталъ ужъ не моимъ“ („Письма“, 209. 210).

въ русскомъ переводѣ, лежитъ у многихъ особъ „въ простомъ складочномъ мѣстѣ...“¹⁾ Въ заключеніе онъ просилъ синодъ выслать для алтайской миссіи 10 экз. Пятокнижія въ этомъ изданіи (а также не лишитъ сего благополучія всѣхъ епископовъ, ректоровъ и библіотеки семинарскія и академическія) и сжечь его прежнія рукописи книгъ Іова и Исаи, если новые переводы будутъ удостоены печати („Письма“, № 78).

Отвѣтомъ на это посланіе архим. Макарія было синодальное опредѣленіе отъ 11 апр. 1841 г., по которому онъ былъ признанъ виновнымъ въ томъ, во 1-хъ, что, преступивъ предѣлы своего званія и своихъ обязанностей, настаиваетъ предъ высшей властью о продолженіи перевода Библии на русскій языкъ, хотя эта власть уже приняла противоположное рѣшеніе; во 2-хъ, что въ своей неосмотрительной ревности онъ исходитъ изъ погрѣшительнаго мнѣнія, будто церковь русская не имѣетъ всего свящ. писанія на природномъ нарѣчій русского народа, между тѣмъ какъ такимъ нарѣчіемъ является славянскій языкъ, употребляемый на богослуженіи и понятный и простолюдинамъ, которые славянскую Библию даже охотнѣе читаютъ, чѣмъ русскую; и въ 3-хъ, что разсужденія его о бѣдствіяхъ, какъ наказаніяхъ за непродолженіе русскаго перевода — „сколько неосновательны и недѣлы, столько же несообразны и съ повинovenіемъ высшей власти, и съ духомъ смиренія, въ противность которому онъ поставилъ себя неурезаннымъ истолкователемъ судебъ Божіихъ“... Примѣняя къ архим. Макарію низшую мѣру наказанія, какая могла быть назначена за столь дерзновенный и дерзкій поступокъ, во вниманіе къ той пользѣ, какую онъ приноситъ и еще можетъ принести миссіонерскимъ своимъ служеніемъ, св. синодъ опредѣлилъ ему эпитимію въ домѣ томскаго епископа на срокъ отъ 3 до 6 недѣль, по усмотрѣнію послѣдняго²⁾.

Эпитимію эту архим. Макаріи отбывалъ въ концѣ 1841 г. — началѣ 1842 г. Его біографъ Д. Д. Филимоновъ, основываясь

¹⁾ Подобное толкованіе бѣдствій, постигшихъ Россію, провель о. Макарій еще раньше въ одномъ изъ писемъ къ государю („Письма“, № 75). Интересно, что много лѣтъ спустя, когда уже былъ разрѣшенъ переводъ Библии на русскій языкъ, во дѣло двигалось медленно, м. Филаретъ припомнилъ въ письмѣ къ тульскому епископу Алексію угрозы архим. Макарія „за небреженіе о немъ“ (Письма м. Филарета къ преосвящ. Алексію, — письмо отъ 15 дек. 1857 г.). Подобнымъ образомъ онъ писалъ намѣстнику св.-троицкой лавры, архим. Антонію: „Макарій былъ искренній слуга Христа Бога; и конечно примѣчательно, что онъ во время нескорбное предрекалъ скорби за небреженіе о распространеніи слова Божія; и скорби потомъ пришли“ (т. IV, № 1137).

²⁾ Филимоновъ, о. с., 164—166.

на его собственномъ показаніи, говорить, что онъ принялъ такое наказаніе за награду, какъ самъ о томъ сдѣлалъ отмѣтку въ послужномъ своемъ спискѣ, въ графѣ о наградахъ, ибо ему разрѣшено было въ теченіе шести недѣль ежедневно совершать литургію... Въ дошедшемъ до насъ собственноручно писанномъ о Макаріемъ черновикѣ его послужнаго списка за 1844 г. такой отмѣтки нѣтъ, а изъ его писемъ видно, что и извѣстіе объ наказаніи и самую епитимію онъ принялъ и перенесъ не такъ легко (стр. 414—415). Впрочемъ, „благосклонный и братолюбивый“ приемъ его еп. Анасасіемъ (Соколовымъ) и его богатая бібліотека уладили для него горечь наказанія. Различныя изданія Библии на еврейскомъ и греческомъ языкахъ, комментаріи и лексиконы дали архим. Макарію возможность продолжать любимое дѣло перевода ветхозавѣтныхъ книгъ, такъ что онъ видѣлъ въ эпитиміи проявленіе помогающаго ему Промысла Божія ¹⁾. Потому его не переубѣдили ни самая эпитимія, ни „подтверженіе“, съ которымъ по синодальному указу его отпустилъ въ Улалу томскій преосвященный, именно, „чтобы данныя Богомъ способности и время (онъ) употреблялъ на то служеніе, къ которому Богомъ же чрезъ власть церковную призванъ, и котораго вѣрное прохожденіе должно оправдать его предъ Богомъ и начальствомъ. Сіе служеніе призываетъ его къ переводу свящ. писанія не на русское нарѣчіе, а на языкъ инородцевъ, которымъ онъ проповѣдуетъ“. Какова же была сила его убѣжденія—видно изъ слѣдующаго мѣста одного изъ его писемъ къ Глѣбовой-Стрешневой: „Пока еще не совсѣмъ притупились глаза и служатъ сколько-нибудь, спѣшу исполнить предположенное по Библейскому дѣлу, умолая всеблагото Отца небеснаго даровать мнѣ силы и поддержать угасающее зрѣніе. Молитесь и вы объ этомъ и трудитесь вмѣстѣ со мной“ (стр. 398). Самъ усиленно продолжая переводить все новыя книги В. Завѣта и исправлять переведенныя, архим. Макарій привлекъ къ участию въ „дѣлѣ служенія Слову Божію“ путемъ заготовленія копій какъ ближайшихъ сотрудниковъ, такъ и отдаленныхъ друзей своихъ. Поручалъ онъ имъ и другую работу—переводъ съ французскаго примѣчаній на Вѣтхій Завѣтъ Остервальда и нѣкоторыхъ религіозно-нравственныхъ книжекъ, которыя хотѣлъ издать на русскомъ языкѣ, для обогащенія бѣдной русской литературы.

Между тѣмъ ему готовилось новое наказаніе. Посланный имъ въ ноябрѣ 1841 г. кн. Д. В. Голицыну Алфавитъ Библии попалъ чрезъ оберъ-прокурора синодальнаго, гр. Про-

¹⁾ Филимоновъ, 166. Изъ Томска о Макаріи послалъ м. Филарету и свое „Начальное ученіе челоѣкомъ“ съ его русскими текстами („Письма“, № 66).

тасова, къ ректору петербургской академіи еп. Аванасію Дроздову, который далъ о немъ суровый отзывъ, отмѣтивъ въ частности, что тексты библейскіе приведены въ немъ по переводу, русской церкви неизвѣстному (т. е. русскому). Въ виду этого св. синодъ въ декабрѣ 1842 г. постановилъ рукопись сдать для храненія въ синодальный архивъ, а автору „вновь подтвердить... чрезъ преосвященнаго томскаго строгаго внушеніемъ, что если онъ и впредь будетъ преступать долгъ смиренія предъ церковною властію, съ произвольнымъ объясненіемъ св. писанія и по такимъ совершенно духовнымъ предметамъ обращаться мимо духовнаго начальства къ постороннимъ властямъ, то за сіе подвергнется неминуемо законному взысканію. О чемъ и послать указъ преосвященному, чтобы онъ для такого внушенія вызвалъ его въ архіерейскій домъ и вообще принять надежныя мѣры къ наблюденію за его дѣйствіями и къ отклоненію его впредь отъ неправильныхъ умствованій“¹⁾). Но прежде чѣмъ это синодальное рѣшеніе было приведено въ исполненіе, архим. Макарій подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ званія начальника алтайской миссіи и о разрѣшеніи ему отправиться на богомолье въ Іерусалимъ.

Когда онъ окончательно рѣшилъ покинуть миссію и отправиться въ Палестину, точно неизвѣстно. Но мы знаемъ, когда онъ послалъ прошеніе объ увольненіи и чѣмъ ближайшимъ образомъ было вызвано оно. Приѣхавши въ декабрѣ 1842 г. въ Бійскъ для отправки своего прошенія и бумагъ Софіи Вальмонъ, которая тоже рѣшила покинуть миссію, въ виду оставленія ея о. Макаріемъ, и поселиться въ арзамасской женской общинѣ, архим. Макарій писалъ ей 23 числа: „Письмо Ваше въ Арзамасъ полетѣло; свои бумаги рѣшительныя хотѣлъ было я послать 1 янв. новаго года, но по совѣту І. П. Пелехина (врача), отъ котораго получено свидѣтельство о болѣзненномъ состояніи зрѣнія и груди и вообще о слабости моего организма, предполагаю послать еще въ этомъ году, декабря 25 дня“ (419).

Какими интересами жилъ послѣ того о. Макарій и какое настроеніе создалъ въ немъ отказъ отъ должности, на которой онъ прежде хотѣлъ умереть, видно изъ его письма къ Софіи Вальмонъ (изъ Улалы въ Майму) отъ 1 февр. 1843 г.: „Не того теперъ, чтобы новыя копіи производить; какъ бы только поправить и разслать куда слѣдуетъ написанныя. И такъ я не поручаю вамъ снова писать книгу Іова, а посылаю четыре экземпляра ея, и усерднѣйше прошу васъ

¹⁾ *Птоховъ*, 185, 186. Оба дѣла—объ эпитиміи архим. Макарія и объ объявленіи ему синодальнаго подтвержденія, преосвящ. томскій Аванасій привезъ съ собою въ Казань (*П. В. Знаменскій*. Нѣсколько матеріаловъ для исторіи алтайской миссіи, 15—16), гдѣ они и затерялись.

исправить три изъ нихъ по четвертому вѣрному, который легко отличите отъ прочихъ... Отъ вчерашняго занятія этимъ же дѣломъ у меня зрѣніе ослабѣло; и совѣсть, или другое чувство дѣлаетъ выговоръ. Между тѣмъ открываются мысленныя искушенія, относящіяся къ пути, котораго я ищу въ волѣ Божіей. Не измѣняются и не колеблются намѣренія, но по самымъ свидѣніямъ заключаю, что надобно ожидать всякой всячины, приготовляться къ терпѣнію, вооружиться словомъ Божиимъ и молитвою“ (419, 420).

Терпѣть о. Макарію пришлось еще очень долго. Только 16 іюня онъ былъ уволенъ св. синодомъ отъ начальствованія надъ алтайской миссіей и опредѣленъ настоятелемъ болховскаго оптина монастыря орловской епархіи, „а какъ долженъ былъ до половины 1844 г. исправлять должность при алтайской церковной миссіи, то прибылъ въ оптинъ монастырь изъ Сибири 15 ноября 1844 г.“. Таково собственноручно писанное показаніе архим. Макарія въ его послужномъ спискѣ. Оно и нѣкоторые мѣста изъ его писемъ впервые устанавливаютъ невыясненныя еще въ литературѣ причины болѣе чѣмъ годичнаго пребыванія о. Макарія на Алтаѣ послѣ увольненія отъ службы. Просясь объ увольненіи, архим. Макарій представилъ первымъ кандидатомъ на свое мѣсто С. В. Ландышева, котораго онъ намѣтилъ въ преемники себѣ еще въ 1840 г. ¹⁾, но на всякій случай свидѣтельствовалъ о достоинствахъ іером. Пареевнѣ, другого своего сотрудника, человѣка съ полнымъ семинарскимъ образованіемъ. Выборъ томскаго преосвященнаго остановился на о. Пареевнѣ, который однако отказался отъ должности начальника миссіи и отъ службы миссіонерской. („Письма“, №№ 195, 231). Этотъ отказъ, при нежеланіи и даже невозможности духовной власти назначить въ преемники архим. Макарію Ландышева— и по молодости его лѣтъ и потому, что онъ былъ еще свѣтскимъ—и были причиной замедленія въ окончательныхъ расчетахъ о. Макарія съ миссіей. Желая увеличить шансы С. Ландышева на избраніе, о. Макарій въ іюнѣ 1843 г. отправилъ его въ Европейскую Россію, гдѣ онъ намѣренъ былъ у себя на родинѣ (въ Нижегородской губ.) прискаты себѣ невѣсту и выдержать при родной семинаріи дополнительные экзамены. О. Макарій велѣлъ ему посѣтить также Москву и Екатеринославъ, чтобы познакомиться съ старыми благодѣателями алтайской миссіи, выразить имъ отъ ея лица „искреннѣйшее благодареніе“ и закрѣпить ихъ связи съ нею. Нѣсколько писемъ о. Макарія къ самому Ландышеву, къ свящ. Н. Д. Лаврову и другимъ лицамъ, связанныхъ съ этимъ путешествіемъ Стефана Васильевича, показываютъ, какъ заботливо относился онъ къ устроенію и личной судьбы уче-

¹⁾ Томскія Епарх. Вѣд., 1883, 225, 226.

ника, и будущаго миссіи. Ландышевъ при знакомствѣ съ новыми людьми долженъ былъ „учиться у всякаго, и все доброе перенимать“, а въ Екатеринославѣ познакомиться съ пансіономъ А. С. Понятовскаго ¹⁾. О. Лаврова архим. Макарій просилъ познакомить Ландышева „со всѣми, имѣющими усердіе къ дѣлу служенія миссіи“. А вотъ какое наставленіе далъ онъ Ландышеву касательно выбора невѣсты. Совѣтуя ему не останавливаться вниманіемъ на свѣтской дѣвицѣ, онъ добавилъ: „Лучше возвратиться въ миссію одинокимъ, нежели со львицею; я, братъ, уйти могу, какъ только дверь отворится; а твое состояніе будетъ совсѣмъ иное“ (№ 273). И Ландышевъ сдѣлалъ наилучшій выборъ—онъ остановился на бѣдной дѣвицѣ-сиротѣ духовнаго званія, Агриппинѣ Іоновнѣ Горшковой, которая сумѣла войти затѣмъ въ интересы алтайскихъ новокрещенныхъ и принести имъ не мало пользы.

Бракосочетаніе Ландышева совершилось только въ ноябрѣ; употребивши три мѣсяца на обратный переѣздъ на Алтай съ остановками въ Нижнемѣ (для экзамена) и въ Томскѣ (для хиротоніи), С. В. Ландышевъ 16 марта 1844 г. вернулся въ Удалу и тѣмъ положилъ конецъ ожиданію тревогъ и терпѣнію о. Макарія. Послѣднія же были такъ велики, что онъ не рѣдко посылалъ гонцевъ въ Війскъ за извѣстіями о Ландышевѣ и ихъ отрицательные отвѣты: „іокъ, іокъ (нѣтъ, нѣтъ) такъ расколотили бѣдное сердце, что оно сдѣлалось болѣзненно чувствительнымъ, и нерѣдко уныніе находило какъ туча мрачная“ („Письма“, 468).

Но только еще чрезъ три мѣсяца (14 іюня) архим. Макарію былъ присланъ билетъ изъ томской консисторіи, и онъ 4 іюля оставилъ Майму, сдавъ дѣла о Ландышеву, который временно былъ назначенъ управлять миссіей. Попытка томскаго преосвященнаго найти кого-нибудь изъ монашествующихъ въ начальники алтайской миссіи не увѣнчалась успѣхомъ, и, спустя годъ св. синодъ, во вниманіе къ свидѣтельству м. Филарета, утвердилъ въ этомъ званіи свящ. Ландышева ²⁾. Такимъ образомъ, тотъ, кого архим. Макарій и считывалъ сдѣлать своимъ преемникомъ, повелъ начатое имъ дѣло въ томъ же духѣ и надолго закрѣпилъ данное имъ миссіи алтайской направленіе.

¹⁾ Въ Екатеринославѣ Ландышевъ встрѣтился съ б. учителемъ семинаріи, кандидатомъ кievской академіи Вас. Бандаковымъ, который затѣмъ 27 авг. 1843 г. писалъ архим. Макарію о своемъ желаніи служить въ миссіи алтайской, присмотрѣвшись впрочемъ предварительно къ новому дѣлу и къ своимъ будущимъ сослуживцамъ. Въ ожиданіи отвѣта съ Алтая онъ намѣренъ былъ изучить ланкастерскую методу, чтобы перенести ее въ алтайскія школы. Но неизвѣстенъ отвѣтъ о. Макарія.

²⁾ Письма м. Филарета, 134—136.

Одинъ изъ учениковъ архим. Макарія Михаилъ Васильевичъ Чевалковъ оставилъ въ своей автобіографіи воспоминаніе о трогательной сценѣ разставанія его съ инородцами. Утѣшая ихъ, о. Макарій напоминалъ имъ, что горе настоящее—въ разлукѣ не съ нимъ, а со Христомъ, обнадеживалъ свиданіемъ за гробомъ, призывалъ ко взаимной любви, просилъ молитвъ за себя, самъ обѣщалъ молиться за нихъ, увѣщевалъ слушаться о. Стефана ¹⁾).

Алтайская миссія за 14 лѣтъ управленія ею архим. Макарія присоединила къ церкви Христовой 675 инородцевъ, не считая 1047 крещенныхъ ею же дѣтей. Каждый почти и каждая изъ этихъ 675 человекъ стопли архим. Макарію и его сотрудникамъ большихъ трудовъ, не столько до крещенія, сколько послѣ. Старались при этомъ дѣйствовать не на разумъ только ихъ, путемъ наученія на понятномъ для нихъ языкѣ, но и на волю, чрезъ приученіе ихъ къ христіанскому поведенію, и на чувство, и на всю душевную жизнь. По прекрасному выраженію Н. И. Ильминскаго, архим. Макарій внесъ въ русское миссіонерское дѣло, до него державшееся „механично, безъ опредѣленной мысли и безъ прочнаго успѣха“—„евангельское понятіе о религіи, какъ о живомъ органическомъ началѣ, претворяющемъ человекъ“. По другому его замѣчанію, о. Макарій имѣлъ нѣкоторый мистическій отбѣнокъ, старался возбудить духъ христіанскій и благодатный въ инородцахъ“. Въ этомъ Ильминскій видѣлъ проявленіе силы и благодати Божіей, возжегшей въ Сибири, „безъ человѣческой миссіонерско-научной и искусственной подготовки и выправки“ такой „миссіонерскій огонь“ ²⁾. Интересно, что и самъ архим. Макарій себя приписывалъ всего меньше въ обращеніи инородцевъ. Отказываясь отъ заслуженной имъ по статуту орденовъ награды, онъ писалъ въ 1834 г. архіеп. Аеанасію тобольскому: „Священный долгъ побуждаетъ свидѣтельствовать, что всѣ новокрещенные обращеніе не мною, но Провидѣніемъ Божіимъ, по большей части безъ предварительнаго содѣйствія миссіи въ пунктахъ успѣховъ, такъ что на коихъ наше дѣйствованіе устремлялось, тѣ непреклонными оставались; но трудъ безуспѣшный въ однихъ былъ награждаемъ приобрѣтеніями въ другихъ, которыхъ прежде мы и не видали, и которые были всегда извѣстны Всемогущему“ („Письма“, 153). Мистически настроенный, архим. Макарій вѣрилъ, что обращеніе невѣрныхъ совершается при помощи молитвъ всей церкви. Подъ 10 мая 1831 г. въ его Дневныхъ запискахъ читаемъ интересную записку. Одинъ неизвѣстный петербуржецъ, прочитавши его записки за сентябрьскую треть 1830 г., прислалъ ему сочув-

¹⁾ Памятное завѣщаніе, М. 1894, 21—22.

²⁾ Письма къ К. П. Побѣдоносцеву (Казань, 1895), 185.

ственное письмо, которое заключить словами: „Не ослабѣвайте, молимъ васъ... и въ часы отдохновенія вспоминайте, что есть люди, далекіе отъ васъ и вамъ незнакомые, но, по тайному сочувствію братской любви, участвующіе въ подвигѣхъ вашемъ“. „Сіе послѣднее слово, замѣчаетъ архим. Макарій, было для меня тѣмъ знаменательнѣе, что я не задолго предъ симъ читалъ въ одной полезной книгѣ совершенно согласное съ онымъ поученіе одного аввы, который, поощряя братію къ преуспѣванію въ непрестанной молитвѣ, говорилъ имъ, что многіе, коимъ казалось, будто они принесли величайшую пользу человечеству трудами своими, и много содѣйствовали обращенію душъ ко Христу проповѣданіемъ Евангелія, постыдятся въ послѣдній день, и увидятъ, что сія польза и сіи обращенія были плодами не словъ ихъ; а молитвы нѣкихъ душъ смиренныхъ, простыхъ и сокровенныхъ, которую Господь благословляетъ своею милостію въ привлеченіи къ Себѣ душъ человеческихъ. Но и сей неизвѣстный, сотворившій мнѣ утѣшеніе своимъ посланіемъ, извѣстенъ Господу нашему“¹⁾. Замѣчательно, что и въ проектѣ воззванія Гааза къ пожертвованіямъ на алтайскую миссію, — проектѣ, написанномъ, конечно, не безъ вліянія о. Макарія, признавалась сила общей молитвы объ успѣхахъ миссіи: всѣхъ и каждого онъ убѣждалъ молиться о скорѣйшемъ обращеніи язычниковъ. Но всѣмъ сказаннымъ не отрицается заслуга самого Макарія, который привлекалъ ко Христу инородцевъ красотой (силой) своего нравственного облика. Проповѣдуя алтайцамъ Христово ученіе, выясняя имъ величайшія заповѣди новой для нихъ вѣры—о любви къ Богу и къ ближнимъ, о. Макарій на себѣ самомъ являлъ предъ ними живой примѣръ такой любви. Самоотверженно служа инородцамъ и всѣмъ, кто только нуждался въ помощи, духовной или матеріальной, отдавая имъ и свое время, и силы, и средства,—архим. Макарій уже этимъ однимъ высоко поднималъ въ сознаніи алтайцевъ христіанское любвеобильное ученіе надъ языческой эгоистической моралью. И свѣтлый образъ его и доселѣ хранится и чтится на Алтаѣ не только подражателями и преемниками его дѣятельности²⁾, но и потомками тѣхъ немногихъ сотенъ обращенныхъ имъ, изъ которыхъ, какъ изъ зерна горчичнаго, выросло сѣвностивное дерево алтайской церкви.

Въ настоящее время, когда исполняется 75-тилѣтіе со дня алтайской миссіи (7 сент. 1905 г.), уже одни цифровыя дан-

¹⁾ Записки—10 мая 1831 г.

²⁾ Насколько они чтили память о. Макарія, видно изъ того, что ими въ 1892 г. было возбуждено предъ св. синодомъ ходатайство о перенесеніи останковъ архим. Макарія изъ Болхова въ Улалу („Нѣкоторыя черты изъ жизни архим. Макарія“, 57).

ныя о составѣ ея и числѣ обращенныхъ ею могутъ служить доказательствами того, какъ прочно было заложено архим. Макаріемъ зданіе алтайской церкви.

По отчету за 1904 г. составъ алтайской миссіи представляется въ такихъ цифрахъ. Служащіе въ миссіи: начальникъ — епископъ бійскій, его помощникъ — архимандритъ, 5 іеромонаховъ, 23 священника, 5 діаконовъ, 73 псаломщика и учителя (собственно учителей 49) и 5 учительницъ. Подъ управленіемъ начальника миссіи состоятъ 17 становъ (въ томъ числѣ центральный въ Бійскѣ), четыре миссіонерскихъ прихода, три монастыря, церкви и молитвенныхъ домовъ 83, школы 55. Паства миссіи состоитъ изъ 40,524 ч. православныхъ, въ томъ числѣ 25,868 ч. инородцевъ и 14,657 русскихъ; сверхъ того, въ районѣ миссіи живетъ 20,311 язычниковъ и 2,472 раскольника.

Селеній въ вѣдѣніи миссіи 213. Въ нихъ находятся слѣдующія школы: одна двухклассная церковно-приходская мужская, одноклассныхъ — одна мужская, три женскихъ и 26 смѣшанныхъ и 23 школы грамоты. Учащихся въ нихъ 1,430 ч. (990 мал. и 440 д.), въ томъ числѣ русскихъ 691, инородцевъ 739. Кромѣ того, имѣется еще въ Бійскѣ катехизаторское училище съ 166 учен. (въ томъ числѣ 45 инор.), обслуживающее нужды мѣстностей и за Алтаемъ. Въ предѣлахъ миссіи одна школа приходится на 750 жит. Грамотныхъ 5,436 ч. (3,415 м. и 2,021 ж.).

Въ миссіи алтайской имѣются три дѣтскихъ приюта, десять попечительствъ о бѣдныхъ, нѣкоторыми станами оказывается населенію медицинская помощь.

25 тысячъ крещеныхъ алтайцевъ представляютъ огромное приобрѣтеніе — и не по числу только, а и въ качественномъ отношеніи — какъ для церкви Христовой, такъ и для русской гражданственности и для культуры вообще. Христіанскія понятія наложили свой отпечатокъ на умственное развитіе населенія, на нравственный характеръ его, на семейныя отношенія, на весь укладъ его жизни. Масса алтайцевъ, съ принятіемъ крещенія, изъ неусидчивыхъ, безпечныхъ, лѣнивыхъ, самоуправныхъ кочевниковъ превратилась въ мирныхъ христіанъ-земледѣльцевъ, знакомыхъ со всѣми работами и мастерствами, связанными съ бытомъ русскаго крестьянина-хлѣбопашца. Правильный образъ жизни и довольство отразились благоприятно и на ихъ внѣшнемъ видѣ и здоровьѣ. Въ частности подъ вліяніемъ христіанства уничтожились или ослабѣли слѣдующіе вредные обычаи, касающіеся семейной жизни: 1) многоженство, 2) обычай отпускать и прогонять отъ себя женъ по несогласію и капризамъ брать другихъ, 3) калымъ — разорительная и непомѣрная плата съ зятя за выданную дочь или родственницу, часто безъ предварительнаго назначенія количества, почему и въ иныхъ случаяхъ взысканіе переходило даже къ внукамъ и производило фа-

мильные распри, притѣсненія, грабежи и насилія, 4) запродажа невѣсты въ младенчествѣ и даже въ утробѣ матери, иногда за пожилого жениха, и вообще несогласованіе брачующихся въ возрастѣ, 5) обычай выдавать вдову замужъ за ближайшаго родственника, иногда безъ согласія ея и жениха, или даже продавать ее въ замужество, 6) передача дѣтей овдовѣвшей, а вмѣстѣ и имущества, ближайшему изъ старшихъ родственниковъ умершаго, а иногда дѣлежъ дѣтей, особенно дѣвочекъ, между родственниками по подобію имущества. Вообще христіанство измѣнило въ крещеныхъ алтайцахъ прежній взглядъ ихъ на женщинъ, какъ на рабочій и продажный скотъ, подняло жену до уровня правъ мужа въ домѣ и по отношенію къ дѣтямъ и смягчило прежнія грубыя отношенія между членами семьи¹⁾. „Прежняя небрежность алтайцевъ о воспитаніи дѣтей замѣнилась въ христіанскихъ ихъ семействахъ заботою о наученіи дѣтей грамотѣ и молитвамъ, доброй жизни и внѣшнему благоприличію“²⁾. Добрыми навыками и христіанскими обычаями крещеные инородцы во многихъ отношеніяхъ превосходятъ даже русскихъ.

Сравнительная высота культуры—матеріальной и духовной крещеныхъ алтайцевъ отразилась и отражается и на некрещеныхъ ихъ сородичахъ. И они мало-по-малу обзаваются избами, свыкаются со всѣмъ строемъ осѣдлой жизни—и, что главнѣе, измѣняютъ языческому своему міровоззрѣнію то въ томъ, то въ другомъ пунктѣ. Понятно, что все это приближаетъ ихъ къ христіанству и къ обрусѣнію и роднитъ ихъ съ православной Россіей.

III.

Переѣздъ архим. Макарія въ Болховъ и жизнь его тамъ.

Обратный путь архим. Макарія въ Европейскую Россію совершался съ немалыми перерывами. 4 іюля онъ выѣхалъ изъ Маймы и только 21 числа оставилъ Війскъ. Предъ разставаніемъ навсегда онъ счелъ нужнымъ сдѣлать прощальные визиты своимъ многочисленнымъ друзьямъ и почитателямъ, а отсутствующимъ написать прощальныя письма (см. подъ №№ 176, 282). Въ Тобольскѣ онъ провелъ 8 дней „въ изобильныхъ утѣшеніяхъ въ бесѣдахъ съ тамошними друзьями о Господѣ“. Каковы и о чемъ были эти бесѣды, свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ М. Францева. Въ одномъ домѣ о. Макарій провелъ время съ 8 ч. веч. до 4 ч. утра, не переставая говорить на избранный текстъ Евангелія Іоанна. Вообще онъ, по ея словамъ, при замѣчательной простотѣ обхожде-

¹⁾ Прибавленія къ Твореніямъ св. отцевъ, ч. XV, 693—694.

²⁾ Томскія епарх. вѣдомости, 1892, № 22.

ній, отличался тѣмъ, что какой бы пустой разговоръ ни начался, онъ отъ него не уклонялся, но скоро обращать его въ духовную бесѣду, въ которой рѣчь его лилась такъ плавно, обильно и назидательно, что трудно было оторваться отъ нея ¹⁾. Въ числѣ тобольскихъ „друзей“ о. Макарія было нѣсколько декабристовъ, съ которыми онъ познакомился въ прежніе свои проѣзды чрезъ Тобольскъ и теперь. Это были М. А. Фонъ-Визинъ, П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ, П. Н. Свистуновъ. Все это были люди высоко образованные и въ то же время съ искренними религиозными убѣжденіями, знакомые одинаково какъ съ свѣтской литературой, такъ и съ богословской. Сойдясь съ ними при посредствѣ Е. Ѳ. Непряхиной на почвѣ духовныхъ интересовъ, архим. Макарій попытался осуществить въ этотъ разъ свою давнюю мечту, охлажденную м. Филаретомъ—о привлеченіи ихъ къ служенію той идеѣ всероссійскаго и все-сословнаго миссіонерства, которою самъ онъ жилъ. Въ нихъ онъ нашелъ сотрудниковъ для перевода съ иностранныхъ языковъ экзегетическихъ сочиненій, какъ пособій къ уразумѣнію Библіи (Остервальда), и другихъ назидательныхъ, религиозно-нравственныхъ книгъ, которыя могли бы восполнить скудную русскую богословскую литературу, а также писцовъ для переписки своихъ переводовъ ветхозавѣтныхъ библейскихъ книгъ. Во главѣ этого кружка стояла Непряхина, которая свою преданность о. Макарію и его дѣлу простерла до того, что при своихъ 43—44 годахъ, начала изучать французскій, нѣмецкій и англійскій языки, и въ нихъ при помощи тѣхъ же декабристовъ успѣла настолько, что могла въ скоромъ времени принимать дѣятельное участіе въ переводахъ. Кружокъ этотъ работалъ, повидимому, до самой кончины о. Макарія. Для пересылки ему копій переводовъ служили въ Москвѣ свящ. Лавровъ и братъ Фонъ-Визина, Иванъ Александровичъ. Посылались переводы въ переплетахъ книгъ, во избѣжаніе задержки на московской почтѣ, а для сношеній съ о. Макаріемъ Непряхина предложила употреблять шифрованную азбуку. Всѣ эти предосторожности были вызваны тѣми строгостями, какія повела за собой исторія съ литографированными лекціями прот. Павскаго ²⁾.

Въ Екатеринбургѣ архим. Макарій „взглянулъ на дѣвичью школу, учрежденную при обители“ ³⁾, въ Перми цѣлыя сутки провелъ въ бесѣдахъ съ преосв. Аркадіемъ (послѣ олопец-

¹⁾ „Историческій Вѣстникъ“, 1888, ч. 32, 613—615.

²⁾ Подробнѣе въ статьѣ нашей: „Архим. Макарій Глухаревъ и тобольскіе декабристы“, „Русскій Архивъ“, 1904, февраль.

³⁾ „Письма“, 496—497. Свидѣтельство архим. Макарія о школѣ при екатеринбургскомъ женскомъ монастырѣ, превратившейся потомъ въ епархіальное училище, исправляетъ обычно принимаемую дату ея основанія, по которой она учреждена ок. 1850 г.

кимъ, извѣстнымъ борцомъ противъ раскола) и съ однимъ своимъ бывшимъ ученикомъ по костромской семинаріи („Письма“, 496. 497). Въ Москву онъ прибылъ 6 сентября и на слѣдующій же день получилъ отъ московской синодальной конторы разрѣшеніе на трехмѣсячное проживаніе въ Москвѣ для поправленія разстроѣннаго его здоровья“ ¹⁾. Поселился онъ у м. Филарета, хотя и пытался уклониться отъ этого.

Въ отношеніяхъ его къ митрополиту давно произошло нѣкоторое не то охлажденіе, не то опасеніе повредить ему излишней откровенностью, или стѣснить его, причемъ самъ Филаретъ, хотя и видѣлъ это, оставался съ прежними чувствами къ нему. Причиной измѣненія чувствъ о. Макарія послужило, повидимому, отношеніе Филарета къ его первому письму о необходимости перевода Библии съ еврейскаго языка на русскій. На письмо это, полученное въ апрѣлѣ 1834 г., м. Филаретъ отвѣтилъ—и то уклончиво и безъ одобренія—только въ августѣ 1837 г. Къ тому же онъ не выразилъ сочувствія плану архим. Макарія подготовки въ Москвѣ къ миссіонерской дѣятельности двухъ своихъ молодыхъ сотрудниковъ. И вотъ, начавши вновь (въ началѣ 1838 г.) хлопоты объ отпускѣ въ Москву и Петербургъ, о. Макарій не обращается къ Филарету ни съ просьбой о помощи, ни съ просьбой о гостепріимствѣ. Узнавъ объ этомъ, м. Филаретъ писалъ ему 28 апр. 1838 г.: „Если я согрѣшилъ предъ вами необходимомъ письмомъ о переводѣ Библии: то по закону евангельскому слѣдовало меня прежде обличить и побудить къ исправленію, нежели отлучить отъ общенія. А вы, кажется, прямо перешли къ послѣднему. Позвольте вамъ сказать, что это чрезъ рядъ. Вы пишете къ кн. Александру Николаевичу ²⁾, чтобы онъ нашелъ вамъ квартиру и пищу за обученіе дѣтей. Думаю, что ему не очень удобно исполнить сіе порученіе. А вамъ для чего не пріѣхать на Троицкое въ Петербургѣ подворье? Если пріѣдете безъ меня: тѣмъ просторнѣе будетъ, а братія подворья попроситъ васъ къ своей трапезѣ. Приглашаю васъ и въ Москвѣ на Троицкое подворье, по старому“ ³⁾. Архим. Макарій принялъ это приглашеніе и въ Петербургѣ съ марта по май 1839 г. жилъ съ Филаретомъ на его подворьѣ. Но когда послѣдній переѣхалъ въ маѣ въ Москву, онъ перешелъ, для большей близости къ квартирѣ Арешникова, къ одному знакомому сенатскому чиновнику, предложившему ему „пріютъ и хлѣбъ-соль, ради Христа“ („Письма“, 62). Какъ видно изъ письма къ нему м. Филарета отъ 14 авг. изъ Москвы, между ними происходили въ Петербургѣ разногласія, не нарушавшія впро-

¹⁾ Объ этомъ узнаемъ изъ приписки къ паспорту архим. Макарія, выданному изъ гомской консисторіи.

²⁾ Голицыну.

³⁾ Письма м. Филарета, 127.

чемъ мира: „Прощать васъ душа моя не требуетъ, будучи по благодати Божіей, всегда въ мирѣ съ вашею, не смотря на то, что я не согласенъ былъ съ нѣкоторыми вашими мнѣніями и предположеніями“. Какъ бы въ доказательство этого, митрополитъ радушно звалъ его остановиться у него и въ Москвѣ ¹⁾. Еще чрезъ два года со стороны м. Филарета, попрежнему благожелательно относившагося къ о. Макарію и исполнявшему многія его просьбы, послѣдовалъ отказъ въ помощи по чрезвычайно важнымъ съ точки зрѣнія послѣдняго предметамъ. 8 мая 1840 г. онъ писалъ архим. Макарію о трехъ его литературныхъ предпріятіяхъ: „Съ вашимъ начальнымъ ученіемъ не знаю что дѣлать. Теперь болѣе, нежели когда-либо, возбраняютъ замѣнять славянское русскимъ. О *библейскомъ алфавитѣ*, по той же причинѣ, вовсе нѣтъ надежды, чтобы могъ быть напечатанъ. И признаюсь вамъ, что мнѣ кажется онъ составленнымъ не привлекательно для употребленія. И рукописью перевода ветхозавѣтныхъ книгъ не очень хвалитесь. Здѣсь явился литографированный переводъ нѣкоторыхъ, съ примѣчаніями, противными достоинству пророчествъ, и другими неправильностями, и возбуждиль сильное преженіе. Совѣтую держаться строже въ предѣлахъ послушанія, и не очень довѣрять своему, хотя и къ добру стремящемуся, мудрованію“ ²⁾. Въ сочувствіи митрополита къ этому дѣлу архим. Макарій былъ увѣренъ ³⁾,—тѣмъ большѣе было читать ему подобныя строки,

¹⁾ Письма м. Филарета, 128—129.

²⁾ Письма м. Филарета, 133. „Нѣкоторые“, о переводѣ которыхъ говорить м. Филаретъ, — это Г. Павскій. Интересна эта таинственность какъ и видимое умолчаніе самого архим. Макарія въ бесѣдахъ съ Филаретомъ о имѣвшемся у него переводѣ Павскаго. Любопытно также, что громкое дѣло объ этомъ переводѣ (Христ. чтеніе, 1872, II, 92—150; 183—229. *Чистовичъ*, „Исторія перевода Библии на русскій языкъ“) началось лишь въ концѣ 1841 г. по анонимному доносу, посланному изъ Владиміра тремъ митрополитамъ, тогда какъ уже въ началѣ этого года св. синодъ могъ читать въ письмѣ архим. Макарія о томъ, что рукописные переводы Павскаго распространены въ Петербургѣ („Письма“, 201—202) и на основаніи этого могъ добыть свѣдѣнія о путяхъ этого распространенія и узнать какъ о первомъ, такъ и о второмъ (1841) литограф. изданіи ихъ.

³⁾ 26 февр. м. Филаретъ писалъ архим. Антонію, своему троюродному намѣстнику, по поводу перевода прот. Павскаго: „Для уничтоженія вреда, уже сдѣланнаго, и для удовлетворенія нуждъ, конечно, надлежало бы доставить правильное пособіе чтенію В. Завѣта съ разумніемъ. Но худой переводъ сдѣлалъ еще болѣе страшную мысль и о хорошемъ переводѣ, которой нѣкоторые и прежде боялись. Даже мысль издать словенскій переводъ съ объяснительными примѣчаніями встрѣчаютъ недоумѣніемъ и опасеніемъ. Одинъ Господь можетъ помочь людямъ Своимъ,

дышанція равнодушіемъ. И вотъ, вновь собираясь въ Москву въ 1843 г., онъ, какъ бы наказывая Филарета или, наоборотъ, не желая быть для него источникомъ новыхъ огорченій, опять не къ нему обращается съ просьбой о кровѣ. „Если Господу будетъ благоугодно, чтобы я въ Москвѣ пріѣхалъ, писалъ онъ Глѣбовой-Стрешневой, то, по'всѣмъ моимъ соображеніямъ, лучше всего было бы для меня получить для пребыванія покойный уголокъ въ загородномъ домѣ, не далекомъ отъ Москвы, принадлежащемъ кому-нибудь изъ особъ, пзобильными способами благотворить надѣленнымъ отъ Господа. Но мнѣ надобно будетъ не рѣдко и въ Москву пріѣзжать. Посоветуйтесь съ Екатериною Владиміровою ¹⁾, или съ кн. Николаемъ Сергѣевичемъ ²⁾. Можетъ быть и въ Москвѣ у кого-нибудь Провидѣніе Божіе укажетъ и даруетъ мнѣ благодѣтельное пристанище; а высокопреосвященнѣйшаго митрополита беспокоить эту потребность совсѣмъ претить; не желательнo отягощать собою и монастырь какой-нибудь“ (402. 403). И все же онъ поселился у м. Филарета въ его Троицкомъ подворьѣ. Но съ другой стороны оправдалось его нежеланіе жить у него во время остановки въ Москвѣ: не обошлось безъ непріятности, ускорившей отъѣздъ о. Макарія изъ Москвы. Синодальной конторой ему была дана отсрочка по 7 декабря, но онъ оставилъ ее мѣсяцемъ раньше. „Покоряясь необходимости, какъ воли Вседержителя Бога, писалъ онъ одному своему знакомому изъ Волхова, пріѣхалъ я сюда въ половинѣ ноября“ (502). А изъ одного письма къ Е. Ѳ. Непряхиной кн. Е. П. Трубецкой видно, что онъ долженъ былъ послѣдно оставить Москву противъ своей воли, по настоянію митрополита, и отправиться къ своей должности. Къ объясненію этого могутъ служить воспоминанія Д. Д. Филимонова объ его знакомствѣ съ о. Макаріемъ и совмѣстныхъ занятіяхъ ихъ надъ редактированіемъ макаріевскихъ переводовъ. Познакомившись съ нимъ 14 сент. на обѣдѣ у настоятельницы алексѣвскаго дѣвичьяго монастыря, г. Филимоновъ получилъ отъ него приглашеніе посѣтить его. Когда онъ на другой день отправился къ о. Макарію, послѣдній, послѣ обычнаго привѣтствія, усадилъ его подлѣ себя за столъ, заваленный рукописями и книгамъ, подалъ англійскій переводъ Библии и просилъ передать по-русски, какъ можно ближе къ англійскому тексту, первую главу изъ книги Іова, затѣмъ просилъ сдѣлать тоже по французской и нѣмецкой Библии. Самъ о. Макарій все время слѣдилъ по исписанной по-русски тетради, провѣряя съ еврейскимъ текстомъ, справляясь по

да не страждутъ голодомъ слышанія Слова Божія, и да не прельщаемы будутъ ложною пищею“ (II, 9. 10).

¹⁾ Новосильцевой.

²⁾ Меньшиковымъ.

временамъ съ различными комментаріями и высказывая при томъ нерѣдко замѣчанія, какой по его мнѣнію переводъ оказывался ближе къ еврейскому. Подобнаго рода совмѣстныя занятія продолжались и послѣ. Но когда объ этомъ узналъ митрополитъ, онъ, вѣроятно, далъ почувствовать о. Макарію его опрометчивость и неосторожность въ отношеніяхъ къ молодому человѣку, съ которымъ едва только успѣлъ познакомиться, и до того встревожилъ его, что когда на другой день явился Филимоновъ, архим. Макарій предложилъ ему поцѣловать крестъ и поклясться, что онъ не принадлежитъ къ третьему отдѣленію...¹⁾ Тѣмъ не менѣе архим. Макарій и послѣ сближался съ людьми, которые могли помочь ему въ его великомъ дѣлѣ, каковъ былъ, напр., ученый еврей Адамъ, съ которымъ онъ познакомился, быть можетъ, въ этотъ именно разъ²⁾. Во всякомъ случаѣ до синода могли дойти слухи, что въ домѣ московскаго митрополита продолжается переводъ Библии на русскій языкъ,—переводъ, столько уже разъ осужденный высшей властью, и оттуда могли получиться какіе-нибудь запросы, требованія... Кажется, только этимъ нужно объяснить высылку архим. Макарія въ Болховъ.

Въ Болховъ архим. Макарій прибылъ 15 ноября ночью и тотчасъ совершилъ вмѣстѣ съ братією молебное пѣніе („Письма“, 452). „Съ того времени, писалъ онъ въ апрѣлѣ слѣдующаго года, нахожу много утѣшенія въ знакомствѣ съ гражданами Болхова“ (502). Источникъ этого утѣшенія лежалъ въ той дѣятельности, которую развилъ о. Макарій на новомъ мѣстѣ, — дѣятельности религиозно-просвѣтительной, или, что тоже, миссіонерской. Собираясь оставить Алтай и отправиться на богомолье въ Палестину, архим. Макарій писалъ Глѣбовой-Стрешневой: „умоляю васъ не беспокоиться на мой счетъ, не препятствовать, а еще помогать исполненію желанія моего, и даже совсѣмъ не думать, будто я оставляю миссіонерскую службу; ее можно проходить много-различными образцами и въ различныхъ мѣстахъ, о чемъ свидѣтельствуетъ вся книга Дѣяній Апостольскихъ“ (402). Очутившись вмѣсто Палестины въ орловской епархіи, Макарій нашель, что и тутъ—широкая нива для миссіонерства, ибо, по словамъ м. Филарета, „не излишне быть миссіонеромъ и среди православныхъ“³⁾.

¹⁾ Филимоновъ, Д. Д., о. с., 172—177.

²⁾ Объ этомъ Адамѣ узнаемъ изъ письма къ намъ П. И. Бартенева который слышалъ отъ своего наставника К. А. Косовича, бывшаго другомъ Адама, что послѣдній помогаль о. Макарію въ его работахъ.

³⁾ Письма м. Филарета, 136. „Что у насъ и для православныхъ христіанъ нужно миссіонерское дѣйствованіе, то правда“, писалъ тотъ же святитель въ 1860 г. (Письма м. Филарета къ архим. Антонію. IV, № 1326).

Въ необходимости миссіонерскихъ дѣйствій среди болховитянь архим. Макарій убѣдился при первомъ представленіи ему служащихъ въ ратушѣ, когда оказалось, что даже городской голова не зналъ символа вѣры, а зналъ только *Вотчу* („Отче нашъ“). Тогда же удивленный и возмущенный этимъ, о. архимандритъ велѣлъ и имъ самимъ приходите въ монастырь и дѣтей присылать¹⁾. Съ дѣтей онъ и началъ просвѣщеніе религіозной темноты горожанъ. Онъ зазывалъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ свои покои, училъ ихъ молитвамъ, символу вѣры, пѣлъ съ ними краткія молитвенныя воззванія, училъ ихъ грамотѣ. Опережая свое время, о. Макарій пользовался при этомъ нагляднымъ методомъ. Стѣны комнаты, гдѣ онъ училъ дѣтей, увѣшаны были различной величины картонами съ библейскими текстами и небольшими картинками съ священными изображеніями. Прилежныхъ дѣтей о. Макарій угощалъ и награждалъ книжками назидательнаго характера. Училъ онъ дѣтей, гдѣ ни встрѣчалъ ихъ²⁾.

И взрослыхъ, приходившихъ къ нему и по его зову, и по разговорамъ дѣтей объ его дѣятельности, архим. Макарій училъ начаткамъ христіанской вѣры. Затѣмъ пошли къ нему и съ другими нуждами: кто за совѣтомъ, кто за утѣшеніемъ въ скорбяхъ, кто даже съ тѣлесными немощами. И никого онъ не отпускалъ отъ себя безъ наставленія, безъ помощи въ той или другой формѣ. Когда число ежедневныхъ посѣтителей очень возросло, архим. Макарій организовалъ особый порядокъ для приѣма ихъ. Одни изъ нихъ оставались въ залѣ, гдѣ послушникъ громко и ясно читалъ Евангеліе на русскомъ языкѣ, преимущественно о страстяхъ Христовыхъ. Другіе небольшими группами входили къ нему въ гостиную, гдѣ онъ бесѣдовалъ съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности. Послѣ окончанія бесѣды и наставленія о. Макарій заставлялъ всѣхъ прочесть молитву Господню и символъ вѣры и отпускалъ³⁾.

Пытался архим. Макарій завести въ Болховѣ школу и звалъ для этого Софію Вальмонъ, но болѣзненное ея состояніе не позволило ей ѣхать туда. Школу онъ предполагалъ открыть женскую, такъ какъ женская половина населенія Болхова поражала еще большимъ невѣжествомъ, чѣмъ мужская. Свидѣтельствовалъ объ этомъ между прочимъ обычай, искорененный послѣ о. Макаріемъ, не ходить дѣвушкамъ до

¹⁾ Прот. *Евв. Остромысленскій*. „Архим. Макарій, алтайскій миссіонеръ“ (Странникъ, 1860, I, 13).

²⁾ Одинъ болховскій мѣщанинъ, Жадновъ, рассказывалъ, какъ однажды о. Макарій посадилъ троиухъ ребятишекъ, въ томъ числѣ его, съ собой въ экипажъ, долго возилъ ихъ и въ это время училъ ихъ, какъ почитать родителей и молитвамъ. („Нѣкоторыя черты изъ жизни архим. Макарія Глухарева“, Орелъ, 1897, 32).

³⁾ Странникъ, 1860, январь.

замужества въ храмъ къ богослуженіямъ, а вмѣсто того разсаживаться на улицахъ въ нарядахъ и бесѣдовать съ парнями, которые „невѣстились“.

Въ церкви архим. Макарій училъ народъ не менѣе усердно, чѣмъ и на дому. Проповѣдывалъ онъ ежедневно, въ формѣ простой отеческой бесѣды съ дѣтьми. Выходя послѣ обѣдни на амвонъ съ небольшимъ Евангеліемъ, онъ удобопонятно объяснялъ слушателямъ дневное евангельское (а иногда апостольское) чтеніе. А чтобы они могли усвоить сказанное, повторялъ объясненія по нѣскольку разъ, провѣрялъ на отдѣльныхъ лицахъ, поняли ли его, наводилъ вопросами на отвѣты, повторялъ, переспрашивалъ, слѣдилъ, всѣ ли слушаютъ, обличалъ разсѣянныхъ, напоминалъ о высотѣ проповѣдываемаго имъ Христова ученія¹⁾. Провѣди о. Макарія, приспособленныя къ пониманію присутствовавшихъ въ храмѣ, оживляемыя примѣрами изъ житейской практики, шедшія изъ глубины любящаго сердца, производили, по свидѣтельству одного слушателя, сильнѣйшее впечатлѣніе. „У многихъ слушателей видны были на глазахъ слезы, а нѣкоторые изъ женщинъ плакали вслухъ“²⁾.

Иногда въ церкви во время богослуженія архим. Макарій переходилъ отъ одного богомольца къ другому и училъ ихъ молиться. Наблюдавшему эту сцену и видѣвшему, какъ послѣ этого они оживали, начинали пламеннѣй молиться, — протоіерею Остромысленскому одинъ изъ нихъ рассказывалъ, какъ его училъ о. Макарій. „Онъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ: „ну, какъ ты молишься? станемъ вмѣстѣ молиться. Говори за мной: *Отецъ Ты нашъ небесный!*“—Я сказалъ: *Отецъ Ты нашъ небесный!* — „Нѣтъ, нѣтъ“, — говоритъ, — „ты усерднѣй, отъ души скажи“, и возвысилъ тонъ голоса: *Отецъ Ты нашъ небесный!* Я повторилъ уже со вниманіемъ и съ чувствомъ. „Нѣтъ, нѣтъ“, говоритъ, „ты еще поусердѣй и покрѣпче скажи: *Отецъ Ты нашъ небесный!*“—Сердце забилося въ груди моей. Я самъ возвысилъ голосъ и изъ глубины души воззвалъ: *Отецъ Ты нашъ небесный!* — „Ну молись такъ, молись!“ и пошелъ къ другимъ“³⁾.

Насколько архим. Макарій былъ проникнутъ мыслию о религиозномъ невѣжествѣ русскаго народа, глубокой скорбью объ этомъ и неутомимымъ стремленіемъ внести свѣтъ истины въ души его, видно изъ двухъ слѣдующихъ рассказовъ. Первый принадлежитъ тому же Остромысленскому, орловскому протоіерею, съ которымъ онъ, бывая въ Орлѣ по дѣламъ монастырскимъ, велъ подолгу дружескія рѣчи. „Бы-

¹⁾ Странникъ, 1860, августъ (*Остромысленскій*, „Еще нѣкоторыя свѣдѣнія объ о. архим. Макарія“).

²⁾ Странникъ, 1875, IV (*Карповъ В. И.*, „Воспоминанія объ архим. Макарія“).

³⁾ Странникъ, 1860, январь. 19.

вало, бьетъ ужъ далеко за полночь, жалко станеть лишать его сна, встану и пожелаю ему покойнаго разсвѣта.— „Что вы? скажете—куда вы? и запоетъ: *Нощь не свѣтла невѣрнымъ, Христе: вѣрнымъ же просвѣщеніе въ сладости словесъ Твоихъ.* Такъ просидимъ до свѣта. И знаете ли, о чемъ больше всего любилъ бесѣдовать о. Макарій?—Зачѣмъ мы, духовные пастыри, такъ нерадимъ объ образованіи духовныхъ овецъ, отъ Бога намъ ввѣренныхъ? Зачѣмъ не сближаемся съ ними, какъ отцы съ дѣтьми, не входимъ къ нимъ въ дома для бесѣды, не учимъ ихъ на площадяхъ и улицахъ, на поляхъ и лугахъ? Зачѣмъ не растолкуемъ имъ даже молитвы Господней, не переведемъ для нихъ порусски слова Божія? Глубое „вотчу“ такъ больно отзывалось въ его памяти, что онъ съ сердечною скорбію повторялъ о насъ слова Христа Спасителя: „Горе вамъ, законникамъ, что вы взяли ключъ разумнїя: сами не вошли и входящимъ воспрепятвовали“ (Лук. XI, 52¹). Нѣкая Домна Кириллова разсказывала еще слѣдующее: „Очень часто съ другими старушками ходили мы къ о. Макарію послушать его душеспасительныя рѣчи. Никто такъ, какъ онъ, не утѣшалъ насъ въ горькой непоправимой нашей долѣ. Разъ я, въ большой своей скорби, пришла къ нему. Вижу у него много народу всякаго—и богатаго и бѣднаго. Утѣшивъ Божескою рѣчью, онъ оставилъ меня послушать его бесѣду съ другими. Долго, часовъ до 11-ти ночи, говорилъ онъ съ разными пришельцами прїѣзжими. Была слишкомъ плохая погода, дождь и снѣгъ.—„Теперь ночь и такая ненастная погода, — говорилъ онъ, — куда жъ вы, старушки, пойдете?—останьтесь, помолимся вмѣстѣ Господу“. Долго о. Макарій молился, а намъ въ сѣняхъ велѣлъ подремать. Послѣ молитвы, часовъ въ 12, онъ сѣлъ писать. Пробылъ часъ, два по полуночи,—видимъ, о. Макарій изнемогъ, положилъ на столъ на которомъ писалъ, свою голову и, немного подремавъ, опять сталъ писать. Я, не зная его обычая, подошла къ нему и сказала: „Батюшка! Вы хотя немного могли бы отдохнуть,—вы крѣпко устали“.—Разгнѣвался на меня за эти слова о. Макарій. „Неразумная ты,—сказалъ онъ,—развѣ птичка Божія ложится спать! Она подремлетъ немного на вѣточкѣ—и потомъ начинаетъ славословить Господа. Такъ проводить ночь тварь неразумная—птичка, а мы—тварь разумная, по образу и по подобию Божію созданная: намъ болѣе, чѣмъ птичкѣ, должно бодрствовать и все время жизни своей посвящать на славословіе своего Творца и Спасителя. Въ міру спать на тюфякахъ, матрацахъ, перинахъ, — намъ, монахамъ, грѣшно такъ нѣжить тѣло свое“... Скоро заблаговѣстили къ утрени, и о. Макарій, не ложась спать, не раздѣваясь, не разуваясь, пошелъ въ храмъ Божій“²). По истинѣ

¹) Странникъ, 1860, янв.

²) Нѣкоторыя черты изъ жизни архим. Макарія Глухарева. 126, 127.

онъ могъ примѣнить къ себѣ слова ц. Давида: не дахъ сна очима моима, и вѣждома моима дреманія, и покой скраніама моима, дондеже обрещу мѣсто Господеви, селеніе Богу Іаковлю (Псал. 131, 4—5).

Учительная дѣятельность архим. Макарія шла параллельно съ благотворительной. Въ широкомъ смыслѣ благотвореніемъ были и тѣ утѣшенія, наставленія, совѣты и молитвы, съ которыми о. Макарій шелъ навстрѣчу приходящимъ къ нему съ духовными потребностями. Но онъ удовлетворялъ и тѣлеснымъ нуждамъ народа. Въ изданныхъ Орловской ученой архивной комиссіей „Нѣкоторыхъ чертахъ изъ жизни приснопамятнаго... архим. Макарія Глухарева во время его пребыванія въ Болховской Оптиной пустыни“ (Орель, 1897) передается нѣсколько случаевъ исцѣленія имъ больныхъ при помощи лампаднаго масла и молитвы (стр. 6, 7, 9, 11 и далѣе). Затѣмъ нищіе и бѣдные всегда получали отъ о. Макарія милостыню. Онъ раздавалъ все, что имѣлъ. „На что монаху и имущество, говорилъ онъ. Ему не нужно имѣть ни шкатулокъ, ни кошельковъ: бѣдные и убогіе—вотъ его шкатулки! Что въ нихъ положишь, того не украдутъ воры; то отопрутъ только на томъ свѣтѣ“¹⁾. Нищимъ онъ служилъ не только деньгами, но и лично. Часто въ праздничные дни о. Макарій, выходя изъ церкви, приводилъ съ собой въ покой какого-либо нищаго, увѣчнаго, слѣпца или дряхлаго старика, сажалъ на очередное мѣсто и самолично угощалъ. Самъ широко благотворя, онъ располагалъ къ тому же и другихъ. Рассказываютъ, что за день до смерти, испытывая уже жестокія тѣлесныя страданія, о. Макарій вспомнилъ, что въ Болховѣ одно бѣдное семейство отдало свой домъ, въ которомъ заключалось все его достояніе, въ закладъ богатой купчихѣ за 300 р. и, не имѣя возможности уплатить долгъ, рисковало лишиться дома, такъ какъ купчиха не соглашалась отсрочить уплату денегъ. О. Макарій позвалъ къ себѣ должниковъ и займодавцу и кроткими, но сильными словами убѣдилъ послѣднюю совсѣмъ отказаться отъ своихъ 300 рублей.

Дѣятельность о. Макарія въ Болховѣ, вся посвященная служенію слову Божию и благу ближнихъ, возбуждала большое уваженіе къ нему и благоговѣніе со стороны не только горожанъ и окрестныхъ жителей, но и далеко живущихъ, даже за предѣлами орловской епархіи. Распространилась далеко на югъ слава о святости его жизни, объ его прозорливости и дарѣ исцѣлять больныхъ благодатными средствами²⁾.

¹⁾ Странникъ, 1860, авг. 79.

²⁾ „Воспоминаніе о покойномъ о. архим. Макаріѣ Глухаревѣ“ прот. І. Герболинскаго (Стран., 1861, май, 246). Объ общецерковномъ значеніи архим. Макарія свидѣтельствовалъ послѣ его кончины и оберъ-прокуроръ Св. Синода во Всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1847 г. Здѣсь о немъ ска-

Какъ почитали и цѣнили его въ самомъ Болховѣ, видно изъ слѣдующаго разсказа прот. Остромысленскаго. „Оджды о. Макарію нужно было поѣхать на нѣсколько недѣль въ Москву. Въ городѣ пронесся слухъ, что онъ вовсе уѣзжаетъ изъ Болхова и не воротится назадъ. Надо было видѣть, какъ этотъ ложный слухъ поразилъ гражданъ. Мнѣ разсказывали очевидцы, что тысячи народа шли за нимъ отъ монастыря чрезъ весь городъ и громко кричали: „не покидай насъ, батюшка! воротись къ намъ, родимый!“ Человѣкъ до трехъ сотъ шли за его повозкой до самаго помѣстья г-жи Жедринской, отстоящаго отъ Болхова въ 17-ти верстахъ“¹⁾.

„Миссіонерствуя“ въ Болховѣ, архим. Макарій не забывалъ и объ Алтай. Благодаря его стараніямъ, настоятелемъ тамошней миссіи былъ утвержденъ С. В. Ландышевъ и тѣмъ закрѣплено было данное имъ направленіе всему дѣлу просвѣщенія инородцевъ²⁾. Заботился также онъ о пополненіи миссіи новыми сотрудниками. По его убѣжденію въ апрѣлѣ 1847 г. отправились на Алтай двѣ болховитянки—Варламова и Романчикова, изъ которыхъ одна на всю жизнь осталась въ миссіи („Письма“, № 302). Онъ же расположилъ отправить въ миссію своего послушника Дим. Коновалова, послѣ іером. Дометіана³⁾. Дѣлалъ онъ и денежные сборы въ пользу миссіи. Изъ писемъ его къ свящ. Н. Д. Лаврову видно, что кромѣ того, что онъ обезпечилъ путевые расходы Варламовой и Романчиковой 749 рублями, онъ въ 1845 г. послалъ о. Лаврову для миссіи 500 р. („Письма“ №№ 254, 258), а въ концѣ 1846 г. отправилъ прот. Ландышеву билетъ Московской сохранной казны на 428 р. 58 к.

Объ архим. Макаріѣ, какъ настоятелѣ монастыря, извѣстно, что онъ поднималъ его средства, бѣдныя до того, и „содѣйствовалъ полному продовольствію братіи“.

При всемъ томъ архим. Макарій усиленно работалъ надъ тѣмъ дѣломъ, которое сдѣлалось цѣлью его жизни,—надъ продолженіемъ перевода В. Завѣта на русскій языкъ. Трудясь въ свободное отъ посѣтителей время, преимущественно по ночамъ, онъ къ концу своей жизни перевелъ почти всѣ ветхозавѣтныя книги, а именно: Пятокнижіе Моисея, книги

зано, какъ о человѣкѣ, который по своему духовному просвѣщенію и высокой внутренней жизни стяжалъ особенно всеобщее уваженіе, посвятивъ всѣ дни свои назиданію, утѣшенію и утвержденію народа въ благочестіи.

¹⁾ Странникъ, 1860, январь.

²⁾ Письма м. *Филарета*, 134—136.

³⁾ Нужно, впрочемъ, замѣтить, что Коноваловъ только чрезъ годъ послѣ смерти о. Макарія оставилъ болховскій монастырь „для присканія себѣ мѣста въ другомъ“, а на Алтай прибылъ лишь въ сентябрѣ 1849 г. (Формул. списокъ).

Судей, Руевъ, Царствъ, Паралипоменонъ, 2-ю Эздры, Нееміи, Эсеиръ, Іова, Псалтирь, Притчи Соломона, Экклезіастъ, 1-ю и 2-ю Маккавейскія. Одновременно съ этимъ архим. Макарій провѣрялъ многочисленныя копии своихъ переводовъ, которыя приготавливали ему его друзья—тобольскіе, московскіе, старыя екатеринославскіе и новыя орловскіе. Въ числѣ переписчиковъ былъ и тотъ самый прот. Евв. Остромысленскій, чьи цѣнныя сообщенія объ архим. Макаріѣ (Странникъ, 1860, январь и августъ) начали длинную литературу воспоминаній и біографическихъ очерковъ объ этомъ человѣкѣ¹⁾.

Великіе подвиги и труды совершилъ о. Макарій въ короткій періодъ пребыванія въ Болховѣ—съ 15 ноября 1844 г. по 18 мая 1847 г. Этотъ періодъ должно еще сократить, если вспомнимъ, что изъ монастыря онъ не разъ отлучался на сроки болѣе или менѣе продолжительныя. Такъ, довольно часто онъ бывалъ въ Орлѣ, отъ котораго Болховъ отстоитъ въ 45 в. ²⁾ Здѣсь онъ находилъ любезный приемъ у преосв. Смарагда, съ которымъ былъ знакомъ еще по Кіеву, бывалъ въ семинаріи и въ женскомъ монастырѣ, гдѣ его встрѣчали съ честью; посѣщаль прот. Евв. Остромысленскаго и протоіерея введенскаго ж. монастыря Луку Маликова, котораго очень уважалъ ³⁾. Въ 1846 г. о. Макарій ѣздилъ на поклоненіе воронежскимъ святителямъ, которыхъ память высоко чтилъ ⁴⁾. Въ томъ же году, осенью, онъ совершилъ путешествіе въ Москву ⁵⁾. Неизвѣстно точно, зачѣмъ онъ ѣздилъ туда. Быть можетъ для справокъ и поправокъ въ своемъ переводѣ Библии, можетъ быть для изданія „Лепты“—сборника религіозно-нравственныхъ стихотвореній, можетъ быть

¹⁾ Прот. Остромысленскій хотѣлъ найти для переписки писцовъ, но до того долго не имѣлъ успѣха въ этомъ, что однажды получилъ отъ о. Макарія письмо о немедленномъ возвращеніи оригиналовъ,—письмо, сильно поразившее протоіерея. „Легче бы перенесъ сто палокъ, писалъ онъ о. Макарію, нежели прочиталъ: „мнѣ надобно имѣть рукописи библейскія нынѣ же у себя,—а вамъ желаю всякаго благополучія“..

²⁾ Въ 1846 г. мы видимъ его въ Орлѣ въ маѣ, іюнѣ, іюль, дважды въ августъ.

³⁾ О. Лука отличался прямою своего характера. Онъ на публичномъ обѣдѣ обличилъ однажды еп. Никодима въ неумолимой строгости, съ какою тотъ совершилъ разборъ священно-церковнослужителей и ихъ дѣтей (Пясецкій, 905—908).

⁴⁾ Объ этой поѣздкѣ, совершенно неизвѣстной біографамъ, узнаемъ изъ письма къ о. Макарію Ландышева отъ 6 янв. 1847 г.: „Пріятно было для насъ узнать, что вы были въ Воронежѣ и Задонскѣ. Господь да прославить угодника Своего св. Тихона и на землѣ, какъ прославилъ его на небѣ“.

⁵⁾ 6 ноября онъ былъ въ Москвѣ, а 26-го извѣщаль московскихъ своихъ друзей о благополучномъ возвращеніи своемъ въ Болховъ.

для приобрѣтенія книгъ, нужныхъ для перевода и для задачи богомольцамъ, а можетъ быть въ виду вновь предположенной имъ поѣздки въ Иерусалимъ ¹⁾). Но замѣчательно, что и въ этомъ вопросѣ о. Макарій обошелъ молчаніемъ м. Филарета. „Вы, кажется, кроете отъ меня, что проситесь въ Иерусалимъ, писать ему митрополитъ 9 авг. 1846 г., по я много разъ о семъ слышу, и хотя однажды скажу, что, кажется, подвигъ вашъ совершенно прежде, когда вы просили о семъ начальство, и при его молчаніи на просьбу, хорошо было бы воспользоваться случаемъ къ упражненію въ отреченіи отъ своей воли“. Неоткровенность архим. Макарія такъ сильно подѣйствовала на митрополита, что онъ самъ въ этотъ разъ отказалъ ему въ гостепримствѣ: „Хозяинъ Троицкаго подворья очень радъ, какъ всегда вашему посѣщенію и вашей бесѣдѣ; но подворье не очень желаетъ послужить вашему жителству, потому что хочетъ болѣе прежняго беречь немощ своего хозяина, при расположеніи комнатъ, не удобномъ для раздѣленія жителства“ ²⁾). Поселился о. Макарій у одного изъ своихъ знакомыхъ, Д. И. Попова.

По возвращеніи въ Болховъ, о. Макарій, уже съ разрѣшеніемъ на поѣздку въ Иерусалимъ, усиленно сталъ ликвидировать свои литературныя дѣла. Означенному Попову онъ отослалъ для представленія въ цензурный комитетъ свой переводъ Бесѣдъ св. Григорія Двоеслова. Ему же поручилъ заботу о второмъ изданіи своей Лепты. Особенно торопиль онъ переписчиковъ русскихъ переводовъ библейскихъ книгъ. Вотъ что писалъ онъ о. Лаврову въ началѣ 1847 г.: „Одѣлайте милость побольше времени употребляйте на соглашеніе списковъ библейскихъ книгъ, и помните, что какъ только откроется лѣтній путь и просохнуть дороги, мнѣ непременно, если Господь благословитъ, надобно будетъ приступить къ исполненію путешествія; и посему вамъ также должно непременно къ маю мѣсяцу возвратитъ ко мнѣ книгу прор. Іереміи съ Плачемъ его и книгу Іезекиила; что касается до историческихъ книгъ, я постараюсь прислать въ Москву одинъ экземпляръ ихъ, исправленный, а если не услѣю, то не прогнѣвайтесь, не трудно будетъ исправить ошибки писца даже по латинскому переводу Шмида, а притомъ историческія книги и въ славянскомъ переводѣ понятны. Впрочемъ я постараюсь, если Господь поможетъ, поправить списки ихъ, составляемые и назначаемые для кн. Н. С. Менъ-

¹⁾ По свидѣтельству Д. Д. Филимонова, съ этимъ планомъ онъ прѣхалъ въ 1844 г. въ Москву (о. с., 176).

²⁾ Письма м. Филарета, 137. Между тѣмъ, по свидѣтельству Д. Д. Филимонова, расположеніе комнатъ въ Троицкомъ подворьѣ оставалось то-же, что и въ 1844 г., когда архим. Макарій помѣщался рядомъ со столовой, въ комнатѣ съ совершенно отдѣльнымъ подѣздомъ (196).

шикова“. 3 мая о. Макарій напоминаетъ ему: „Время отъѣзда моего приближается, а я все еще не получаю отъ васъ библейскихъ рукописей, кн. прор. Іереміи съ Плачемъ и кн. прор. Іезекиіа“ („Письма“, 473—475). Отсюда видно, что онъ готовился взять съ собой бѣловыя, провѣренные копии. Въ этомъ можно видѣть подтвержденіе предположенія, что онъ успѣлъ издать свои переводы за границей. Предположеніе это высказалъ въ бесѣдѣ съ нимъ Д. Д. Филимоновъ. Какъ-то во время совмѣстныхъ занятій съ архим. Макаріемъ въ 1844 г. онъ собирался спросить его о цѣли его работъ. О. Макарій, какъ бы угадавъ его мысль, объяснилъ, что собирается издать свой переводъ при первой возможности. „Заявивъ ему мое сомнѣніе въ этой возможности, по крайней мѣрѣ обычнымъ путемъ, послѣ исторіи съ переводомъ Павскаго, я прибавилъ—разсказываетъ Д. Филимоновъ,—что изданіе его перевода возможно только развѣ за границей. О. Макарій взглянулъ на меня какъ-то особенно пристально, но ничего не сказалъ по поводу этого, а только попросилъ меня навѣщать его въ свободныя минуты и продолжать помогать ему въ сличеніи нѣкоторыхъ мѣстъ изъ книгъ св. писанія“ (174). Когда въ другой разъ Филимоновъ опять сказалъ, что ему не остается ничего больше, какъ получивъ разрѣшеніе на предполагавшуюся имъ поѣздку въ Іерусалимъ, напечатать русскую Библию за границей, что легко осуществить съ помощью Англійскаго библейскаго общества, о. Макарій улыбнулся и замѣтилъ только, что вообще о занятіяхъ ихъ не слѣдуетъ говорить постороннимъ (176, 177). Вѣроятно, у о. Макарія была именно такая мысль: изъ одного письма къ нему Д. И. Попова видимъ, что кн. Юрій Долгорукій хотѣлъ познакомить его съ корреспондентомъ великобританскаго библейскаго общества въ Одессѣ. Но представляется неправдоподобнымъ сообщеніе прот. Остромысленскаго, будто архим. Макарій намѣревался ѣхать въ Іерусалимъ чрезъ Германію, чтобы въ Лейпцигѣ устроить печатаніе своего перевода ¹⁾. Изъ переписки его съ разными лицами въ концѣ 1846 г. и въ 1847 г. видно, что у него не было такого, по существу неудобнаго, плана и что маршрутъ его былъ другой: Орелъ, Глинская пустынь, Кіевъ, Одесса, Константинополь, Яффа, Іерусалимъ („Письма“, 73). Не видно однако, что дальше хотѣлъ дѣлать онъ. Имѣемъ только слѣдующее свидѣтельство м. Филарета отъ 1857 г.: „У о. Макарія были нѣкоторыя мысли, очень своеобразныя, какъ напр. мысль уйти за границу, и гдѣ-нибудь умереть въ безвѣстности, что не исполнилось потому, что въ ночь предъ началомъ путешествія занемогъ, и скорѣ скончался“ ²⁾.

¹⁾ Русскій архивъ, 1904, I, 51, прим.

²⁾ Письма м. Филарета къ архим. Антонію, IV (1884), № 1137. Ср.

Предполагая выехать изъ Болхова въ маѣ, архим. Макарій сдѣлалъ всѣ необходимыя приготовления, простился съ знакомыми, но наканунѣ путешествія заболѣлъ воспаленіемъ печени и желудка. Истощенный трудами и постомъ организмъ, при отсутствіи надлежащей врачебной помощи, не могъ противиться болѣзни и она скоро приняла опасный характеръ. Хотя о. Макарій и искалъ содѣйствія врачей ¹⁾, но вполнѣ понималъ серьезность положенія и, порвавъ съ земными интересами и отношеніями, устремился душой въ другой міръ. И это стремленіе нашло прекрасное выраженіе въ написанныхъ имъ предъ самой смертію стихахъ:

Мой Богъ, мой Царь-Отецъ! Спаситель дорогой!
 Пришелъ желанный день! Паду передъ Тобой!
 Еще я на землѣ, но духъ Тобой трепещетъ!
 Зрю, свѣтитъ горній лучъ! Заря безсмертья блещетъ ²⁾.

Прекрасно изобразилъ его душевное настроеніе въ послѣдніе дни его жизни свящ. Н. Д. Лавровъ, прибывшій въ Болховъ по первому извѣстію объ его болѣзни: „Кончина его была кончина праведника Божія! Предсмертныя страданія его были чрезвычайной велики; но глубокой миръ въ душѣ, но радость благодатная, небесная радость поглощала чувство страданій тѣлесныхъ и во взорахъ его сіяла невыразимо. Нельзя было смотрѣть на него безъ благоговѣйнаго страха. Духъ его былъ весь погруженъ въ молитву созерцательную. Онъ питался откровеніями, озареніями изъ горняго міра. Онъ видѣлъ, кажется, отверзающееся предъ собою небо, видѣлъ Самаго Господа, Котораго такую нѣжною, пламенною любовію любилъ онъ, и Которому служилъ онъ съ такою преданностію и самоотверженіемъ“ (Письмо къ Софіи Вальмонъ отъ 26 мая 1847 г.).

Скончался о. Макарій послѣ благоговѣйнаго принятія Св. Тайнъ. Когда ежеминутно ждали его кончины, онъ вдругъ быстро поднялся и сказалъ: „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ!“ склонилъ голову. Бросились поддержать его, положили на подушку и онъ тихо отошелъ въ другой міръ...

свидѣтельства Макаріева келейника А. Орлова въ его Запискахъ (45), напечатанныхъ въ „Сборникѣ истор. матеріаловъ“.

¹⁾ По свидѣтельству А. А. Орлова, архим. Макарій пользовался совѣтами мѣстныхъ врачей, а затѣмъ послалъ его, Орлова, въ Москву для проверки ихъ діагноза и за „свѣжимъ виноградомъ“ (Записки, 44—45).

²⁾ Д. Д. Филлимоновъ относитъ это четверостишіе къ другому времени (198), но достаточно взглянуть на его факсимиле, помѣщенное при изданіяхъ писемъ 1860 и 1905 г.г., и сличить почеркъ съ почеркомъ всѣхъ другихъ писемъ о. Макарія, изъ которыхъ нѣкоторыя писаны за двѣ недѣли до его кончины, а одно карандашемъ, какъ и четверостишіе, ч тобы примкнуть къ противоположному, имъ отвергаемому, мнѣнію.

Интересно, что когда чрезъ пять лѣтъ скончался Гоголь, А. О. Смирнова писала Жуковскому (16 марта 1852 г.): „Какая трогательная смерть. Такъ скончался недавно Макарій, въ Болховскомъ монастырѣ настоятель, такъ же и Георгій Задонскій затворникъ“¹⁾.

Согласно желанію архим. Макарія, тѣло его положили въ неокрашенный и необитый гробъ, на которомъ изображенъ былъ крестъ и написаны слова Спасителя: „Азъ есмь воскресеніе и животъ: вѣруй въ Мя, аще и умреть, оживеть. И всякъ живой и вѣруй въ Мя, не умреть вѣвѣки“. Отпѣвалъ его при огромномъ стеченіи народа архіеп. Смарагдъ. Похоронили его въ монастырскомъ соборномъ храмѣ, на правой сторонѣ трапезы, въ склепѣ, приготовленномъ б. настоятелемъ монастыря Иринеємъ. Впослѣдствіи чтители памяти о. Макарія распространили трапезу и устроили по обѣмъ сторонамъ его два придѣла—направо Воскресенія Христова, гдѣ подъ самымъ престоломъ находится гробъ его, и налево—Воскресенія прав. Лазаря. Могила о. Макарія и доселѣ посѣщаютъ люди, чтущіе его память, и служатъ на ней панихиды. Насколько жива въ Болховѣ память объ архим. о. Макаріѣ, свидѣтельствуемъ слово о. І. Васильевского въ день празднованія столѣтія его рожденія: „разверните у насъ любое поминаніе, вы найдете въ немъ непременно имя о. Макарія; спросите жителей города, и каждый изъ нихъ съ любовію вспомнитъ о немъ, о его жизни и дѣятельности“²⁾. Самое празднованіе этого дня, а также дня 50-лѣтія его кончины, было такъ грандіозно, что не остается сомнѣній въ томъ, что имя архим. Макарія очень и очень извѣстно въ Болховѣ и что память о немъ тамъ не умерла.

IV.

Характеристика архим. Макарія.

Что же представляетъ изъ себя архим. Макарій, какъ личность, помимо своего служебнаго положенія и дѣятельности?

Это былъ прежде всего человекъ, богато одаренный умственными способностями. Доказываютъ это учебные успѣхи въ Вязьмѣ, Смоленскѣ, Петербургѣ; подтверждается это и дальнѣйшими его учеными и литературными занятіями. Сорока лѣтъ отъ роду онъ приступилъ къ изученію алтайскихъ нарѣчій и не безъ результата. „Къ чему бы вы не привыкли и чему бы еще не научились, писалъ онъ одному священнику, котораго звалъ въ миссіонеры,—когда я, будучи 46 лѣтъ, съ успѣхомъ и весьма часто съ большимъ удовольствіемъ изучаю нарѣчія инородцевъ?“ (315). Въ Казани затѣмъ онъ

¹⁾ Русскій архивъ, 1902, II, 127.

²⁾ Орловскія Епарх. Вѣдомости, 1892, 1475.

слушалъ курсы монгольскаго и татарскаго языковъ въ теченіе двухъ слишкомъ мѣсяцевъ. На Алтай же онъ вспомнилъ давно забытый еврейскій языкъ и, при множествѣ другихъ занятій, въ теченіе десяти лѣтъ перевелъ съ него почти весь Ветхій Заветъ. Для этой же цѣли онъ изучилъ нѣкоторые европейскіе языки, кромѣ бывшихъ ему знакомыми французскаго и нѣмецкаго. Интересно, что и на языковеднѣе архим. Макарій смотрѣлъ съ своей обычной религіозной точки зрѣнія. „Вы можете также писать письма ко мнѣ и на французскомъ языкѣ,—писалъ онъ княжнѣ Трубецкой,—когда это будетъ угодно вамъ: ненадобно бросать такія способности, которыми Провидѣніе Божіе одарило васъ и которыми вы въ свою очередь можете имѣть случай послужить Провидѣнію Божію“ (106). На Алтай же о. Макарій обнаружилъ интересъ къ естествовѣдѣнію. Естественныхъ наукъ онъ въ семинаріи и академіи не изучалъ, о чемъ и сожалѣлъ, теперь же свою любознательность старался удовлетворить чтеніемъ книгъ и бесѣдами и перепиской съ смотрителемъ кузнецкаго уѣзднаго училища Н. И. Ананьинымъ. „Пишете ли,—спрашивалъ онъ послѣдняго въ декабрѣ 1838 г., среди сборовъ къ путешествію въ Петербургъ,—что хотѣли написать въ пользу мою по математикѣ? Но можно ли будетъ мнѣ, лишенному вашего руководства, всѣмъ тѣмъ воспользоваться?“ Черезъ мѣсяць онъ благодарилъ Ананьина за учебникъ астрономіи, карта при которомъ доставляла ему въ звѣздныя ночи пріятное утѣшеніе. Еще черезъ два съ половиной года архим. Макарій писалъ о своихъ безмолвныхъ бесѣдахъ съ „таинниками природы“—съ астрономомъ Гершелемъ, философомъ и филологомъ Гердеромъ, ботаниками Линнеемъ и Декандолемъ. Вообще въ перепискѣ съ Ананьинымъ о. Макарій касался главнымъ образомъ научныхъ предметовъ, вопросовъ, изобрѣтений. Его онъ спрашивалъ о „великомъ годѣ“, по поводу статьи въ Вѣстникѣ Европы, ему же онъ сообщалъ о изобрѣтении способа печатать Библию для слѣпыхъ (выпуклыми буквами), объ изданіи ея для глухо-нѣмыхъ, о желѣзныхъ походныхъ печахъ, о чемъ и самъ думалъ предъ тѣмъ. Отъ него о. Макарій получилъ гербарій (298—302).

Занятія архим. Макарія естественными науками имѣли, впрочемъ, интересъ не только теоретическій,—они связаны были отчасти съ практическими его видами—съ желаніемъ дать инородцамъ медицинскую помощь. Самъ онъ и сотрудники его, не учась медицинѣ, лечили алтайцевъ аллопатическимъ и гомеопатическимъ способами. А въ письмахъ его къ знакомымъ встрѣчаются врачебные совѣты и другого рода, вычитанные имъ изъ разныхъ книгъ или слышанные отъ знакомыхъ. О. Макарій, рѣшивъ поучиться естественнымъ наукамъ и медицинѣ еще въ 1836 г., привелъ этотъ планъ въ исполненіе на обратномъ пути изъ Москвы на Алтай, когда онъ слушалъ около трехъ мѣсяцевъ лекціи въ

университетѣ. Но занятія естественными науками нисколько не отразились на мистическомъ складѣ его мышленія. Онъ вѣрилъ въ таинственныя явленія, въ сны, въ присутствіе высшей духовной силы во всемъ и вездѣ... Отсюда постоянное стремленіе у него все осмысливать и все освѣщать съ высшей, съ религіозной точки зрѣнія, во всемъ искать уроковъ Провидѣнія Божія. Не менѣе развита была у архим. Макарія жизнь сердца. Особенно пышнымъ цвѣтомъ цвѣли въ его душѣ чувства религіозное и любви къ ближнимъ. Глубокая вѣра въ Бога живого и благого, надежда на Него и преданность Его волѣ отличали его съ раннихъ лѣтъ. Путемъ же самовоспитанія онъ вибрировалъ въ свое сердце Христа и сдѣлалъ Его центромъ всей своей душевной жизни и цѣлью упованій. Онъ и своихъ корреспондентовъ призывалъ къ тому, чтобы они сдѣлали Христа „средоточіемъ всѣхъ радостей, какъ и всякой печали благоразумной“ и всѣхъ движеній души (487). „Будемъ недовѣрчивы къ собственнымъ чувствованіямъ, писалъ онъ, станемъ добры въ нелицемѣрной вѣрѣ и въ преданности І. Христу. Не надѣяться на себя и уповать на Бога—вотъ первый урокъ, который вамъ надлежитъ выучить“ (219). Ибо „Христосъ распятый есть праведность наша, и очищеніе, и осященіе“ (223). Самъ онъ до того воплотилъ въ себя духъ Христова ученія, что хорошо знавшій его архіепископъ Смарагда называлъ его „осуществленнымъ, живымъ Евангелиемъ“¹⁾.

Быть можетъ потому архим. Макарій мало занимался догматическими вопросами. Въ духѣ мистиковъ онъ не считалъ Христовой истины заключенной въ рамки православно-церковнаго ученія и мечталъ объ объединеніи всѣхъ христіанъ въ одно религіозное общество. Д. Д. Филимоновъ рассказываетъ, какъ однажды о. Макарій, пріѣхавши въ Москву (въ 1846 г.), пожелалъ повидаться съ лютеранскимъ пасторомъ Дитрихомъ, съ которымъ былъ знакомъ Филимоновъ. Послѣдній устроилъ это свиданіе. „Бесѣда, длившаяся почти до полуночи, велась на латинскомъ языкѣ, на которомъ оба объяснялись не только безъ малѣйшаго затрудненія, но такъ же бойко, какъ на живомъ языкѣ. Оба относились другъ къ другу съ видимымъ и понятнымъ уваженіемъ; и хотя убѣжденія и мнѣнія ихъ очевидно не совсѣмъ были сходны конечно; но при разставаніи архимандритъ и пасторъ обнялись и поцѣловались въ истинно-христіанскомъ духѣ. О. Макарій былъ повидимому доволенъ этимъ свиданіемъ, и когда мы возвращались отъ пастора, настроеніе духа о. Макарія приняло оттѣнокъ восторженности... Онъ сталъ поэтизировать и между прочимъ сказалъ: отчего бы не построить въ Москвѣ

¹⁾ Преосвящ. Владиміръ, умершій казанскимъ архіепископомъ († 1897) и начавшій службу свою въ Орловской семинаріи, свидѣтельствуетъ, что не разъ слышалъ отъ него это выраженіе.

такого храма, въ которомъ бы, какъ въ Иерусалимскомъ, совершалось въ трехъ придѣлахъ священнодѣйствіе трехъ главныхъ христіанскихъ исповѣданій: православнаго, римско-католическаго и лютеранскаго. Такая братская вѣротерпимость скорѣе и надежнѣе словопреній послужила бы къ общему христіанскому единенію (о. с., 194. 195). Съ представителемъ католичества въ Москвѣ, французскимъ аббатомъ Отранъ, о. Макарій познакомился еще раньше чрезъ Гааза. И на Алтаѣ водилъ онъ знакомство съ католическимъ священникомъ и ему изъ Болхова посылалъ польскія и латинскія книги („Письма“, 502). Характеренъ также для него и екатеринославскій случай молитвы съ квакерами. „Что же мнѣ было дѣлать?“—объяснилъ онъ послѣ архіеп. Іову. „Совѣстно было такъ смотрѣть на нихъ во время молитвы, и я самъ сталъ на колѣни и молился по своему“¹⁾.

Внѣшнимъ выраженіемъ жизни о. Макарія во Христѣ и постоянного общенія съ Нимъ являлось частое причащеніе Тѣла и Крови Христовыхъ, ежедневное чтеніе свящ. писанія и постоянная молитва. Литургію онъ служилъ, когда можно было, ежедневно. Ежедневно же онъ читалъ Евангеліе или апостольскія писанія, помимо работъ по переводу Библии. Во время путешествій архим. Макарій тоже не разставался съ Божественными глаголами. „Простившись съ Москвою, писалъ онъ Глѣбовой-Стрешневой изъ Казани, мы имѣли первый отдыхъ въ г. Богородскѣ. Моя любимая книжица, содержащая избранные тексты изъ Библии на каждый день въ году, представляла тогда, т. е. Марта 8 ч., слѣдующія слова ап. Павла. „Паче всего облекитесь въ любовь, которая есть совокупность совершенства“. Кол. III, 14. „Теперь пребываютъ сіи три: вѣра, надежда, любовь; но любовь изъ нихъ больше“. 1 Кор. XIII, 13. И далѣе повѣствованіе о событіяхъ каждаго дня предваряется „дневными текстами“ (355 и слѣд.)²⁾. Что касается молитвы, то извѣстно, что архим. Макарій кромѣ обычной церковной и келейной молитвы, часто прибѣгалъ къ „умной“, иначе называемой богomyслиемъ или умнымъ дѣланіемъ. Съ умной молитвой о. Макарій ознакомился еще въ академіи по запискѣ старца Василиска. Затѣмъ о ней же слышалъ въ Екатеринославѣ отъ учениковъ старца Паисія Величковскаго архіеп. Іова и іеросхим. Ливерія. Въ свою очередь самъ о. Макарій распо-

¹⁾ Русская Старина, 1874, I.

²⁾ Интересно, что съ середины 30-хъ годовъ о. Макарій цитуетъ Библию въ письмахъ по русскому тексту, но все же онъ отдаетъ преимущество церковнаго употребленія славянской Библии. Князь Трубецкой онъ предлагалъ читать большой матери „то на славянскомъ языкѣ стоя, съ легкимъ напѣвомъ, по церковному, то на російскомъ сидя, псалмы Давидовы“ (105).

лагать къ ней другихъ. Въ Костромѣ онъ научилъ Ан. Ал. Голубинскую „внутренней молитвѣ, которую человекъ можетъ совершать и сидя, и лежа, и занимаясь ручною работою“ ¹⁾. Е. Ѳ. Непряхина рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что онъ при первой встрѣчѣ съ ней съ убѣжденіемъ совѣтовалъ ей возобновить прерванный ею обычай умной молитвы ²⁾.

„Молитва есть плодъ любви“, писалъ архим. Макарій (81), и ею онъ доказывалъ свою любовь къ людямъ не менѣе, чѣмъ прямою дѣятельностью на ихъ пользу. Въ служеніи же людямъ онъ ставилъ цѣль всей своей жизни и посвятилъ ему всѣ свои душевныя и тѣлесныя силы. Главнымъ образомъ о. Макарій заботился объ удовлетвореніи религиозныхъ нуждъ народа и нравственномъ его преуспѣяніи. Тому служили и миссіонерскій подвигъ его, и литературные труды, особенно переводъ Библии на русскій языкъ, и пастырско-учительская дѣятельность въ Болховѣ. О. Макарій радовался, когда встрѣчалъ простаго человека, знакомаго съ Библией и религиозно-просвѣтленнаго („Письма“, 15, 18, 22, 54, 357), мечталъ о всенародной грамотности ³⁾ и негодовалъ на тѣхъ, кто задерживалъ успѣхи ея. „Да устыдятся мнѣніи своихъ тѣ боязливые, которые хотѣли бы удержать земледѣльцевъ нашихъ во мракѣ невѣжества!“ (357).

Наряду съ религиознымъ просвѣщеніемъ массъ народа и отдѣльных лицъ, архим. Макарій заботился особенно о нравственномъ исправленіи людей и моральномъ ихъ усовершенствованіи. Ему былъ присущъ особый даръ—умѣніе одушевлять людей высшими чувствами, заставлять ихъ вдумываться въ смыслъ своей жизни и стремиться къ идеалу. Познакомившійся съ нимъ въ началѣ его общественной дѣятельности въ Екатеринославѣ свящ. І. Герболинскій чрезъ 40 лѣтъ писалъ о немъ: „Память объ о. Макаріѣ для меня священна, воспоминаніе о немъ наполняетъ душу мою благодареніемъ и неизяснимою благодарностію ко всеблагому промыслу Божию, удостоившему меня близкаго знакомства и дружбы сего святаго мужа... Знакомство съ этимъ необыкновеннымъ человекомъ было величайшимъ Божиимъ благодѣяніемъ... ему обязанъ я образованіемъ моего ума и воли, и нравственнымъ направленіемъ моей жизни“ ⁴⁾. А вотъ другое свидѣтельство о силѣ нравственнаго вліянія о. Макарія, принадлежащее П. Бакуниной, познакомившейся съ нимъ въ Москвѣ уже въ концѣ его жизни:

¹⁾ Душеп. чт., 1890, III, 557.

²⁾ Записки Е. Ѳ. Непряхиной, 4, 5.

³⁾ Мысли о способахъ къ успѣшнѣйшему распространенію христіанства..., 8—12.

⁴⁾ Странникъ, 1861, май, 229—230.

„Я видѣла сего ученика Христова,
 Ученика исполнѣ дѣлами и душой...
 Какъ безмятеженъ взоръ, какъ тихо, кротко слово,
 И какъ онъ полонъ весь надеждою святой,
 Довѣрія къ Творцу, а къ людямъ снисхожденья,
 И чувства братскаго Евангельской любви!
 Какъ мало онъ цѣнилъ всѣ подвиги свои!
 Какая простота и скромность обхожденья!
 О, пріями, Творецъ, души благодаренье,
 Что видѣла его, что слышать я могла,
 И сердцемъ понимать слова его святяя!
 Священной радостью душа моя свѣтла,
 И къ ней, какъ дѣтства въ дни былые,
 Вернулись чудныя, небесныя мечты,
 И къ міру горнему добра и чистоты
 Я стала ближе, и спасенья
 Ищу усердѣе растроганной душой...
 Принявъ его благословенье,
 Быть можетъ, путь начну иной,—
 Священный путь благотворенья,
 Молитвы и любви святой“¹⁾.

Однимъ изъ многихъ источниковъ такого благотворнаго вліянія о. Макарія на соприкасавшихся съ нимъ лицъ являлись тѣ отношенія его къ нѣкоторымъ, которыя связываются съ понятіемъ „старчества“. Для этихъ людей о. Макарій былъ духовнымъ отцомъ не въ смыслѣ духовника только, принимающаго на исповѣди сознаніе ихъ въ грѣхахъ, а въ смыслѣ лица, которому повѣрялась если не ежедневно, то возможно чаще совѣсть во всѣхъ ея изгибахъ, сообщались всѣ движенія душевныя, всякая и добрая и злая мысль, всякое чувство какъ чистое, такъ и грязное, всякое поползновеніе ко грѣху и всякое влеченіе къ добруму. Такимъ довѣріемъ русскій народъ облакаетъ мужей духовнаго опыта, могущихъ на основаніи прошлаго своей жизни дать совѣтъ на всякій случай жизни, освѣтить всякое духовное положеніе и разрѣшить всякое сплетеніе обстоятельствъ. Такимъ былъ и о. Макарій для многихъ въ болховскій періодъ его жизни, такимъ мы знаемъ его и раньше—по перепискѣ его, особенно съ Е. Ѳ. Непряхиной.

Въ заботахъ о религиозно-нравственномъ благѣ народа, архим. Макарій не оставлялъ и другихъ нуждъ обращавшихся къ нему. „Торопясь дѣлать добро“, онъ считалъ несчастнымъ тотъ день, въ который не могъ доставить кому-либо утѣшенія, и своими благодѣтелями называлъ тѣхъ, кто давалъ ему возможность оказать имъ ту или другую услугу (220; ср. 69). Помощь совѣтомъ ли, деньгами ли и вещами

¹⁾ Домашняя Бесѣда, 1860, вып. 6.

или врачебную, всегда могъ получить отъ него, кто только ни обращался къ нему. Когда у него не было налицо своихъ средствъ, онъ располагалъ къ оказанію помощи другихъ, посылая къ нимъ нуждающихся. Друзьямъ своимъ онъ совѣтовалъ „ежедневно, по возможности, творить милостыню, своеручно, съ молитвою сокрушеннаго сердца“ (432). Въ 1829 г. на пути въ Сибирь, въ нижегородской губерніи, архим. Макарій встрѣтилъ одного помѣщичьяго крестьянина, который „въ чертахъ лица своего имѣлъ столь рѣзкое и опредѣленное выраженіе благородныхъ правилъ и свойствъ души, что невольно восчувствовалъ къ нему почтеніе“, которое еще болѣе увеличилось послѣ бесѣды съ нимъ. Прощаясь съ нимъ и „поручивъ себя молитвамъ сего раба Божія“, о. Макарій обѣщаль посодѣйствовать „его освобожденію отъ горькой работы помѣщичьей“, но долго не имѣлъ никакой возможности сдѣлать это. Никогда однако не располагая достаточными для того деньгами, онъ въ 1837 г. просилъ о томъ Г. Т. Мизка, впрочемъ успѣха не имѣлъ (54, 55, 59).

При помощи стекавшихся къ нему пожертвованій о. Макарій старался удовлетворить матеріальныя нужды крещенныхъ инородцевъ, какъ на нихъ же расходовалъ суммы, ассигнованныя на содержаніе миссіи, самъ же онъ всегда обходился своимъ магистерскимъ окладомъ (350 р. асс.). Въ интересахъ же миссіи онъ старался обезпечить своихъ сотрудниковъ. Трогательна его заботливость особенно о Ландышевѣ и Нигрицкомъ. Когда П. П. Глѣбова-Стрешнева положила въ банкъ на'его имя 2 т. р., о. Макарій просилъ ее прислать часть этой суммы для выплаты долговъ миссіи, а также для оказанія помощи одному приходскому священнику и одной слѣпой майоршѣ въ Бійскѣ, бѣдной вдовицѣ. Но послѣ разсудилъ и просилъ ее эти двѣ тысячи положить на имя двухъ его сотрудниковъ, Ландышева и Нигрицкаго; „а они дадутъ честное слово и обѣщаніе, что проценты и самые капиталы только тогда будутъ тронуты, когда, почему бы то ни было, прекратилось бы ихъ служеніе при церкви, и они, или, послѣ кончины ихъ, жены и дѣти ихъ начали бы нуждаться“ (394—396). Въ „Письмахъ“ разсѣяно много доказательствъ внимательности о. Макарія къ своимъ помощникамъ.

Почти всѣ сотрудники миссіи были и личными друзьями о. Макарія и, наоборотъ, старыхъ друзей своихъ онъ старался сдѣлать полезными для нея. И вообще нужно сказать, что интересы миссіи, службы, дѣла онъ ставилъ выше всего и ими опредѣлялъ и людей и отношенія къ нимъ. Въ Екатеринославѣ онъ не усомнился возвысить голосъ противъ всей семинарской корпораціи и самого грознаго архіепископа Гова, когда ему показалось, что послѣдніе, поступая не по закону, могли повредить семинаріи (что и было съ покупкой

для нея неподходящаго дома). Чувство долга и правдолюбiя испортили его отношенiя и къ костромскимъ сослуживцамъ и были причиной нелюбви къ нему алтайскаго духовенства ¹⁾. Но еще сильнѣе проявилъ онъ эти качества и полное забвенiе своихъ личныхъ выгодъ въ исторiи съ переводомъ Библии на русскiй языкъ. Убѣжденный въ правотѣ своей, о. Макарій велъ защиту своей идеи такъ долго, настойчиво и упорно, что претерпѣлъ рядъ неприятностей, до эпитимiи включительно. Но перенося всѣ невзгоды съ благодушiемъ, онъ никого не считалъ своимъ личнымъ врагомъ, и чувство мести, злобы, никогда не было побудительнымъ мотивомъ его дѣйствiй. И въ Екатеринбургѣ, по свидѣтельству о. Герболинскаго, онъ ни о комъ не сказалъ худого слова и ни на кого не жаловался, и въ Костромѣ чувствовалъ себя такъ, что могъ сказать: „Людей знаменитыхъ нѣтъ при мнѣ; одни благодѣтели, другiе прiатели, немного знакомыхъ и одинъ другъ“ (82). Но за то чувству дружбы архим. Макарій былъ очень доступенъ. Дружескiя отношенiя связывали его особенно съ Гр. Т. Мизкомъ, Е. Ѳ. Непряхиной и Ив. П. Савельевымъ. Послѣднiй былъ у о. Макарія келейникомъ въ Костромѣ, сопровождалъ его до Глинской пустыни, гдѣ долженъ былъ оставить его по требованiю строителя Филарета, затѣмъ пытался пробраться за границу и, какъ не имѣвшiй всѣхъ законныхъ документовъ, былъ сосланъ на поселенiе въ тобольскую губернiю. О. Макарій встрѣтился съ нимъ, когда ѣхалъ въ Тобольскъ, и, видя въ этомъ указанiе Промысла Божiя, рѣшилъ болѣе не разставаться съ этимъ „своимъ другомъ и благодѣтелемъ“, чтобы помогать ему чѣмъ можно, и это рѣшенiе было „однимъ изъ самыхъ сильныхъ побужденiй, удержавшихъ его въ порывахъ къ Иркутску“ ²⁾. Точно также раньше дружба съ о. Израилемъ направила его въ Иркутскъ и заставляла стремиться туда.

О. Макарій имѣлъ сердце нѣжное, мягкое, отзывчивое. Характеризуютъ его съ этой стороны и его отношенiя къ роднымъ, и въ частности къ племянницамъ, жившимъ въ вяземскомъ монастырѣ. Такъ, съ Алтая онъ проситъ П. П. Глѣбову-Стрешневу послать имъ изъ Москвы сахарныхъ шариковъ отъ простуды и кашля и стѣнные часы, безъ всякихъ дорогихъ украшенiй, но прочные и правильные, и *непретѣнно съ кукушкою* (388). Приѣхавши въ Москву въ 1844 г., онъ выписалъ туда племянницъ для свиданiя съ собой и окружилъ ихъ всякимъ вниманiемъ. Послѣ же перевелъ ихъ въ смоленскiй женскiй монастырь, причемъ какъ бы отбѣснилъ своими заботами о нихъ ихъ родного отца... ³⁾.

¹⁾ О послѣднемъ говорилъ А. Сулоцкому тобольскiй архiепископъ Аванасiй.

²⁾ „Письма“, стр. 40, 100, 239.

³⁾ „Письма“, 451—454, 517—519. Подробнѣе въ статьѣ: „Архим. Ма-

Но нельзя сказать, чтобы въ отношеніяхъ къ людямъ о. Макарій былъ всегда равенъ и мягокъ. Горячій и страстный по природѣ, онъ не настолько поборолъ эти свойства своего темперамента, чтобы они не прорывались время отъ времени, и вспыльчивость, рѣзкость и даже грубость его портили нѣсколько впечатлѣніе отъ обращенія съ нимъ. Въ Костромѣ сильно развившаяся въ немъ раздражительность была однимъ изъ мотивовъ его ухода со службы ¹⁾. Отъ этихъ недостатковъ его страдали порой и на Алтаѣ его сотрудники и иногда новокрещенные, а въ Болховѣ келейники, монахи и посторонніе, приходившіе за совѣтомъ ²⁾. Несдержанъ онъ былъ и въ отношеніяхъ къ духовнымъ властямъ, когда дѣло касалось его задушевныхъ идей о расширеніи миссіонерства и о переводѣ Библии. Но самъ же Макарій сознавалъ свои недостатки и, какъ только проходилъ пыль, извинялся и даже всенародно каялся предъ обиженными или же казнилъ себя въ своихъ писаніяхъ ³⁾. Случалось, что сильно разгнѣвавшись на кого-нибудь, онъ дня по два никого не принималъ, кромѣ любимыхъ сотрудниковъ, и ничего не ѣлъ, какъ бы наказывая себя усиленнымъ постомъ за свою гнѣвливость.

Другой недостатокъ архим. Макарія—слабость воли, отсутствіе постоянства въ намѣреніяхъ. Рѣшивши порвать съ ученой и учебной службой въ Костромѣ, онъ по пути въ Кіевъ объѣзжаетъ Москву и Харьковъ, чтобы архіеп. Филаретъ и еп. Павелъ не обратили его на прежній путь или не растревожили его совѣтами, не согласными съ его рѣшеніемъ (2). Очевидно, онъ самъ не былъ увѣренъ въ себѣ. Въ томъ же 1825 г. онъ желаетъ поступить въ бібліотекари академіи, переходить изъ лавры въ китаевскую пустынь, а оттуда переправивается въ глинскую. Неудивительно, что и м. Филаретъ и еп. Владимиръ курскій стали сомнѣваться въ его постоянствѣ ⁴⁾... Устойчивѣе архим. Макарій сдѣлался уже въ алтайской миссіи, да и то не сразу.

Въ связи съ непостоянствомъ стояла въ характерѣ о. Макарія нетерпѣливость. Впрочемъ, она проявлялась только тогда, когда приходилось ожидать окончательнаго рѣшенія

карій Глухаревъ и его отношенія къ роднымъ“ (Смол. Епарх. Вѣд., 1904, №№ 10—16).

¹⁾ Письма м. Филарета, 107.

²⁾ По свидѣтельству его болховскаго келейника, онъ „иногда предавался гнѣву. Доставалось, часто и безъ вины, послушникамъ его: на шумить, нагнѣвать, поставить на поклоны, а потомъ и самъ же кланяется обиженному въ ноги, просить прощенія и непременно подарить или книжку или платочекъ или что-либо подобное“ (Томскія Епарх. Вѣд., 1882, 436; ср. 433).

³⁾ См. напр. Записки о. Макарія подъ 28 окт. 1833 г.

⁴⁾ Письма м. Филарета, 111, 112, 115.

о мѣстѣ дѣятельности. Такъ было въ Костромѣ предъ отставкой, въ Tobольскѣ, на Алтай—послѣ подачи отзываетъ въ 1836 г., по возвращеніи на Алтай, когда опять возникъ вопросъ объ его переводѣ въ иркутскую миссію. Вотъ что, напр., писалъ о. Макарій кн. Трубецкой 30 янв. 1837 г.: „Нетерпѣніе и желаніе—скорѣе получить рѣшительное указаніе на одинъ путь не рѣдко повергаетъ меня искушеніямъ, отъ которыхъ страдаетъ самая должность“ (103; ср. 59, 282, 468). Но когда дѣло касалось обидъ отъ людей, неблагоприятныхъ обстоятельствъ, тягостей службы, недомоганій, то тутъ о. Макарій и самъ терпѣль и другимъ велѣль. „Терпите, писалъ онъ іером. Анастасію.—Въ терпѣніи спасетесь и сами, и многія души ко Христу приведете“ (321, 408, 409), ибо „страданія суть благословенія Новаго Завѣта“ (42, 431, 436). „Терновый вѣнецъ, говорилъ онъ Непряхиной, драгоценнѣе всѣхъ вѣнцовъ царскихъ“...

Уже сказано было о той бурѣ плотскихъ страстей, которая одолевала о. Макарія во дни его юности. Для побѣды надъ ними онъ, послѣ колебаній между женитьбой и постриженіемъ, принялъ монашество. Но и послѣ того испытывалъ боренія плоти ¹⁾... За то искушенный самъ, онъ могъ помогать и искушаемымъ. Изъ переписки его съ Непряхиной видно, что въ немъ и сама она и другія нашли опытнаго руководителя въ борьбѣ съ плотской похотью. Въ своихъ Запискахъ архим. Макарій обращается къ родителямъ съ такимъ наставленіемъ: „Берегите дѣтей! Не презирайте дѣтей! Удаляйте отъ сближенія помы и въ дѣтствѣ! Ставьте дѣтей на исповѣди по парѣ вдругъ и болѣе значило бы оставлять безъ осмотра столь многіе сокровенные и открытые входы для грѣха и діавола въ жизнь человѣческую“ (май 1831 г.). Сулоцкій передавалъ, что ему о. Макарій совѣтовалъ или въ монахи итти или—жениться (ср. Миссіонеръ, 1879, 185). Бракъ онъ высоко цѣнилъ. Нѣсколько страницъ его писемъ посвящено выясненію его значенія и семейныхъ отношеній супруговъ и родителей и дѣтей (83, 84, 86—88, 268, 271, 494).

Другую побѣду одержалъ о. Макарій надъ своей гордостью, о которой онъ не разъ говоритъ въ своей исповѣди, называя ее то просто гордостью ученой, то гордой самоправедностью. Мы выясняли, какъ она могла образоваться въ о. Макаріѣ; теперь, на основаніи близкаго знакомства съ его личностью, можемъ сказать, что ея въ немъ не осталось или почти не осталось. Постоянное наблюденіе надъ собой, постоянное умаленіе своей личности, соединенныя съ признаніемъ своихъ недостатковъ, повели къ развитію одной изъ выдающихся чертъ характера архим. Макарія—его глубокаго смиренія, граничившаго даже съ самоуниженіемъ. Въ письмахъ къ Непряхиной онъ называетъ себя иногда „человѣкомъ тем-

¹⁾ Письма и. Филарета, 115.

нымъ“, лишеннымъ „свѣта горняго“, „окаиннѣйшимъ изъ всѣхъ человѣкъ“, „извергомъ человѣчества, Макаріемъ грѣшнымъ“ (219, 230, 238). „Я весь немощь, мерзость и грѣхъ“, писалъ онъ ей: „Мы ничто предъ Богомъ, и еще менѣе и хуже, чѣмъ ничто совершенное; ибо въ насъ нѣтъ ничего своего, кромѣ грѣха, кромѣ растлѣнія, кромѣ стремленія, склонности и способности къ нарушенію вѣчныхъ законовъ Создателя“ (218, 248). Самъ боровшійся всю жизнь съ своею гордостью, въ которой видѣлъ сильнаго врага спасенія, о. Макарій и другимъ рекомендовалъ борьбу съ нею и воспитаніе противоположной ей добродѣтели. „Не рѣжьте себя тупымъ ножомъ по горлу, писалъ онъ Непряхиной, но однимъ рѣшительнымъ размахомъ отрубите голову гордости вашей, смиритесь,—и Богъ спасетъ васъ“ (235). „Господь гордыхъ смиряетъ, и даруетъ благодать смиреннымъ. Будемъ у Спасителя нашего учиться смиренію до конца жизни; будемъ рыть сей кладенецъ, тѣмъ болѣе воды живой будетъ, тѣмъ изобильнѣе любовь Божія будетъ изливаться въ сердца наши Духомъ святымъ“, наставлялъ онъ княжну Трубецкую (96—97). Софія Вальмонъ онъ писалъ: „Учись послушанію и смиренію, благодушно и радостно подвизаясь въ благоразумномъ отрѣченіи своей воли, которая, по свидѣтельству и выраженію св. отцевъ, есть *мѣдная стѣна, отлучающая душу отъ истиннаго просвѣщенія*“ (444). О смиреніи о. Макарія свидѣтельствуегъ и отказъ его въ Костромѣ отъ званія архимандрита (35), а на Алтаѣ—отъ ордена за присоединеніе къ христіанству первыхъ ста алтайцевъ (153), и нежеланіе его быть увѣковѣченнымъ на портретѣ или въ біографіи. По словамъ Стурдзы, онъ, замѣтивъ однажды, что одно изъ приближенныхъ къ нему лицъ пишетъ его біографію, разсердился на автора и подвергъ его эпитиміи, а написанное изорвалъ ¹⁾. По тому же смиренію о. Макарій легко отрекся и отъ авторскихъ правъ па жизнеописаніе архіеп. Іова (46). Не любилъ онъ и лести и „похвальныхъ словъ“ себѣ, которыя называлъ „толстыми и длинными колодами на пути общенія“ и на пути спасенія (464).

Мысль о своемъ нравственномъ несовершенствѣ, о своихъ грѣхахъ, въ связи съ состояніемъ здоровья, давала душевному настроенію о. Макарія отбѣнокъ мрачный, пессимистическій, покаянный. Но это не было сплошное уныніе, а тѣмъ болѣе отчаяніе. „Уныніе по временамъ посѣщаетъ меня, писалъ онъ изъ Глинской пустыни брату: оно въ монашескомъ житіи неизбѣжно. и нельзя вкусить сладкаго, не вкусивши прежде горькаго“. Но тутъ же сообщалъ о своемъ благополучіи и о томъ, что по временамъ такъ весель бывалъ, что скорби нѣкоторой желалъ (12)... Онъ находилъ, что унынію и совсѣмъ не должно быть мѣста. „Я сказалъ, писалъ онъ

¹⁾ Странникъ, 1860, IV, 127.

Непрахиной, что намъ надобно радоваться о Господѣ: ибо радость таковая есть сила наша, по слову пророка. Уныніе расслабляетъ душу и отводитъ умъ въ плѣнь Вавилонскій“ (222, 223). Особенно вреднымъ о. Макарій считалъ уныніе для миссіонера: „Съ печальною душою не безопасно вступить на стезю миссіонерства“ (280). Непрахиной онъ писалъ, что въ сотрудничество при миссіи она должна „вступить не иначе, какъ въ духѣ искренности и благодушной свободы“ (275).

Глубокій источникъ оптимизма представляло для о. Макарія само христіанское ученіе съ его высокими истинами и утѣшительными обѣтованіями. „Религія христіанская есть наука быть счастливымъ, которую преподаетъ намъ Спаситель и Богъ нашъ І. Христосъ“, писалъ онъ (313). Совершенное Христомъ спасеніе людей и обѣщанныя Имъ награды любящимъ Его возбуждали мысль и чувство его и, помогая ему въ борьбѣ съ страстями, побѣдой надъ ними располагали его къ благодушію. И чѣмъ далѣе и успѣшнѣе шла борьба, тѣмъ спокойнѣе и увѣреннѣе становился онъ. Не мало содѣйствовали свѣтлому, жизнерадостному настроенію души о. Макарія его общительность, доброжелательность къ людямъ, его широкое образованіе и способность заинтересовываться разнообразнѣйшими вопросами, иногда очень далекими отъ его прямого дѣла, любовь къ природѣ, красотѣ и къ искусству. Любилъ онъ стихи и музыку. Самъ онъ пѣлъ и игралъ на фортепіано и другихъ располагалъ къ музыкѣ. „Хотѣлось бы, писалъ онъ княжѣ Трубецкой, чтобы вы прилежнѣе занимались благородною музыкою: возвышающее душу искусство! Живо ли ваше фортепіано?“ (106) ¹⁾. Вообще онъ не былъ суровымъ и строгимъ аскетомъ. Онъ интересовался жизнью во всей широтѣ ея проявленій. „Онъ желалъ и умѣлъ помогать людямъ и въ ихъ житейскихъ дѣлахъ, живо и дѣятельно сочувствовать имъ во всѣхъ ихъ чистыхъ житейскихъ радостяхъ и скорбяхъ: онъ имѣлъ живое и любящее сердце, и съ живымъ чувствомъ относился къ людямъ его окружающимъ“.

Архим. Макарій былъ строгъ только къ себѣ и къ своей плоти. Выдержавъ въ юности упорную и тяжелую борьбу съ плотскими влеченіями, онъ и до конца жизни продолжалъ бороться съ тѣлесными искушеніями и соблазнами. Нечего и говорить, что онъ далекъ былъ отъ угожденія плоти одеждой ли то, пищей ли или сномъ. Щегольствомъ въ одеждѣ онъ никогда не отличался и, получивъ нѣкогда въ подарокъ отъ архіеп. Іова подрясникъ, онъ носилъ его болѣе десяти лѣтъ — „по простымъ днямъ наизнанку, а въ праздничные дни налицо“. И когда друзья предлагали ему матерію на

¹⁾ О нравственномъ и миссіонерскомъ значеніи музыки см. въ „Мысляхъ“, 70.

одежду, онъ просилъ объ удовлетвореніи нуждъ миссіи (45). Когда онъ вернулся изъ миссіи и въ Москвѣ сослужилъ митрополиту въ алексѣевскомъ монастырѣ, Д. Д. Филимоновъ „увидѣлъ въ растворенныя царскія двери, что въ углу алтаря одинъ изъ іеродіаконовъ съ усмѣшкой показывалъ другому помятый и полинялый монашескій клобукъ“, который вслѣдъ затѣмъ надѣлъ о. Макарій, бывшій въ „убогой монашеской рясѣ“ (о. с., 173). Въ Волховѣ онъ жилъ, почти не мѣняя одежды и бѣлья, такъ что это сдѣлалось для него даже положительнымъ средствомъ изнуренія плоти... Относительно пищи о. Макарій тоже былъ очень не взыскателенъ. На Алтаѣ одно время вмѣсто чаю онъ употреблялъ одно мѣстное растеніе. Наконецъ и спалъ онъ очень мало. Непряхиной онъ говорилъ, что для сна довольно четырехъ часовъ въ сутки. Но въ дѣйствительности онъ спалъ и того меньше, какъ это видно изъ рассказовъ прот. Остромысленскаго и Д. Кирилловой. Впрочемъ, такая краткость ежедневнаго отдыха у о. Макарія была вызвана не только аскетическими мотивами, но и желаніемъ не потерять лишней минуты на дѣло служенія церкви.

По той же причинѣ о. Макарій дорожилъ своимъ здоровьемъ. Онъ былъ противъ излишнихъ попеченій о здоровьѣ, находя, что „чрезмѣрная забота о сбереженіи здоровья есть сама по себѣ уже болѣзнь души“ (260), но совѣтовалъ беречь тѣлесныя силы, какъ органы силъ душевныхъ, духовныхъ, божественныхъ, вліяющіе на характеръ дѣйствія ихъ. „Берегите здоровье, писалъ онъ Е. П. Трубецкой, чтобы прославлять Бога и душою и тѣломъ, чтобы служить и дѣлать какъ можно больше добра ченовѣкамъ, и чтобы наслаждаться видѣніями славы Божіей, открывающейся созерцанію и радостному удивленію въ дѣлахъ природы“. Самъ онъ скорбѣлъ „о безпорядкахъ въ (своемъ) прошедшемъ“, дѣлавшихъ для него особенно чувствительною старость (106). „Безпорядки“ эти продолжались впрочемъ до самой смерти о. Макарія,—заклучались они въ усидчивомъ, напряженномъ умственномъ трудѣ при отсутствіи правильнаго и достаточнаго отдыха и питанія. И вотъ изъ Екатеринослава онъ вывезъ начало глазной болѣзни, въ Костромѣ надолго связался съ лихорадкой, на Алтаѣ часто хворалъ грудью и доработался до геморроя. За то и лечился онъ много и всякими способами и на лекарства и лечебники не жалѣлъ денегъ. Онъ не пилъ вообще вина, но употреблялъ его какъ лечебное средство (413). Лечился онъ также сырыми яйцами и одно время думалъ даже о мясѣ. О послѣднемъ узнаемъ изъ письма къ нему митр. Филарета отъ 9 марта 1836 г. ¹⁾ На-

¹⁾ „Для пищи, писалъ Филаретъ, мнѣ кажется, вамъ нужно млеко; и оно безъ сомнѣнія есть: и чтобы нужно было что нибудь еще крѣпче, сомнѣваюсь. Покойный римско-католическій митрополитъ Сестренцевичъ

конецъ, уже лежа на смертномъ одрѣ, питалъ еще надежду на выздоровленіе, для чего, по словамъ его келейника А. А. Орлова, посылалъ въ Москву за виноградомъ и за совѣтомъ какого-либо знаменитаго доктора. Такъ сильна была въ немъ жажда—не жизни самой по себѣ, а дѣйтельной жизни.

Подвижническая жизнь о. Макарія рано его состарила. Въ 40 лѣтъ онъ походилъ уже на старца. Въ 1835 г. онъ писалъ Г. Т. Мизку, что у него, выражаясь словами Экклезіаста, „миндальное дерево давно уже разцвѣтаетъ, и сѣдины въ темнорусыхъ волосахъ умножались, давно серебрятъ грѣшную голову“ (50). Познакомившійся съ нимъ въ 1844 г. Д. Д. Филимоновъ такъ описываетъ его наружность. „Небольшого роста, непредставительный, нѣсколько сутуловатый, съ сѣдовой бородкой, онъ сначала не привлекалъ особеннаго вниманія, но разъ взглянувъ въ него и особенно въ его умные выразительные глаза, какъ-то невольно приходилось слѣдовать за нимъ. Онъ замѣтно выдѣлялся и скромностью и вмѣстѣ отсутствіемъ всякаго подобострастія передъ митрополитомъ, и простотой и безыскусственностью обращенія во время служенія и особенно кроткимъ и приятнымъ выраженіемъ въ чертахъ лица. Въ глазахъ его свѣтилось искреннее, благоговѣйное настроеніе души“ (о. с., 172, 173). Подобными чертами рисуетъ его и В. И. Карповъ, видѣвшій его въ Болховѣ: „Онъ (архим. Макарій) былъ на видъ около 60 лѣтъ, средняго росту, съ небольшою сутуловатостью, голова его украшена достаточною сѣдиною, волосы прядями лежали на его плечахъ; лицо его сухощавое, чистое и очень пріятное, окаймлено густою съ просѣдью бородою“¹⁾...

Характеристика архим. Макарія была бы не полна, если бы не было сказано еще объ одной его чертѣ, свѣдѣнія о которой идутъ изъ разныхъ періодовъ его жизни. Уже въ отзвѣѣ о немъ костромскаго епископа Самуила (1824) обра-

(† 1826) сказывалъ мнѣ, что онъ, безуспѣшно лечась отъ жестокаго геморроя, наконецъ пересталъ лечиться, и пересталъ употреблять мясную пищу, и выздоровѣлъ. Слово Апостола: *не имамъ ясти мяса во вѣки, да не соблазну брата моего*, кажется, не мимо вашего положенія идетъ. Брате! Плоть Господню вкушаемъ на трапезѣ Господней: не питательнѣе ли она и врачевнѣе всего питательнаго и врачевнаго? Не сюда ли паче вознесемъ нашъ голодъ и жажду, и нужду въ подкрѣпленіи, да хлѣбъ, отъ него же ядущи живутъ во вѣки, укрѣпитъ сердце и тѣлеснаго нашего человѣка, и всякую пищу нашу благословить, чтобы она была довольно питательна, и благопотребно врачевна? Ни въ какомъ случаѣ не сужу васъ за пищу; но что говоритъ мнѣ помысль, то предлагаю вамъ, съ желаніемъ, чтобы Госнодь внушилъ вамъ то, что есть истинно лучшее“ (Письма митр. Филарета, 122, 123).

¹⁾ Странникъ, 1875, № 12: Воспоминаніе о болхов. архим. Макаріѣ.

щаетъ на себя вниманіе фраза: „Подверженъ частымъ припадкамъ“. Затѣмъ въ разскаѣ А. Н. Муравьева о бесѣдѣ (1839) о. Макарія съ двумя Филаретами о русскомъ переводѣ Библии, съ угрозами гнѣвомъ Божиимъ, проскользнуло замѣчаніе: „Впрочемъ, все говоренное о. Макаріемъ было, очевидно, не подъ вліяніемъ экстаза, или вдохновенія, какъ онъ хотѣлъ это представить, — а по готовому, затверженному“ ¹⁾. Потомъ онъ самъ въ письмахъ къ Софіи Вальмонъ (1843) сообщалъ о какомъ то особенномъ душевномъ состояніи своемъ, связанномъ съ опасностями для нея во время ея путешествія съ Алтая въ Москву. Тяжелое его настроеніе, полное то опасеній, то надеждъ, свидѣтельствовало, что ей ничто угрожаетъ (какъ это и было), и побуждало молиться за нее (424—426). Одинъ изъ тобольскихъ декабристовъ П. Н. Свистуновъ передавалъ объ о. Макаріи слѣдующее: „Однажды, когда онъ пріѣхалъ въ Тобольскъ, его пригласили въ домъ Черепанова, служившаго тамъ прокуроромъ. Этого Черепановъ, человекъ гордый, прежде невѣрующій, вслѣдствіе разныхъ семейныхъ несчастій... обратился къ вѣрѣ, но больше съ обрядной ея стороны. Архим. Макарій, взошедъ въ первый разъ въ ихъ домъ и не имѣя до тѣхъ поръ никакого понятія о семействѣ Черепановыхъ, вдругъ заговорилъ надменнымъ тономъ: „Въ Римѣ на сѣдалищѣ судія допрашивалъ подсудимаго, и предъ нимъ стоитъ истецъ“, и потомъ вдругъ прекратилъ эту рѣчь, *какъ будто выходя изъ забытья*. Имъ овладѣлъ духъ гордости хозяина дома, и вообще онъ проникался духомъ той среды, въ которую входилъ“ ²⁾. Другая знакомая о. Макарія по Тобольску, М. Францева, рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ онъ на одномъ вечерѣ удивлялъ всѣхъ своей прозорливостью, нѣсколько разъ проявлявшейся во внезапныхъ обличеніяхъ тамъ присутствовавшихъ, *какъ бы помимо его воли* ³⁾. Къ болховскому періоду относится между прочимъ свидѣтельство Е. Г. Завалишиной, которая, присутствуя въ Орлѣ при бесѣдѣ о. Макарія съ прот. Лукой Маликовымъ, „видѣла видѣніе дивное. Ватюшка стоялъ какъ будто внѣ себя, въ какомъ то чудномъ размышленіи, глаза подняты были вверхъ“, къ рѣчи о. Луки онъ относился не вполне внимательно. „Тутъ я еще пристальнѣе стала смотрѣть на него, и мнѣ казалось, что онъ на землѣ стоялъ только однѣми ногами, а богомысленная душа его была въ изступленіи, или въ какомъ то небесномъ восторгѣ... я вострепетала, и кажется видѣла на землѣ человекъ небеснаго... спустя нѣсколько минутъ онъ пришелъ въ себя, сѣлъ и

¹⁾ *Сергій* архим. Филаретъ, митр. кіевскій, I, 435.

²⁾ Русскій архивъ, 1894, II, 444; ср. III, 59.

³⁾ Историческій Вѣстникъ, 1888, ч. 32.

молчалъ“¹⁾. Въ Волховѣ онъ предрекъ городскому головѣ Губарову опасность и спасеніе отъ нея, что и совершилось: едва только уѣхалъ отъ него о. Макарій, какъ загорѣлся и сгорѣлъ сосѣдній домъ, а домъ головы остался цѣль“...²⁾. Трудно объяснить эти явленія, особенно экстагическаго характера, если не признавать особой благодатной силы, иногда открыто почивающей на угодникахъ Божіихъ. Легче понять провицательность и прозорливость о. Макарія, какъ и многихъ другихъ мужей святой жизни, когда онѣ касались внутренняго міра другихъ людей. Тутъ къ естественному объясненію можетъ стужить глубокое знаніе человѣческой души, какъ изъ самонаблюденія, такъ и при помощи наблюденія надъ другими людьми. У лицъ духовныхъ и монашествующихъ есть даже особые пути для такого изученія—аскетическая литература, исповѣдь, какъ таинство, и исповѣданіе предъ „старцами“ всѣхъ помысловъ и движеній душевныхъ.

Литература объ архим. Макаріѣ знаетъ много случаевъ, свидѣтельствующихъ о способности его „читать“ въ чужой душѣ. Вотъ нѣсколько изъ нихъ, относящихся къ алтайскому періоду его жизни. Однажды его сотрудникъ Ландышевъ, потерявъ въ Війскѣ черновикъ отчета о состояніи миссіи, скрылъ объ этомъ отъ него и горячо молился объ отысканіи потеряннаго. Архим. Макарій, постигши его душевное состояніе и причину его, сказалъ ему: „То-то, Степанъ, кто на морѣ не бывалъ и волнъ не видалъ, тотъ досыта Богу не малывался“. Обличалъ онъ Ландышева и другихъ лицъ и въ иныхъ грѣшкахъ, но все прикровенно. А однажды онъ спасъ отъ самоубійства одну инородку, пропикнувъ издали въ ея намѣреніе повѣситься и предупредивши его посылкой къ ней послушника.

Много случаевъ прозорливости о. Макарія въ болховскій періодъ его жизни обнародовано въ цитованномъ не разъ изданіи „Нѣкоторыя черты изъ жизни... архим. Макарія“. Вотъ два изъ нихъ, переданные болховскимъ мѣщаниномъ В. И. Плотниковымъ. „Бабушка моя Феодосія Михайловна рассказывала про себя, что о. Макарій говорилъ ей: „ты помрешь монахиней, и похоронятъ тебя въ мужскомъ монастырѣ“,—и дѣйствительно, впоследствии бабушка моя, въ мо-

¹⁾ Письмо Завалишиной къ Н. Д. Лаврову—въ библ. каз. семинаріи. На основаніи этого письма написаны „Еще нѣкоторыя свѣдѣнія объ архим. Макаріѣ“ Е. Остромысленскаго (Стран. 1860, авг.). Ср. рассказъ Е. Ѳ. Непряхиной: „Случилось мнѣ видать батюшку въ разговорахъ съ другими, и вотъ бесѣда окончена, или тѣмъ нибудь прервана, батюшка отходитъ къ сторонѣ и, какъ видно, погружается въ глубину сердечную и небесную. Въ это время лицо его становится какъ-бы огненнымъ“ („Записки“, 14).

²⁾ Нѣкоторыя черты изъ жизни архим. Макарія 124, 125.

нашествіи Теофанія, похоронена въ мужскомъ монастырѣ въ 1854 г.“. „Покойный отецъ мой Иванъ Ивановичъ ходилъ къ о. Макарію на бесѣды. О. Макарій любилъ дѣтей, надѣлялъ ихъ книжками, заставлялъ читать, питалъ всѣхъ духовною пищею. „Быль я, рассказывалъ отецъ мой, отъ литургій съ купцами у о. Макарія. Онъ угощалъ насъ чаемъ. Долго не подають чаю. Я подумалъ про себя: „дома есть дѣло“. Въ ту же минуту о. Макарій приказалъ подать мнѣ чаю и сказалъ вслухъ: „ему некогда“. Я сконфузился и просилъ у него прощенія въ своей нетерпѣливости“ (29. 30). Но еще чаще случаи, когда о. Макаріи обличалъ дурныя мысли и чувства того или другого посѣтителя незамѣтно для прочихъ; и наставленія онъ дѣлалъ нуждающимся въ нихъ такъ, что присутствующіе не знали, къ кому именно относились они... „Бывало, свидѣтельствовалъ послѣ болховской гражданинъ К. Ф. Шестаковъ, приходилось мнѣ идти къ нему за какимъ нибудь совѣтомъ... и думаешь, какъ ему передать объ этомъ: у него бываетъ много посѣтителей, а я нуждаюсь (безъ стѣсненія отъ другихъ) получить отъ него совѣтъ и наставленіе. О. Макарій, по своей прозорливости, начинаетъ при мнѣ съ другимъ лицомъ говорить о томъ предметѣ, относительно котораго мнѣ нужно получить отъ него совѣтъ и наставленіе. А я слушаю и получаю совѣтъ и наставленіе, хотя онъ со мною и не занимался... и выхожу отъ него довольнымъ. Такъ и прочіе получали отъ него совѣты и наставленія. Удивлялись мы, какого Богъ послалъ намъ старца прозорливаго. Кто бы ни пришелъ изъ посѣтителей съ какою-либо нуждою, за совѣтомъ и наставленіемъ, всегда получалъ ихъ въ бесѣдѣ старца, даже не передавши ему объ этомъ“¹⁾.

Интересно при этомъ, что прозорливостью, по рассказамъ болховскихъ жителей, отличался и братъ архим. Макарія о. Алексій, жившій въ киево-печерской лаврѣ (ibid. 26, 27, 50). Видавшій его тамъ Г. Т. Мизко свидѣтельствовалъ, что онъ жилъ „въ великомъ убожествѣ и нестяжательности, приобретаемая смиреніемъ высокая, нищетою богатая. Это птица небесная, ищущая въ пустынѣ Бога, спасающаго отъ малодушія и бури, отложивши всякое житейское попеченіе о пространномъ питаніи тѣла. Это мужъ безмолвіе водящій, и прилежно подвигомъ священнослуженія подвизающійся, страждущій, терпящій, любящій, радующійся. Внѣшнимъ видомъ, рѣчью и нравомъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, во многомъ подобенъ покойному о. архим. Макарію“...

¹⁾ „Нѣкоторыя черты“... 12. См. также стр. 1—56, 124—129. Ср. Странникъ, 1860, янв., авг. 72—77.

V.

Учено-литературные труды архим. Макарія Глухарева.

Настоящая глава представляет перечень трудовъ архим. Макарія въ связи съ исторіей ихъ написанія и изданія въ свѣтъ. Расположенъ онъ въ хронологическомъ, насколько это оказалось возможнымъ, порядкѣ. Опущены только студенческія работы о. Макарія, хранящіяся въ библіотекѣ Московской дух. академіи, какъ написанныя на заданныя темы и притомъ еще не изученныя его биографами.

1. *Поминовеніе преосвящ. Іова, архіепископа Екатеринбургскаго*. Такъ озаглавленное нами произведеніе архим. Макарія ¹⁾ найдено нами среди бумагъ его въ библіотекѣ казанской дух. семинаріи и напечатано въ „Письмахъ архим. Макарія“ (Казань, 1805), на стр. 28—39. Написано оно въ Костромѣ между 28 марта 1823 г., днемъ смерти архіеп. Іова, и 15 янв. 1824 г., когда было послано въ Екатеринбургъ Гр. Т. Мизку при письмѣ съ этой датой, помѣщенной на первой страницѣ рукописи. Такъ какъ оно не закончено, то его нужно придвинуть ко второму хронологическому показанію, но нельзя не отмѣтить, что оно написано въ два срока, такъ какъ поправки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сдѣланы чернилами другого оттѣнка.—„Поминовеніе преосв. Іова“ изложено въ формѣ исповѣди автора, напоминающей по тону „Confessiones“ блаж. Августина, которыми о. Макарій усердно занимался еще въ Екатеринбургѣ и которыя затѣмъ переводилъ на русскій языкъ. Оно представляетъ потому богатый матеріалъ для исторіи личной жизни автора, его нравственнаго развитія съ первыхъ обнаруженій сознания и отношеній его какъ къ архіеп. Іову, такъ и къ духовнику его и своему—іеросхим. Ливерію,—отношеній, положившихъ глубокой отпечатокъ на самый характеръ его. Тѣ эпизоды столкновеній Макарія съ архіеп. Іовомъ, о которыхъ рассказываютъ вслѣдъ за свящ. Герболинскимъ ²⁾ его биографы, при свѣтѣ „Поминовенія“ получаютъ иное освѣщеніе. Получаетъ также безпристрастное освѣщеніе личность архіеп. Іова и скромнаго о. Ливерія.—Полагаемъ, что это „Поминовеніе“ и есть та исповѣдь или тѣ воспоминанія о жизни Макарія, начиная съ 10-тилѣтняго возраста, которыя онъ, по словамъ Д. Д. Филимонова ³⁾, написалъ для настоятеля глинской пустыни Филарета.

¹⁾ Въ оригиналѣ оно оставлено безъ заголовка, а назвали мы его такъ во вниманіе къ содержанію и заключительнымъ словамъ его: „Заключимъ сіе поминовеніе преосвященнѣйшаго Іова размышленіемъ“ и т. д.

²⁾ Странникъ, 1861, май.

³⁾ Матеріалы для біографіи архим. Макарія (М. 1892), 2, 12, 202.

2. *Нѣкоторыя черты жизни покойнаго преосвященнаго Іова, архієпископа екатеринославскаго, херсонскаго и таврическаго, собранныя и изложенныя директоромъ училищъ екатеринославской губерніи... Димитріємъ Мизко. Спб. 1826 г.* Еще раньше эта книжка была напечатана въ видѣ особой статьи въ Журналѣ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, издаваемаго комитетомъ онаго по ученой части, 1826 г., № VII (ч. XXXV). Въ Журналѣ въ примѣчаніи пояснено: „Покойный преосв. Іовъ удостоилъ въ 1817 г. принять званіе Члена Корреспондента Комитета по ученой части И. Ч. О. и въ послѣдствіи оказалъ сему сословію многіе опыты усердія и благорасположенія. Комитетъ, въ ознаменованіе своей признательности къ достопочтенному Архипастырю, желалъ, по кончинѣ его, послѣдовавшей въ 1823 г., напечатать въ издаваемомъ имъ Журналѣ его жизнеописаніе, и относился о доставленіи таковаго къ Г. Члену Корреспонденту Дѣйств. Ст. Сов. и кав. Д. Т. Мизко, знавшему близко преосвященнаго;—получивъ отъ него рукопись, содержащую въ себѣ черты покойнаго, онія здѣсь помѣщаемъ“¹⁾... Но въ дѣйствительности Димитрій Мизко, получивъ изъ Петербурга предложеніе, передалъ его брату Григорію, а тотъ переслалъ архим. Макарію въ Кострому. Присланное оттуда (слѣдовательно, не позднѣе декабря 1824 г.) жизнеописаніе архієп. Іова Гр. Мизко дополнилъ примѣчаніемъ о старцѣ Ливеріи и въ такомъ видѣ передалъ брату, а тотъ отослалъ въ Человѣколюбивое общество. А оно приписало это произведеніе самому Д. Мизко и съ его именемъ напечатало въ своемъ журналѣ и отдѣльной книжкой, но съ измѣненіемъ „не только относительно правописанія, но и въ самыхъ словахъ, составляющихъ оригинальность слога о. Макарія“. Раскрытію авторства послѣдняго мы обязаны Г. Т. Мизку. Самъ архим. Макарій узналъ о томъ, что жизнеописаніе архієп. Іова напечатано подъ именемъ Д. Мизка, чрезъ нѣсколько лѣтъ, но не обидѣлся. „Искренно увѣряю васъ, писалъ онъ въ 1834 г. Григорію Тимоѣевичу, что сіе обстоятельство не огорчаетъ меня; и я увѣренъ, что братецъ вашъ совсѣмъ не думалъ искать здѣсь какой нибудь чести и славы, и что такъ сдѣлалось безъ его намѣренія и хотѣнія, но не безъ воли же Божіей“. Отмѣтивъ неисправность корректуры, онъ закончилъ: „Но такъ тому и быть; я давно спокоенъ и съ сей стороны“. („Письма“, 46 и прим. 2).

Взявшись охарактеризовать преосв. Іова, архим. Макарій удачно справился съ своей задачей. Чисто біографическая, формулярная часть занимаетъ въ книжкѣ очень немного

¹⁾ За текстъ этого примѣчанія и за сличеніе статьи объ архієп. Іовѣ съ книжкой приносимъ глубокую благодарность С. А. Булгакову (Спб., Импер. Публичная Библіотека).

мѣста—именно столько, сколько нужно было для цѣли автора. Хотя біографія принимаетъ по мѣстамъ апологетическій характеръ, въ виду нападокъ на Іова съ разныхъ сторонъ и нѣкоторыхъ его странностей, тѣмъ не менѣе это не панегирикъ. Авторъ не обходитъ этихъ странностей и тѣхъ чертъ архіепископа, которыя не всякому казались симпатичными. Даже тамъ, гдѣ авторъ видимо оправдываетъ преосв. Іова, чувствуется желаніе не столько обълить его, сколько объяснить особенности его характера и поведения тѣмъ лицамъ, которыя не понимали архіепископа по малому знакомству съ нимъ или по недостаточному проникновенію въ его характеръ или въ его положеніе, какъ монаха и какъ архіерея, или, наконецъ, по незнанію исторіи и сущности монашескихъ подвиговъ¹⁾.

Что касается отношенія Жизнеописанія, которое авторъ называетъ на стр. 47—48 „воспоминаніемъ о преосв. Іовѣ“, къ „Поминовенію“, то на него можно смотрѣть, какъ на дальнѣйшую обработку послѣдняго. Нѣкоторыя мѣста изъ „Поминовенія“ попали почти въ буквальномъ видѣ и въ жизнеописаніе (ср. стр. 21—25, 35—39, 48—50 книжки съ стр. 32—34 и 37 „Писемъ“).

3. *Историческое описаніе глинской Богородской пустыни, состоящей курской епархіи и губерніи въ путивльскомъ уездѣ, составленное Николаемъ Самойловымъ... Спб. 1835.* Что и къ этому, вышедшему опять подъ чужимъ именемъ, труду былъ причастенъ архим. Макарій, видно изъ двухъ сохранившихся писемъ къ нему (отъ 6 сент. 1837 и 28 сент. 1838 г.) строителя пустыни іером. Филарета. „Извѣщаю васъ, писалъ онъ въ первомъ изъ нихъ, что трудъ вашъ описаніе пустыни нашей напечатанъ, стараніемъ Алекс. Сем. Анненкова“. Трудно, впрочемъ, опредѣлить степень авторства архим. Макарія въ виду рѣшительнаго заявленія въ предисловіи Н. Самойлова, что А. С. Анненковъ, курскій помѣщикъ, собравъ въ обители данныя о началѣ ея существованія и устройствѣ ея, обратился къ нему, Самойлову, съ просьбой составить историческое ея описаніе, что онъ и сдѣлалъ, получивши отъ начальника пустыни о. Филарета дополнительныя свѣдѣнія, причемъ удовлетворилъ желанію послѣдняго, „чтобъ описаніе сіе было болѣе въ духовномъ слогѣ“... „Описаніе“ доведено до послѣднихъ временъ, до управленія монастыремъ

¹⁾ Существуют и въ литературѣ отзывы объ архіеп. Іовѣ, отражающіе малое знакомство съ нимъ и потому слишкомъ строгіе. Таковъ отзывъ прот. *Герболинскаго* (Странникъ, 1861 май, — въ воспоминаніяхъ объ архим. Макаріи), *А. М. Фадѣева* (въ Воспоминаніяхъ—въ Русскомъ Архивѣ, 1891, I, 322, 323). Макаріевскаго пониманія Іова придерживался и *А. С. Стурдза* (Странникъ, 1860, т. 2, 118).

іером. Филарета и его заботь объ укрѣпленіи правъ и имущественномъ благосостояніи монастыря ¹⁾.

4. *Переводы твореній св. отцевъ*. Еще въ Кіевѣ архим. Макарій началъ переводить на русскій языкъ слова Θεодора Студита ²⁾. Въ глинской пустыни онъ продолжалъ ихъ, и началъ вновь переводить Бесѣды св. Григорія Двоеслова, Исповѣдь блаж. Августина и Лѣствицу преп. Іоанна. Объ этихъ работахъ зналъ и м. Филареть, который писалъ 28 марта 1829 г. о. Макарію: ... „до половины мая могу еще я въ Петербургѣ получить отъ васъ рукопись Іоанна Лѣствичника, если разсудите послать ее ко мнѣ для предложенія къ напечатанію. Желать бы я читать и переводъ Исповѣданія блаж. Августина, а до перевода Бесѣдъ св. Григорія Великаго чувствую такую жадность, что хотѣлъ бы получать оныя по частямъ, по мѣрѣ, какъ отдѣляется. Что принадлежитъ до встрѣченнаго въ семь переводѣ затрудненія, мое мнѣніе: переводить вѣрно все, и отложить до разсужденія цензуры, нужно ли къ какому мѣсту примѣчаніе или что другое“ ³⁾. Но послѣдовавшій вскорѣ послѣ того переѣздъ архим. Макарія въ Сибирь помѣшалъ закончить переводы и хотя къ нимъ онъ послѣ возвращался не разъ, напечатать ихъ ему при жизни не удалось. — Бесѣды папы Григорія онъ прислалъ м. Филарету изъ Тобольска ⁴⁾. Въ 1847 г. онѣ представлены были о. Макаріемъ въ цензуру ⁵⁾, но какая судьба постигла ихъ — неизвѣстно. Надъ Лѣствицей преп. Іоанна архим. Макарій работалъ въ Тобольскѣ, въ ожиданіи открытія миссіи, и на Алтаѣ. Чрезъ десять лѣтъ послѣ оставленія имъ глинской пустыни онъ окончилъ свой трудъ, о чемъ и писалъ ея строителю іером. Филарету, какъ это видно изъ отвѣтнаго письма послѣдняго отъ 28 сент. 1838 г.: „Я радъ, что вамъ Господь помогъ св. Іоанна Лѣствичника перевести, и исправить безъ погрѣшностей, сходственно съ переводомъ старца Паисія молдованскаго. Когда бы печати предали, то благо было бы и на пользу общую нуждающимся спасенія и устроенія духовнаго“ ⁶⁾. Хотя архим. Макарій въ томъ же году отправилъ свой переводъ съ примѣчаніями,

¹⁾ Интересно, что самъ о. Макарій по нуждамъ обители ѣздилъ въ Москву и хлопоталъ предъ м. Филаретомъ (Письма м. Филарета, 109, 110).

²⁾ „Письма архим. Макарія“, стр. 346, — письмо къ архіеп. Антонію воронежскому.

³⁾ Письма м. Филарета, 108, 109.

⁴⁾ 22 іюля 1830 г. м. Филареть писалъ архим. Макарію: „За книгу св. Григорія много благодарю. Вы хорошо дѣлаете, что не заботитесь о напечатаніи, а мнѣ хочется прежде просмотрѣть ее съ подлинникомъ. Но уповаю, что вашъ трудъ не будетъ тощъ предъ Господомъ (113—114).

⁵⁾ Письмо къ архим. Макарію Д. И. Попова.

⁶⁾ Оригиналъ казанской д. семинаріи.

взятыми изъ французскаго перевода Арнольда, въ св. синодѣ съ просьбой о разсмотрѣнїи и напечатанїи („Письма“ ..., № 76),— все таки Лѣствица при жизни о. Макарія издана не была. Въ 1851 г. свещ. Н. Д. Лавровъ прислалъ Непряхиной Лѣствицу напечатанную въ русскомъ переводѣ ¹⁾, но не видно, въ Макаріевскомъ ли. Изъ ея писемъ знаемъ, что трудъ о. Макарія послѣ его смерти попалъ къ А. П. Жедринской. Дальнѣйшая судьба его перевода раскрывается въ письмахъ другого Макарія, подвижника оптина-козельскаго монастыря. 20 февр. 1850 г. онъ писалъ кому-то о работахъ ученой братїи монастыря: „Книгу св. Іоанна Лѣстничника мы теперь пересматриваемъ въ переводѣ о. Макарія, бывшаго болховскаго архимандрита, съ Паисіевскою, дошли до половины 15-й степени; а что мы съ тобою просмотрѣли, то надобно вновь пересмотрѣть: мы теперь держимся, какъ можно ближе, старца Паисія и уже не чистимъ, а просто карандашемъ зачерняемъ и пишемъ“... Въ томъ же году онъ сообщилъ: „Не имѣю времени самъ заняться и прочитанїемъ книги св. Іоанна Лѣстничника, Макаріева перевода. Теперь Лѣствицу прочли, но не всю; начало и конецъ еще не прочтены, а только одна Лѣствица. 30 степеней, которую Н. А. переписываетъ, а ту ²⁾ неудобно было исправить, очень много было перемѣнъ, соображаясь съ переводомъ старца Паисія. Мы прежде было чистили кое-что, такъ какъ и съ тобою дѣлали, но послѣ всего вновь перечитали и карандашемъ, гдѣ марали, гдѣ писали. По перепискѣ карандашъ можетъ вычиститься и книга останется такъ, какъ была у о. Макарія, кромѣ первыхъ степеней, которыя почищены. Но у насъ еще родилась мысль: такъ какъ печатная Лѣствица ³⁾ имѣетъ слогъ литературный, весьма прїятный и полуславянскій, къ которому наши слухи привыкли и сроднились, но только нѣтъ правильности въ переводѣ ни съ Паисіевою, ни съ Макаріевою, ни съ Игнатіевою, ни со старинною ⁴⁾: то мы хотимъ, соображаясь съ правильными переводами, исправить смыслъ тѣмъ же слогомъ, какимъ она и напечатана. Намъ не для изданія, но для себя“... ⁵⁾—Изъ „Писемъ“ архим. Ма-

¹⁾ Письмо Непряхиной къ С. Вальмонъ отъ 1 янв. 1852 г.

²⁾ Очевидно, Макаріевскую.

³⁾ 1785 или 1823 г.

⁴⁾ Извѣстно, что Лѣствица впервые издана пославянски въ 1647 г.

⁵⁾ Письма Макарія оптинскаго къ монашествующимъ (М. 1860), №№ 198, 200: Эти показанія тѣмъ болѣе цѣнны, что въ очеркѣ литературной дѣятельности оптинской козельской пустыни въ срединѣ XIX в. и въ частности ея изданій св.-отеческихъ твореній имя Макарія Глухарева не упоминается. См. напр. „Козельская Оптина пустынь и ея значеніе въ исторїи русскаго монашества“ въ Чтенїяхъ общества любителей дух. просвѣщенія, 1893, отд. I, 2-е полугодіе, 425 и сл.

карія Глухарева видно также, что онъ въ Сибири продолжалъ заниматься и словами Θεодора Студита и съ ними, равно какъ съ Исповѣдью блаж. Августина, не разставался и въ своей поѣздкѣ въ Петербургъ въ 1839 — 40 гг. (№ 177 и стр. 399). Переводъ словъ Θεодора Студита, посланный оттуда архіеп. Антонію воронежскому, хранится нынѣ въ библиотекѣ московской дух. академіи. Изъ письма же къ о. Макарію прот. Ландышева отъ 10 янв. 1847 г. видно, что на Алтаѣ не было переводовъ ни Лѣствицы, ни Исповѣди: очевидно, до того времени они не были еще завершены ¹⁾.

5. *Лента*. Подъ такимъ названіемъ архим. Макаріемъ изданъ въ 1846 г. сборникъ его 17 религіозно-нравственныхъ стихотвореній, псалмъ и кантовъ, изъ которыхъ нѣкоторыя получили музыкальное употребленіе. Какъ мы видѣли, пять изъ нихъ были составлены въ глинской пустыни, а одно („Ураль“) — по пути въ Сибирь. Въ Тобольскѣ о. Макарій сочинилъ „Пѣснь благодаренія“ ²⁾. Почти всѣ остальные написаны имъ на Алтаѣ. Изъ писемъ архим. Макарія открываются поводы, по которымъ составлены нѣкоторыя изъ нихъ. Такъ „Плачь Богородицы“ „сложенъ“ по подражанію „извѣстной страстной пѣсни западныхъ христіанъ: Stabat Mater dolorosa“. „Пѣснь покаянная“ написана для казачекъ Сандыпскаго форпоста, которыя „надоѣли (о. Макарію) своими (мірскими) пѣснями на сырной недѣлѣ“ и которыя, дѣйствительно, замѣнили ею послѣднія, хотя голосъ къ ней онъ не сразу „успѣли прибрать“ (44, 241) ³⁾. Узнавъ о смерти жены своего знакомаго, С. Д. Нечаева (оберъ-прокурора св. синода), архим. Макарій „по приглашенію чувства душевнаго“ написалъ „Стихи на поминовеніе одной госпожи, въ утѣшеніе супруга и чадъ ея“, каковыя и послалъ ему чрезъ Г. Т. Мизка ⁴⁾. Вообще онъ охотно дѣлился плодами своего поэтическаго творчества, разсылая ихъ или для утѣшенія друзей, или для выраженія благодарности. Такъ, къ письму своему къ м. Филарету отъ 23 марта 1834 г. онъ приложилъ Псалму: Плачь Богородицы, написавъ: „Благороднымъ господамъ, участвовавшимъ въ составѣ милостыни для нашихъ новокрещенныхъ, приношу въ знакъ благодарности“... Ту же псалму онъ послалъ 1 іюня чрезъ Г. Т. Мизка вдовѣ б. своего сослуживца по екатеринославской семинаріи К. В. Понизовской, причемъ

¹⁾ Впрочемъ, какъ видно изъ одного письма Непряхиной отъ 1851 г., въ миссіи не осталось ни одного и изъ библейскихъ переводовъ о. Макарія, такъ что она должна была дѣлиться съ миссіей своими экземплярами.

²⁾ Записки *Е. Ѳ. Непряхиной*, стр. 8.

³⁾ Ср. Записки архим. Макарія подъ 31 марта 1831 г.

⁴⁾ „Письма“, стр. 56—58. Въ Лентѣ стихи эти озаглавлены: „Пѣснь надгробная въ утѣшеніе одного благороднаго семейства, лишившагося матери, жившей и скончавшейся въ Господѣ“.

добавилъ, что и самъ поетъ ее по временамъ („Письма“, 144, 145; 44). Черезъ Мизка же въ 1837 г. онъ послалъ его племянницѣ Надеждѣ Дмитріевнѣ переложеніе псалма ^{28/29} съ нотами, „которыя показываютъ, какъ онъ распѣвалъ его въ своихъ прогулкахъ и путешествіяхъ по службѣ“. Самой же ей о. Макарій писалъ: „Ноты соотвѣтствуютъ еврейскому тексту, который написанъ подъ ними съ переводомъ россійскимъ. Мнѣ ихъ разыгрывалъ въ Барнаулѣ на фортепiano одинъ молодой офицеръ, но такъ случилось, что онъ не имѣлъ времени поправить мои ноты, дать имъ установленный законами музыки видъ и положить на бумагу аккорды“. Поэтому о. Макарій просилъ Н. Д. Мизко дать „приличное образованіе и украшеніе... звукамъ, какіе приискалъ онъ въ душѣ своей для высокой пѣсни пророка“ (59, 70). Хотя этотъ псаломъ не вошелъ въ составъ Лепты, но касающіяся его мѣста писемъ о. Макарія показываютъ, что онъ трудился не только надъ текстомъ своихъ стихотвореній, но и надъ переложеніемъ ихъ на ноты, хотя по недостатку музыкальнаго образованія могъ дать имъ только мелодію, а о гармонизаціи просилъ другихъ. При передѣлкахъ народныхъ псалмъ онъ пользовался готовой уже мелодіей; вѣроятно, и „Плачу Богородицы“ придана была музыка *Stabat Mater dolorosa*.

Въ началѣ 40-хъ годовъ архим. Макарій, собравъ свои „стихи христіанскаго содержанія“ представилъ ихъ м. Филарету въ видѣ небольшой книжки, названной „Лепта“, съ такимъ посвященіемъ: „Высокопреосвященнѣйшему Филарету митрополиту московскому и всеѣмъ живущимъ въ царственномъ градѣ Москвѣ и постоянно благоговѣющимъ церковной Алтайской миссіи благоговѣннѣйшее привошеніе“. При этомъ онъ выразилъ желаніе, чтобы изданіе этихъ стиховъ съ нотами нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ въ этотъ разъ, такъ и впредь, было производимо въ пользу бѣдныхъ новокрещенъ алтайской миссіи и всегда было бы собственностію ея. На изданіи онъ не желалъ обозначать свое имя. Но не получивъ отвѣта отъ Филарета, о. Макарій въ началѣ 1842 г. просилъ свящ. Н. Д. Лаврова „искусно, — тихо и смиренно освѣдниться“ о томъ, какъ святитель принялъ это предложеніе. О. Макарій готовъ былъ совсѣмъ не упоминать на книжкѣ имени м. Филарета, а просто написать: „Лепта въ пользу алтайской церковной миссіи“. Самого о. Лаврова онъ просилъ быть издателемъ книжки („Письма“, № 243). Напечатана она была въ Москвѣ въ 1846 г. ¹⁾, въ типографіи, какъ кажется, Авг. Семена. Выходъ ея въ свѣтъ совпалъ съ пребываніемъ въ Москвѣ самого автора. Экземпляры ея были раздаваемы и рассылаемы самимъ имъ, а также о. Лавро-

¹⁾ Биографы о. Макарія называютъ 1847 г., когда въ дѣйствительности вышло 2-ое изданіе.

вымъ и Д. И. Поповымъ (у которыхъ былъ складъ изданія) разнымъ лицамъ по указанію о. Макарія. Въ бумагахъ послѣдняго сохранилось десятка два благодарственныхъ писемъ, начиная съ 4 ноября 1846 г. по 29 апр. 1847 г., изъ разныхъ мѣстъ—изъ Орла, Москвы, Костромы, Екатеринослава, Тобольска. Въ началѣ 1847 г. явилась нужда во второмъ изданіи. 4 марта Д. И. Поповъ писалъ о. Макарію: „Второе изданіе *Ленты* требуетъ по уставу цензурнаго комитета *разсмотрѣнія вновь*, безъ чего печатать ни въ одной типографіи не стануть. Почему не угодно ли вамъ будетъ въ самой Лентѣ сдѣлать измѣненіе, какъ часто печатается при издаваемыхъ вторично книгахъ: *вновь исправлена, разсмотрѣна и умножена*. Все это предоставляется вашему благоусмотрѣнію“. 3 мая архим. Макарій напомнилъ о. Лаврову, что Лента и теперь продаваться не будетъ, почему при печатаніи и цѣны обозначать не должно и объявлять о ней не слѣдуетъ въ журналахъ и газетахъ (475). Второе изданіе вышло въ 1847 г. Стихотворенія архим. Макарія, отличающіяся силой, глубиной и искренностью религіознаго чувства, нашли главный спросъ на Алтай. Дѣятели миссіи, проектируя въ началѣ 70-хъ годовъ учрежденіе собственной типографіи, хотѣли прежде всего перепечатать Ленту, но о. Н. Лавровъ нужду въ ней удовлетворилъ изъ готоваго запаса, пославъ туда 100 экз. „Ленты сто экземпляровъ,—выписать онъ началнику миссіи архим. Владиміру,—уже получили вѣрно, и стало быть ей не придется быть *первымъ* дѣломъ Алтайской типографіи. Какъ видите, она напечатана давно, но лежала очень долго въ складѣ типографіи въ ожиданіи нотъ, которыхъ мѣдныя доски никакъ, за давностію, не могъ отыскать, а потомъ очень долго лежали книжки у переплетчика, у котораго четвертую часть (150) я взялъ, а остальныхъ доселѣ не присылалъ, взявъ двойную цѣну за брошюровку и съ меня, и съ типографіи, которой я по счету заплатилъ. Ленты пришлю еще (Письмо отъ 21 марта 1873 г.)¹⁾. Трудно однако понять, о какомъ изданіи Ленты здѣсь идетъ рѣчь — о 2-мъ ли 1847 г. или о 3-мъ, тоже неизвѣстномъ библіографамъ. Повидимому — о третьемъ... Слѣдующія два изданія были выпущены безъ нотъ. Изданіе 1890 г., названное 4-мъ (на самомъ дѣлѣ 6 или 5-ое), снабжено цифирными нотами съ гармонизаціей на четыре голоса, причемъ для нѣкоторыхъ пѣснопѣній—по мелодіямъ позднѣйшаго времени. Въ это изданіе включена „Пѣснь о преп. Алексѣѣ“. Были и позднѣйшія изданія²⁾. Издавались также

¹⁾ Изъ письма же отъ 27 сент. 1872 г. видно, что тогда было послано на Алтай 60 экз.

²⁾ Перечислить всѣ изданія Ленты затруднительно, такъ какъ не всѣ они имѣются даже въ Императорской публичной библіотекѣ и даже въ Алтайской миссіи.

отдѣльно нѣкоторыя пѣснопѣнія съ музыкой композитора Малашкина.—Цѣнятся они любителями духовной музыки не только на Алтаѣ.

6. *Пѣснь о преп. Алексѣѣ, челоуѣкѣ Божіемъ* составлена была архим. Макаріемъ въ концѣ 1846 г. по возвращеніи съ Алтая, а ноты для нея съ его голоса написаны капельмейстеромъ Дробишемъ. Изъ переписки о Макаріи видно, что въ февралѣ—мартѣ 1847 г. это новое произведеніе его находилось на разсмотрѣніи м. Филарета, который, не имѣя времени для того, „велѣлъ ожидать“. 3 мая архим. Макарій завіщалъ о. Лаврову, если пѣснь о преп. Алексѣѣ будетъ напечатана, то на сорочкѣ ея обозначить, что она—въ пользу алтайской миссіи, но въ продажу не пускать. („Письма“, 475). Изданіе оказалось посмертнымъ...

7. *Молитвы*. Восторженно-религіозное настроеніе души о. Макарія часто выражалось въ молитвахъ, которыя изливались изъ глубины его существа и разсыяны въ разныхъ его сочиненіяхъ. Одна изъ нихъ напечатана отдѣльно—въ „Душев. чтеніи“, 1863, II, 327—328.

8. *Записки объ обращеніи сибирскихъ инородцевъ къ христіанской вѣрѣ*.—Вести записки о миссіонерскихъ дѣйствіяхъ архим. Макарія обязывала инструкція архіеп. Евгенія, требовавшая притомъ, чтобы журналъ представлялся ему каждые три мѣсяца. Онъ такъ и дѣлалъ: велѣ записки въ формѣ дневника (почему онѣ иногда называются „Дневными записками“) и посылалъ ихъ въ Тобольскъ каждую четверть года. За первые четыре мѣсяца своей дѣятельности онъ послалъ такой отчетъ 30 дек. 1830 г. Преосв. Евгений 22 янв. рапортовалъ въ св. синодъ о желательности напечатанія его, но синодъ 5 сент. отвѣтилъ отказомъ. Но послѣ взгляды св. синода измѣнились, быть можетъ подъ вліяніемъ м. Филарета, который получалъ, повидимому, записки отъ самого о. Макарія и дѣлился ими съ С. Д. Нечаевымъ, съ А. Н. Муравьевымъ и др. Съ 1833 г. онѣ стали печататься въ „Христіанскомъ чтеніи“ въ видѣ „Отрывковъ изъ путевыхъ записокъ миссіонера А. М—ія“. Записки за 1830 г. (3 авг.—дек.) напечатаны во 2 и 4 частяхъ журнала за 1833 г., за 1831 г.—въ 1, 3 и 4 ч. за 1836 г., за 1832 г.—во 2 ч. за 1837 г. и за 1833 г.—въ ч. 3 за 1838 г. Впрочемъ, записки за 1833 г. изложены весьма кратко. Въмѣсто описанія поѣздки на Телецкое озеро дѣлается только ссылка на представленное начальству описаніе. Въ связи съ событіями 1833 г. упомянуты происшествія 1836 г.—смерть крещенныхъ въ 1833 г. Тихона и Исидора. „Записки“ архим. Макарія доведены только до 1834 г. Новый—томскій—преосвященный освободилъ его отъ представленія подробныхъ записей. 27 ноября 1834 г. въ отвѣтъ на рапортъ архим. Макарія о состояніи миссіи ¹⁾ онъ

¹⁾ Напечатанъ въ „Письмахъ“, № 68.

написалъ: „Требовать отъ васъ на бумагахъ болѣе подробныхъ о миссіи свѣдѣній, мнѣ не нужныхъ, а равно увѣдомлять о другихъ обстоятельствахъ, побуждающихъ меня симъ приглашать васъ къ личному со мной свиданію, въ непродолжительномъ времени, если можно, по многимъ хлопотамъ при новости всего не нахожу досуга и удобства“¹⁾.

Новое, еще болѣе сокращенное, изданіе миссіонерскихъ записокъ о. Макарія сдѣлано А. С. Стурдзой въ „Памятникахъ трудовъ православныхъ благовѣстниковъ русскихъ съ 1793 до 1853 г.“ (М. 1857), стр. 87—167, подъ видомъ „Извлеченій изъ путевыхъ записокъ миссіонера, архим. Макарія“. Въ 1897 г. въ составъ „Сборника историческихъ матеріаловъ о жизни и дѣятельности настоятеля болховскаго троицкаго оптина монастыря, о. архим. Макарія Глухарева“, изданнаго Орловской ученой архивной комиссіей, вошли и „Записки находящагося въ бійскомъ округѣ для обращенія иновѣрцевъ ко Христу архим. Макарія и братій его“, но, къ сожалѣнію, только начало ихъ (по 31 марта 1831 г.) и притомъ издано оно довольно неаккуратно. Между тѣмъ записки имѣютъ значеніе не только историческое. По нимъ можно прослѣдить не только весь ходъ миссіонерской дѣятельности архим. Макарія на Алтаѣ до 1834 г., но и выяснитъ, какіе вообще приемы и способы воздѣйствія на иновѣрцевъ могутъ имѣть мѣсто и могутъ быть оправданы прошлымъ миссіей вообще и алтайской въ частности. Точность и обстоятельность, съ какими архим. Макарій говоритъ обо всѣхъ сторонахъ своей дѣятельности, и безпристрастіе и искренность, не позволявшія ему скрывать собственные промахи и упущенія, дѣлаютъ его „Записки“ весьма далекими отъ официальныхъ отчетовъ и увеличиваютъ ихъ цѣнность. Нечего и говорить, что онѣ представляютъ богатый автобіографическій матеріалъ. Тѣмъ настоятельнѣе необходимость въ полномъ исправномъ изданіи ихъ. Мы знаемъ, что такое изданіе едва не осуществилось въ 1864 г., когда приготовленная къ печати рукопись прошла уже чрезъ цензуру. Въ настоящее время она находится въ рукахъ доцента казанской дух. академіи о. архим. Иннокентія (Ястребова) и имъ готовится къ печати. Насколько много въ ней новаго, можно судить по тому, что въ изданіи Стурдзы, еели ее съ нимъ сравнитъ, не попало около 30 писчихъ листовъ ея. Что же касается ея точности и близости къ оригиналу, то предъ переписчикомъ рукописи были: для

¹⁾ Интересно, что донесеніе архим. Макарія произвело въ душѣ еп. Агапита „нѣкое особенное чувство“: „Съ одной стороны подѣйствовала на меня давняя извѣстность мнѣ вашего лица и отчасти положенія послѣ академическихъ трудовъ, съ другой—настоящій подвигъ всепрямъ апостольскій, примѣрный, вождельный для всякаго пастыря, для всей Христовой церкви“ („Том. епарх. вѣд.“, 1895, № 20. „Церк. вѣд.“, 1896, № 2).

1830 г. печатный текст „Христіанскаго чтенія“, для 1831—1833 г. десять тетрадей рукописныхъ, изъ которыхъ три писаны рукой сотрудника Макаріева Алексія Волкова и только имъ исправлены, а остальные—писаны его рукой...

9. Мысли о способахъ къ успѣшнѣйшему распространенію христіанской вѣры между евреями, магометанами и язычниками въ російской державѣ. Въ главѣ II-ой выясненъ генезисъ этого произведенія о. Макарія,—какъ оно зародилось и когда написано. Здѣсь излагается его содержаніе по отдѣльному печатному изданію его ¹⁾).

Въ своихъ „Мысляхъ“ архим. Макарій исходитъ изъ убѣжденія, что „поелику христіанская церковь въ Россіи есть церковь апостольская,—то и надъ нею всегда гремитъ сіе слово Спасителя: *Идите, научите все народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, уча ихъ соблюдать все, что Я заповѣдалъ вамъ...* то на сіе повелѣніе и она отвѣтствуетъ Господу І. Христу словами въ молитвѣ Его: *Отче нашъ, уже еси на небесахъ! Да святится имя Твое, да прійдетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли!* Поелику христіанская церковь въ Россіи есть церковь апостольская, то содѣлаться и явиться таковою для толкихъ народовъ, не знающихъ І. Христа, но покоренныхъ державѣ російской Вседержителемъ І. Христомъ, есть священнѣйшій подвигъ и вѣнецъ чести, который ей принадлежитъ; просвѣтитъ сіи народы, сѣдѣющіе во тьмѣ и тѣни смерти, вѣрою во І. Христа, есть высокое назначеніе народа російскаго“ (стр. 6)... Число этихъ народовъ очень велико, и „линіи миссій надлежитъ протянуть по всей Литвѣ, Польшѣ, гдѣ такъ много евреевъ; по всему Таврическому полуострову, по Кавказскимъ горамъ, по сопредѣльности новыхъ въ Азіи владѣній російскихъ съ Турціею и Персіею, по епархіямъ: Астраханской, Саратовской, для калмыковъ вѣрованія ламскаго; по епархіямъ: Тамбовской, Нижегородской, Симбирской, Оренбургской, Казанской, Вятской, ради татаръ магометанскаго суевѣрія, мордвы, черемиссовъ, чувашей; по Архангельской епархіи, по всему пространству сѣверной Сибири и по русскимъ владѣніямъ въ Америкѣ для обращенія ко Христу и просвѣщенія самоѣдовъ, вогуличей, остяковъ, тунгусовъ, якутовъ, камчадаловъ; по внутренности и по южнымъ предѣламъ епархій: Тобольской, Томской, Иркутской, для дѣйствованія опять между татарами разныхъ племенъ и суевѣрій, и кромѣ ихъ между киргизами и бурятами“ (стр. 89). Идея миссіонерскаго служенія этимъ много-

¹⁾ „Мысли“ эти впервые изданы редакціей „Православнаго благовѣстника“ въ 1893—4 гг. (и въ 1894 г.—отдѣльно) по списку В. А. Арсеньева, сдѣланному имъ въ Волковѣ съ рукописи, полученной отъ самого о. Макарія. Еще раньше въ журналѣ „Миссіонеръ“ за 1874—8 гг. онъ были напечатаны въ извлеченіяхъ и по другому списку.

численнымъ инородцамъ должна проникать всю русскую церковь, всё ея сословія и состоянія,—весь русский народъ и долженъ и можетъ дать дѣятелей для миссіонерской нивы (12—15, 27—30). Но, понятно, что предварительно нужно, чтобы самъ онъ, во всей своей массѣ, былъ просвѣщенъ свѣтомъ христіанства: только тогда онъ выдѣлитъ изъ себя достаточное число ревностныхъ и свѣдущихъ проповѣдниковъ. Для этого же надобно, чтобы, во 1-хъ, онъ могъ читать всю Библию на родномъ языкѣ въ переводѣ съ оригинальныхъ (3—8), во 2, въ каждомъ селѣ и въ каждой деревнѣ были заведены школы, доступны всему населенію Россіи и открытыя въ частности для женской половины его (8—10) ¹⁾ и въ 3, чтобы въ каждой деревнѣ, даже изъ десяти семействъ состоящей, была церковь съ причтомъ, учащимъ народъ и въ храмѣ и въ школѣ (10—12). Только тогда можно будетъ думать о правильной организаціи миссіонерскаго дѣла и о созданіи: А) особаго „Россійскаго Миссіонерскаго Общества“, В) Образовательныхъ заведеній въ пользу церковныхъ миссій—мужского и женскаго и В) Сословія самихъ миссіонеровъ, состоящаго изъ монашествующихъ обоеихъ половъ и „миссіонеровъ, избравшихъ для себя путь супружескаго состоянія“ (12—15).

Дѣятельность Миссіонерскаго общества выразится: въ управленіи миссіонерскимъ дѣломъ во всей Россіи, въ изданіи миссіонерскаго журнала („Вѣстника Россійской церкви“), въ изданіи Библии на русскомъ и славянскомъ языкахъ, Новаго Завѣта и нѣкоторыхъ ветхозавѣтныхъ книгъ на инородческихъ языкахъ, Корана на арабскомъ языкѣ съ обличительными примѣчаніями, Корана съ текстомъ ветхозавѣтныхъ повѣствованій, предсказаній о Мессіи, избранныхъ псалмовъ и всего Новаго Завѣта, полемическихъ и апологетическихъ сочиненій, въ снаряженіи экскурсій своихъ сочленовъ по Россіи и за границей для ознакомленія съ положеніемъ миссіонерскаго дѣла въ разныхъ мѣстахъ (15—27). Но самымъ важнымъ и постояннымъ дѣломъ Россійскаго Миссіонерскаго Общества было бы попеченіе объ устроеніи и благосостояніи образовательныхъ миссіонерскихъ заведеній и самыхъ миссій церковныхъ. Такими заведеніями могли бы служить общежительные монастыри, мужской и женскій. Мужской монастырь составляли бы иноки, мірскіе христіане всѣхъ возрастовъ и состояній, но въ особенности воспитанники духовныхъ школъ, избранные и расположенные къ миссіонерской

¹⁾ О повсемѣстномъ и всеобщемъ обученіи архим. Макарій думалъ и раньше, какъ видно изъ письма къ нему м. Филарета отъ 23 авг. 1837 г. „О заведеніи училищъ по деревнямъ, не думайте, чтобы здѣсь не думали. Но легче подать мысль, нежели исполнить. У меня многіе священники, по приглашенію моему, вызвались безмездно обучать крестьянскихъ дѣтей; но дѣтей сихъ нельзя гнать къ нимъ насильно“ (125).

службѣ. Въ женскую миссіонерскую общину вошли бы: монахини и находящіяся въ искусствѣ подвижницы изъ женскихъ монастырей, всякихъ лѣтъ дѣвицы и вдовы мірскія и особенно дѣвицы и вдовы церковническаго состоянія (27—32). Не вдаваясь въ подробности устройства образовательныхъ миссіонерскихъ монастырей, архим. Макарій желалъ бы, чтобы въ нихъ воплотился тотъ духъ единоначалія, послушанія, порядка, единодушія и трудолюбія, какой царствуетъ въ обществѣ пчелъ (32—35)..

При обѣихъ монастыряхъ, лучшее мѣсто для которыхъ— близъ Казани, должны быть устроены миссіонерскіе институты, стоящіе въ самой живой и тѣсной связи съ ними. Цѣль институтовъ—приготовление путемъ изученія науки и воспитанія проповѣдниковъ Христовой истины. Изъ учебныхъ предметовъ первое мѣсто должно занять Свящ. писаніе, а затѣмъ богословскія науки; должны быть изучены потомъ и свѣтскія науки, особенно трактующія о челоѣкѣ и природѣ, а также искусства—музыка, живопись. Курсъ ученія имѣеть продолжаться 12 лѣтъ и вся жизнь воспитанниковъ должна сообразоваться съ ихъ будущимъ служеніемъ (35—84).

Представивъ способы дѣйствія обучившихся въ институтахъ миссіонеровъ на примѣръ алтайской миссіи (84—98), архим. Макарій изображалъ подготовку къ миссіонерской дѣятельности женщинъ и самую ихъ дѣятельность—въ состояніи супружескомъ и монашескомъ и въ званіи діаконовъ (99—122). Въ заключеніе онъ указываетъ, откуда взять средствъ на заведеніе и поддержку миссіонерскихъ учреждений (членскіе взносы, пособія отъ казны, помощь отъ иностранныхъ миссіонерскихъ учреждений, доходы отъ изданія своего журнала и разныхъ книгъ) и профессоровъ для институтовъ (изъ академіи духовныхъ и медико-хирургической, изъ университетовъ и изъ женскихъ монастырей), а также иконъ для миссіонерскихъ церквей (122—131).

Проектъ архим. Макарія въ 1839 г. былъ отвергнутъ весь, цѣликомъ. Но его оправдала исторія. Нѣкоторыя изъ его предположеній были осуществлены чрезъ нѣкоторое время или дали поводъ къ тѣмъ или другимъ мѣропріятіямъ. Такъ, въ 1865 г. было открыто Миссіонерское общество, которое обзавелось въ 1874 г. своимъ органомъ („Миссіонеръ“—по 1879 г.; съ 1892 г. и по настоящее время — „Православный благовѣстникъ“). Нельзя также не видѣть косвеннаго вліянія идей о. Макарія о миссіонерскомъ институтѣ въ учрежденіи при Казанской духовной академіи миссіонерскихъ отдѣленій (1854) и двухгодичныхъ миссіонерскихъ курсовъ (1889 г.)¹⁾.

¹⁾ Историческая оцѣнка идей архим. Макарія—въ статьѣ И. И. Ястребова: „Вопросъ объ устройствѣ и организаціи образовательныхъ заведеній для приготовленія православныхъ благовѣстниковъ (миссіонеровъ)“. (Прав. благовѣстникъ, 1894, III и 1895, I и II).

10. *Переводы ветхозаветныхъ книгъ съ еврейскаго языка на русскій.* Мысль о необходимости перевода Библии на русскій языкъ у архим. Макарія могла зародиться еще въ періодъ его студенчества, когда петербургская академія и ея ректоръ Филаретъ (Дроздовъ) работали надъ этимъ дѣломъ по порученію библейскаго общества. Затѣмъ въ Екатеринославѣ она могла окрѣпнуть подъ вліяніемъ ревностнаго члена этого общества архіеп. Іова. На Алтай эта мысль усилилась доводами чисто-миссіонерскаго характера и нашла впервые выраженіе въ посланіи къ м. Филарету отъ 23 марта 1834 г. („Письма“, № 63). Но самъ архим. Макарій рѣшилъ лично заняться переводомъ Библии не скоро. Не думалъ онъ о переводѣ и въ слѣдующемъ году, когда явился даже поводъ къ тому. Вотъ что писалъ онъ 29 марта 1835 г. Г. Т. Мизку. Указавъ на свои немощи, напоминая о смерти, архим. Макарій продолжалъ: „и при всемъ томъ, представьте себѣ, я собираюсь еще приступить къ изученію Еврейской Библии. Охота открылась недавно въ прикосновеніи по службѣ къ некрещеннымъ евреямъ; и хотя я не надѣюсь уже прочитать всѣ книги В. Завета на еврейскомъ языкѣ до смерти, однако думаю, что Господь, не оставившій тщетными усилій моихъ въ знакомствѣ съ безграмотными нарѣчіями полудикихъ племенъ, даруетъ нѣкій плодъ въ возобновеніи занятій, начавшихся въ семинаріи и продолжавшихся въ академіи, впрочемъ давно уже, къ чувствительнѣйшему раскаянію моему, пресѣченныхъ“¹⁾. Взятся же о. Макарій за переводъ спустя два года и совершенно случайно. „Весною нынѣшняго года, писалъ онъ тому же Г. Т. Мизку 25 іюля 1837 г., претерпѣвалъ я сильныя искушенія отъ унынія и тоски; и думаю, что само Провидѣніе Божіе, милосердно пекущееся и о такомъ грѣшномъ червѣ, какъ я, навело меня на одно занятіе, въ которомъ душа моя находила утѣшеніе и подкрѣпленіе. Это переводъ книги Іова съ еврейскаго языка на русскій. Началось дѣло на пасхальной недѣлѣ, и въ полночь наканунѣ дня Іова праведнаго, при помощи Божіей кончено. Съ пріятнѣйшимъ чувствомъ... приношу вамъ, незабвенный мой благодѣтель, плодъ трудовъ моихъ“ („Письма“, 59)²⁾...

Въ 1837 г. (6 авг.) онъ послалъ первый опытъ этихъ тру-

¹⁾ „Письма“, 50, 51. Нѣчто подобное рассказывается въ воспоминаніяхъ С. В. Ландышева объ архим. Макаріѣ, очевидно со словъ послѣдняго (Миссіонеръ, 1877, 28—29). Но заключеніе П. В. Птохова, что „съ этого и начался переводческій трудъ о. Макарія“ (о. с., 134), не имѣетъ предпосылокъ ни въ этомъ разсказѣ, ни въ письмѣ самого о. Макарія.

²⁾ Этими выписками изъ писемъ архим. Макарія опровергаются и другія догадки о началѣ переводческой его дѣятельности—относившія его то къ 1824 г. (Орлов. Еп. Вѣд. 1892, 1549), то къ глиньскому періоду (Прот. Путинцевъ, „Алтай“, 1891, 53).

довъ—переводъ кн. Иова, снабженный примѣчаніями, „которые назначены подавать читателямъ только самую краткую, скорую и необходимую помощь“, а въ слѣдующемъ году—книгу Исаи пророка, въ комиссію духовныхъ училищъ, для напечатанія ихъ „въ общую пользу церкви... въ особенности для употребленія между учащими и учащимися въ церковныхъ училищахъ“ („Письма“, №№ 72 и 73). Но рецензентъ этихъ переводовъ, профессоръ еврейскаго языка въ духовной академіи прот. И. Ивановъ не похвалилъ ихъ. Отзывъ его о переводѣ кн. Иова, послѣдовавшій въ 1838 г., приведенъ нами выше. О книгѣ же Исаи онъ высказался только въ 1843 г. Онъ нашелъ, что „переложеніе смысла подлинника сдѣлано большею частию правильно, но по отношенію къ языку требуется значительное исправленіе, такъ какъ встрѣчаются мѣста, изложенныя не ясно, растянуто, не гладко, слаботонно“. Черезъ оберъ-прокурора этотъ отзывъ поступилъ въ св. синодъ, который постановилъ отдать переводъ книги Исаи въ архивъ св. синода¹⁾. Затѣмъ мы знаемъ, что въ концѣ 1840 г. архим. Макарій представилъ въ св. синодъ исправленные подъ влияніемъ Г. П. Павскаго переводы тѣхъ же книгъ, за что и выдержалъ эпитимію при томскомъ архіерейскомъ домѣ. Но архим. Макарій не прекратилъ дѣла. Продолжая переводить пророковъ, онъ по временамъ возвращался къ переведеннымъ уже книгамъ и опять ихъ исправлялъ и снабжалъ новыми примѣчаніями. Поводами къ тому были то приобрѣтеніе какого нибудь неизвѣстнаго ему изданія Библии или комментаріевъ на нее какихъ либо изъ заграничныхъ ученыхъ²⁾, то встрѣча съ знатокомъ языковъ, то необходимость проверить изготавлявшіяся копии переводовъ. Но, какъ мы видѣли, при жизни о. Макарія не удалось ничего напечатать изъ его работы. Послѣ его кончины копии переводовъ распространялись среди его почитателей, пока въ отношеніяхъ русскаго правительства не произошло поворота въ возрѣніяхъ на русскую Библию. Это произошло чрезъ десять лѣтъ послѣ его смерти. Въ 1857 г. св. синодъ, по предложенію м. Филарета московскаго, постановилъ издать русскій переводъ Библии, а въ 1877 вышла такая Библия *по благословенію св. синода*. Но предварительно были изданы въ духовныхъ журналахъ работы разныхъ частныхъ переводчиковъ, въ томъ числѣ архим. Макарія,—какъ бы во исполненіе его же мысли о томъ. Его переводы—пророковъ, Иова, Пѣсни Пѣсней, Экклезіаста, Прит-

¹⁾ Тамъ онъ и хранится. Рукопись же перевода кн. Иова находится въ архивѣ комиссіи за № 5356. П. Птоховъ, 136—139.

²⁾ При переводахъ книгъ Иова и Исаи архим. Макарій пользовался „ученостью Розенмюллера (новѣйшаго ориенталиста германскаго)“, но „не послѣдовалъ его жалкой невѣрности“. Послѣ—руководился примѣчаніями къ французской Библии Остервальда.

чей Соломоновыхъ, Пятокнижія Моисеева, Судей, четырехъ книгъ Царствъ, книги Руевъ, двухъ книгъ Паралипоменонъ, второй книги Эздры, книги Нееміи, Есеири, первой и второй книгъ Маккавейскихъ—были напечатаны въ Православномъ обзорѣни 1860—1867 годовъ. Трудно сказать, окончательная ли редакція переводовъ была здѣсь издана. Извѣстно только, что здѣсь напечатаны не всѣ примѣчанія, какія сдѣланы авторомъ. Это можно утверждать, напр., касательно кн. Іова, одна изъ редакцій которой находится въ Императорской публичной библіотекѣ ¹⁾.

Что касается качества перевода архим. Макарія, то, по замѣчанію архіеп. Филарета черниговскаго, онъ вѣренъ еврейскому тексту и языкъ его чистый и приличный предмету ²⁾. На него, правда, оказалъ вліяніе переводъ прот. Павскаго, за которымъ онъ слѣдовалъ, впрочемъ, по собственному свидѣтельству „какъ ученикъ, а не какъ невольникъ“. И близость его къ послѣднему такъ велика, что относительно нѣкоторыхъ мѣстъ можно сказать, что „отступленія отъ перевода Г. П. Павскаго состояли большею частію въ замѣнѣ однихъ словъ другими“ ³⁾.

11. *Алфавитъ библіи*, написанный архим. Макаріемъ по возвращеніи изъ Петербурга, состоитъ изъ четырехъ главъ: а) о свящ. писаніи, какъ источникѣ христіанскаго вѣроученія, б) о Богѣ самомъ въ себѣ, в) о паденіи человѣка, искупленіи его, объ единствѣ и тринности Божіихъ, и г) о воплощеніи, смерти и вознесеніи І. Христа на небо, объ условіяхъ оправданія и спасенія людей, о всеобщемъ воскресеніи и будущей жизни. Всѣ эти пункты христіанскаго ученія изложены въ формѣ текстовъ свящ. писанія, расположенныхъ въ такомъ порядкѣ, „что въ совокупности ихъ можно видѣть цѣлый составъ животворящихъ истинъ христіанскаго откровенія“. Этотъ трудъ о. Макарій совершилъ, когда стало ясно, что ему не добиться полнаго изданія Библіи на русскомъ языкѣ. Взамѣнъ ея онъ и рѣшилъ издать на немъ хотя отдѣльные тексты, расположивъ ихъ въ системѣ, — на пользу какъ новокрещеннымъ, такъ и всѣмъ христіанамъ. Не надѣясь на сочувствіе духовной власти, архим. Макарій просилъ о напечатаніи „Алфавита“ московскаго генераль-губернатора кн. Д. В. Голицына, который въ бытность его въ Москвѣ обнаружилъ интересъ къ алтайской миссіи и былъ во главѣ жертвователей на нее („Письма“, №№ 79, 80). Но кн. Голи-

¹⁾ Вычковъ И. А. Каталогъ собранія рукописей П. И. Саввантова, нынѣ принадлежащихъ Императорской публичной библіотекѣ, вып. 1, 1900 г., 4.

²⁾ Обзоръ русской дух. литературы, изд. 3 (1884), стр. 470.

³⁾ П. Птосовъ, 162. Сличеніе обоихъ переводовъ произведено въ той же статьѣ И. Чистовича въ „Христ. Чтеніи“ 1873, III.

цнѣ отослалъ „Алфавитъ“ синодальному оберъ-прокурору, гр. Протасову, а этотъ передалъ его для отзыва ректору петербургской академіи, еп. Аванасію. Послѣдній же 30 сент. 1842 г. нашелъ, во-1-хъ, что въ „Алфавитѣ Библии“ нѣтъ истинъ вѣры, основанныхъ на свящ. преданіи, во 2-хъ, что многія мѣста В. Завѣта приведены по тексту русскому, который православной російской церкви вовсе неизвѣстенъ, въ 3-хъ, что нѣкоторые мѣста свящ. писанія приведены безъ объясненія и могутъ ввести читающаго въ заблужденіе и соблазнъ и т. п. ¹⁾ За этимъ отзывомъ и послѣдовалъ приведенный выше приговоръ св. синода. Интересно, что „Алфавитъ“ не понравился и м. Филарету московскому, который тогда же писалъ Виталию, еп. дмитровскому: „Алфавитъ библейскій, сколько вижу въ скорости, не подаетъ о себѣ высокаго мнѣнія. Книга не представляетъ расположенія предметовъ правильнаго и удобнаго къ употребленію и назиданію. Тексты кажутся собранными въ кучу изъ разныхъ мѣстъ, а не разобранными по предметамъ ученія и размышленія. Но главная бѣда та, что литографированный переводъ ветхозавѣтныхъ книгъ ожесточилъ ревность противъ всякаго перевода свящ. писанія на русское нарѣчіе. Нѣтъ ни малѣйшей надежды, чтобы позволили напечатать сей Алфавитъ“ ²⁾. Ненапечатаннымъ онъ остается и доселѣ. Хранится онъ въ архивѣ св. синода.

12. *Начальное ученіе челоѣкомъ хотящимъ учиться книгъ Божественнаго Писанія.* Это произведеніе пера архим. Макарія, оставшееся тоже въ рукописи, хранящейся въ московской епархіальной библиотекѣ, имѣетъ учебный характеръ. Состоитъ оно изъ двухъ частей: а) русской и славянской азбукъ и б) чтеній изъ священнаго писанія въ русскомъ переводѣ и нѣкоторыхъ молитвъ церковныхъ. Кромѣ того, здѣсь въ текстахъ, извлеченныхъ изъ книгъ св. писанія, изложены основанія христіанскаго ученія о богопознаніи и богопочитаніи. Составленіе этой книжки вызвано недовольствомъ архим. Макарія существовавшими до него первоначальными учебниками. Препровождая ее 29 дек. 1841 г. (изъ Томска) м. Филарету съ просьбой о напечатаніи на счетъ свой и благотворителей московскихъ, о. Макарій писалъ о „благопотребности“ и необходимости ея „для успѣховъ служенія миссіи“. „Одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ, составляющихъ службу миссіи, есть обученіе новокрещенныхъ инородцевъ грамотѣ не только природныхъ нарѣчій ихъ, но и славянской и русской, потому что они призваны участвовать въ общественномъ бо-

¹⁾ Отзывъ еп. Аванасія (Дроздова) полностью напечатанъ Чистовичемъ въ „Христ. Чтенія“, 1872, III, 44—47.

²⁾ *Итоховъ*, 186. Ср. выше приведенный отзывъ м. Филарета объ Алфавитѣ въ письмѣ къ самому о. Макарію (Письма м. Филарета, 133).

гослуженіи нашей церкви, совершаемомъ на славянскомъ языкѣ, и потому что вошедши въ общеніе съ народомъ русскимъ въ единой вѣрѣ, для лучшаго познанія сей спасительной вѣры они должны искать общенія съ нимъ въ самомъ языкѣ русскомъ, и изучать сей живой языкъ, на которомъ, по милости Божіей, имѣетъ церковь наша уже Новый Заветъ и нѣкоторыя изъ священныхъ книгъ Ветхаго“ (стр. 151 и № 66). Отвѣтъ м. Филарета извѣстенъ.

13. *Нѣсколько словъ покойнаго архим. Макарія, начальника алтайской церковной миссіи* (Москва. 1854). Въ составъ этой книжки вошли три слова его, впервые напечатанныя въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отецъ“ за 1848 г. (на новый годъ ¹⁾, на 29 авг. и 21 ноября), одно—напечатанное въ томъ же журналѣ за 1851 г. (на освященіе храма въ с. Енисейскомъ), и пять другихъ словъ: на 8 сент., по освященіи храма, на освященіе храма въ с. Салтонскомъ (на Алтаѣ), по освященіи храма Срѣтенія Господня въ костромскомъ богоявленскомъ монастырѣ, къ костромскимъ гражданамъ о вспоможеніи къ обновленію молитвеннаго дома и устроенію храма. Думаютъ, что объ этомъ именно сборникѣ въ 1853 г. м. Филаретъ писалъ тверскому преосв. Алексію: „...какую проповѣдь о. Макарія напечатать, разсудите съ добрымъ совѣтомъ. Сколько помню, я встрѣчалъ въ нихъ доброе по частямъ, но цѣлой не представлялось, которую прямо указалъ бы для вашего изданія“ ²⁾. Изъ другихъ проповѣдей и поученій архим. Макарія издано только „Оглашеніе алтайцевъ“ („Миссіонеръ“, 1875, № 19, и многократно послѣ того).

Между тѣмъ, было много и другихъ проповѣдей архим. Макарія, написанныхъ имъ. Таковы говоренныя имъ въ Смоленскѣ по должности учителя, въ Екатеринославѣ—по порученію архіеп. Іова, въ Костромѣ ³⁾ и въ другихъ мѣстахъ ⁴⁾. Но еще больше поученій произнесено было о. Макаріемъ экспромптомъ и не было записано. По разсказу квакеровъ, посѣтившихъ о. Макарія въ Екатеринославѣ, „у него сначала было обыкновеніе готовить свои проповѣди тщательно

¹⁾ Оно вновь напечатано въ „Томскихъ епарх. вѣд.“, 1892, № 21, какъ слово, произнесенное 1 янв. 1836 г. въ томскомъ благовѣщенскомъ соборѣ.

²⁾ *Филимоновъ*, 94. 95.

³⁾ Какія-то свои „рѣчи надгробныя“ о. Макарій послалъ „въ гостинецъ“ о. Илюдору („Письма“, 91).

⁴⁾ Нѣкоторыя изъ нихъ, по свидѣтельству о. Иліи Ливанскаго, вошли въ составъ гомилетическаго сборника, оставшагося послѣ кончины о. Макарія. Здѣсь они помѣщены наряду съ чужими поученіями, начиная съ вселенскихъ отцовъ и кончая св. Тихономъ Задонскимъ и Платономъ, м. московскимъ („Архим. Макарій Глухаревъ, основатель алтайской миссіи. Къ свѣдѣніямъ о его личности и къ матеріаламъ для его жизнеописанія“. Орелъ. 1895).

и усердно; но разъ на кафедрѣ ему самому показалось, что онъ говоритъ такъ сухо и безжизненно, что языкъ отказался продолжать и онъ принужденъ былъ остановиться. Съ тѣхъ поръ, выходя на кафедру, онъ возлагалъ все свое упованіе на Бога и говорилъ проповѣдь безъ приготовленія¹⁾.

Но и помимо храма архим. Макарій много проповѣдывалъ: многія его бесѣды съ людьми при частныхъ встрѣчахъ и письма даже являются поученіями о вѣковѣчныхъ истинахъ. По свидѣтельству же одной его почитательницы, онъ не сказалъ ни одного слова неспасительнаго²⁾. Вообще это былъ человѣкъ съ природными проповѣдническими талантомъ и призваніемъ. По словамъ Д. Θ. Голубинскаго, онъ „обладалъ необыкновеннымъ даромъ слова: рѣчь его была исполнена назиданія, онъ удивительнымъ образомъ умѣлъ приспособляться къ состоянію человѣка, даже малыя дѣти хорошо понимали и долго помнили обращенныя къ нимъ слова“³⁾. Своими проповѣдями о. Макарій „то потрясалъ душу грѣшника до глубокаго раскаянія, то възгрѣвалъ въ ожесточенномъ сердцѣ сладкую божественную любовь, то возжигалъ въ отчаянномъ сердцѣ лучъ надежды“. Слово его было такъ живо и дѣйственно, что и по прошествіи десятковъ лѣтъ люди, слышавшіе его, проникались чувствами проповѣдника⁴⁾...

14. *Письма*. Мысль о изданіи писемъ архим. Макарія возникла, повидимому, у свящ. Н. Д. Лаврова, который и выпустилъ въ 1851 г. первую книжку „Писемъ покойнаго миссіонера архим. Макарія, бывшаго начальникомъ алтайской миссіи“. Въ нее вошло 52 письма его къ Е. Θ. Непряхиной и 14 къ кн. Трубецкимъ—внучкѣ (13) и бабушкѣ (1). Приостановка въ изданіи слѣдующихъ книжекъ объясняется, повидимому, неблагоклоннымъ отношеніемъ къ „Письмамъ“ духовныхъ властей, о чемъ узнаемъ изъ писемъ Непряхиной къ Софіи Вальмонъ отъ 27 февр. 1853 г. и 30 дек. 1854 г. Въ первомъ она пишетъ: „Вотъ какъ, и ко мнѣ въ Батюшкиныхъ письмахъ нашли ересь, а ни Батюшка, ни я и въ помыслѣ не имѣли ничего схожаго съ этимъ обвиненіемъ. Тутъ вотъ что выходитъ почасту, кто въ какіе очки смотритъ, тому такъ и представляется; въ синихъ синее, а въ зеленыхъ все

¹⁾ „Русская Старина“, 1874, I, 32—34.

²⁾ Имѣемъ, правда, другое свидѣтельство—его келейника: „У него была привычка, когда слѣзается нездоровъ, ходить по комнатѣ и рассказывать какой-нибудь смѣшной анекдотъ (изъ жизни Суворова или другихъ полководцевъ и царей) и тѣмъ облегчать свою болѣзнь“ (А. А. Орловъ, „Записки“, 43.

³⁾ „Душеп. Чтеніе“, 1890, III, 552.

⁴⁾ *Пясецкій*, Историческіе очерки г. Болхова и его святыни (Орель, 1875), 14. 15.

кажется зеленымъ; лучше бы имѣть око простое и подражать и благоговѣть предъ тѣмъ чистымъ и свѣтлымъ умомъ и тѣмъ любви Христовой исполненнымъ сердцемъ, которые сии строки передали бумагѣ. Но Богъ съ ними, намъ же да поможетъ Господь въ сердцѣ хранить и дѣломъ исполнять его ученіе и наслѣдовать духъ его,—духъ ревности и любви къ Господу и ради Господа къ меньшей братіи его“. Во второмъ письмѣ она сѣтовала: „Жалко и грустно мнѣ, что такое мнѣніе св. синодъ заключилъ о письмахъ Батюшки, что о. Николай столько теперь затратилъ денегъ, которыхъ и воротить не предвидится... Благодѣтели и знакомые Батюшки почти всѣ разлетѣлись. Господь—помощникъ въ правомъ дѣлѣ; можетъ быть и поножитъ по сердцу враждующимъ къ Батюшкѣ измѣнить свои мнѣнія“.

Мнѣнія дѣйствительно измѣнились, и въ 1860 г. появились двѣ части „Писемъ покойнаго миссіонера архимандрита Макарія“, въ которыя вошли 175 писемъ его къ 20 разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ къ тѣмъ же Непряхиной и Трубецкимъ. Уже въ первомъ изданіи было сдѣлано немало опущеній и сокращеній,—еще больше ихъ во второмъ. Карандашъ издателя вычеркивалъ изъ оригиналовъ цѣлыя страницы и почти всюду скрылъ собственныя имена подъ покровомъ заглавныхъ буквъ. Опущена была имъ часть автобиографическихъ показаній о Макаріи и данныхъ объ его миссіонерской дѣятельности и всѣ сообщенія о ходѣ его работъ по переводу Библии на русскій языкъ. Издатель какъ будто руководился исключительно назидательными цѣлями, а историческій и психологическій интересъ его не затрогивалъ. Къ изданію приложены были два факсимиле—письма архим. Макарія и его предсмертнаго стихотворенія, но оно не снабжено было ни указателемъ, ни оглавленіемъ. Точно также и новое томское изданіе „Писемъ“ (1903 г.), ограничившееся только перепечаткой 1-го тома изданія 1860 г., не дало личнаго указателя и даже не раскрыло инициаловъ, большинство которыхъ раскрыто уже въ литературѣ объ архим. Макаріѣ, почему и оглавленіе къ „Письмамъ“ представляетъ изъ себя какъ бы одинъ алфавитъ... Между тѣмъ, начиная съ 1860 г., въ разныхъ журналахъ стали появляться письма архим. Макарія къ тѣмъ или другимъ лицамъ, преимущественно по вопросамъ, касающимся перевода Библии на русскій языкъ. Изъ журналовъ назовемъ „Странникъ“, „Христіанское чтеніе“, „Прибавленія къ Твореніямъ св. отцевъ“, „Душеполезное чтеніе“, „Чтенія въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей русскіихъ“, „Православное обозрѣніе“, „Московскія церковныя вѣдомости“, „Епархіальныя вѣдомости—Томскія, Иркутскія и Тобольскія“, „Православный благовѣстникъ“. Уже эта разбросанность писемъ, не вошедшихъ въ изданіе 1860 г., намѣчала для новаго изданія задачу—собрать ихъ въ одно. Къ этому присоединилось обнаруженіе въ бу-

магахъ, оставшихся послѣ кончины казанскаго архіеп. Владимира († 1897) и хранящихся въ библиотекѣ казанской духовной семинаріи, нѣсколькихъ десятковъ оригиналовъ писемъ о. Макарія и копій съ нихъ—частью напечатанныхъ уже, а частью неизданныхъ.

Новое, казанское изданіе „Писемъ архим. Макарія Глухарева“ (1905 г.) заключаетъ въ себѣ 305 нумеровъ. Изъ нихъ 93 напечатаны впервые—по оригиналамъ или копіямъ съ нихъ, остальные перепечатаны изъ изданій 1851 и 1860 гг., и періодическихъ изданій, причѣмъ 57 изъ нихъ—съ дополненіями изъ подлинниковъ ¹⁾. Изданныя теперь письма адресованы къ 64 учрежденіямъ и лицамъ. Къ сожалѣнію, не все написанное къ нимъ сохранилось и издано. Такъ, изъ писемъ къ м. Филарету напечатано только 6, тогда какъ ихъ, судя по отвѣтнымъ письмамъ митрополита (25), должно быть не меньше 20—30. Объясняется это тѣмъ, что Филаретъ обычно сожигалъ частныя письма, давши на нихъ отвѣтъ ²⁾... Точно также и другіе корреспонденты архим. Макарія представили первому издателю ихъ далеко не все полученное отъ него. Съ другой стороны по перепискѣ о. Макарія можно установить свыше 50 корреспондентовъ, письма его къ которымъ совсѣмъ не попали въ печать и неизвѣстно, сохранились ли даже.

Составъ лицъ, къ которымъ писалъ архим. Макарій,—самый разнообразный: государь императоръ, м. Филаретъ и другіе святители и духовныя лица, монахи, московскій генералъ-губернаторъ, представители аристократіи и вообще дворянства, купцы, незвѣстнаго званія люди, наконецъ родные. Но кому бы ни писалъ архим. Макарій и о чемъ бы ни говорилъ, рѣчь его всегда почти сводилась къ поученію или велась въ такомъ возвышенномъ духѣ, что могла сойти за него... „Письма его, замѣчаетъ Д. Д. Филимоновъ, представляютъ много интереснаго и столько поучительнаго, что стоятъ проповѣдей, отличаясь при томъ прекраснымъ языкомъ“. „Привѣтствуетъ ли онъ кого по случаю радостнаго семейнаго событія или предлагаетъ слова утѣшенія въ горестномъ, онъ постоянно въ основаніе своихъ мыслей приводитъ св. писаніе и писаніе св. отцовъ и такъ послѣдовательно развиваетъ свои мысли, что не знаешь, чему удивиться: богатству ли и глубинѣ его мыслей, необыкновенной ли эрудиціи его? И все такъ просто, безъ малѣйшаго поползновенія блеснуть краснорѣчіемъ, что письма его читаются и перечтываются съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе еще, что онъ

¹⁾ Считаю необходимымъ отмѣтить, что въ новое изданіе писемъ архим. Макарія не вошло письмо его преосв. Афанасію Томскому отъ 30 дек. 1843 г., напечатанное въ Домашней Вестнѣ за 1868 г., 957—958,—съ рекомендаціей Ст. В. Ландышева, какъ преемника по управленію миссіей.

²⁾ Письма м. Филарета къ архим. Антонію, I, 182. Письма къ А. Н. Муравьеву, №№ 240, 261.

никогда не повторяетъ, т. е. не приводитъ однихъ и тѣхъ же мыслей или выраженій, хотя бы событіе или предметъ рѣчи, ихъ вызвавшіе, были схожи“ (о. с., 76, 78).

Назидательный характеръ писемъ архим. Макарія обусловливался преимущественно его проповѣдническимъ призваніемъ и глубокимъ знакомствомъ съ Библіей и свято-отеческой литературой ¹⁾. Но тому же служила его широкая начитанность въ литературѣ вообще, какъ древней, такъ и новой, и богатый внутренній опытъ,—опытъ челоуѣка, всю жизнь изучавшаго свою душу и приводившаго ее къ гармонію съ Божествомъ. Въ виду послѣдняго новѣйшее изданіе писемъ о. Макарія является не только назидательной книгой, но и богатымъ источникомъ для характеристики и біографіи автора. Не менѣе богатымъ источникомъ служить оно и для исторіи алтайской миссіи.

15. *Переводы на алтайскія нарѣчія*. Послѣ архим. Макарія на Алтаѣ остались „громадныя тетради переводовъ“ его на разныя алтайскія нарѣчія, преимущественно телеутское ²⁾. Именно имъ и при немъ были переведены, какъ уже сказано выше, почти все Евангеліе, все 1 посланіе Іоанна, многія мѣста изъ другихъ посланій и Дѣяній апостольскихъ, многіе псалмы, избранныя мѣста изъ другихъ ветхозавѣтныхъ книгъ, краткій катихизисъ съ символомъ вѣры и 10 заповѣдами, краткая свящ. исторія, краткія молитвы, огласительное поученіе, исповѣдь и вопросы при крещеніи. Эти труды послужили основаніемъ дальнѣйшей переводческой дѣятельности алтайской миссіи.

16. *Лексиконъ алтайскихъ нарѣчій*, заключающій въ себѣ ок. 3000 словъ и выраженій.

17. *Телеутская грамматика*. О ней есть неопредѣленное свидѣтельство въ письмахъ архим. Макарія. Представляя въ 1841 г. м. Филарету свое „Начальное ученіе“, онъ писалъ, что „миссія приготовляетъ уже для представленія церковному начальству сообразную сей славянской и русской азбукѣ азбуку на телеутскомъ нарѣчій, которое въ близкомъ сродствѣ со всѣми другими нарѣчіями здѣшнихъ инородцевъ“ (151). Но не видно ни того, была ли это азбука телеутскаго нарѣчія или по-телеутски изложенная азбука русскаго языка,

¹⁾ Архим. Макарій ссылается въ письмахъ кромѣ книгъ свящ. писанія на творенія слѣдующихъ отцовъ церкви: Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, блаж. Августина и Амвросія медиоланскаго, Діонисія ареопагита, св. Исаака, Петра Дамаскина, преп. Автолія, Никифора, Нила, Касіана, Нила Сорскаго.

²⁾ Миссіонеръ, 1875, № 16: В. Вербицкій, «Начало алтайской миссіи». Въ 1841 г. о. Макарій послалъ въ Кузнецкъ Ананьину нѣсколько писанныхъ начерно и еще не выправленныхъ тетрадей перевода Евангелія Маттея съ русскаго языка на одно изъ алтайскихъ нарѣчій, перевода, сдѣланнаго еще въ первые годы его миссіонерской службы („Письма“, 311).

ни того, была ли она закончена. Впоследствии при составлении алтайской грамматики об этомъ трудѣ не упоминалось.

18. Находясь на Алтаѣ, архим. Макарій составлялъ какой-то литературный сборникъ назидательнаго характера. Помогали ему въ этомъ смотритель кузнецкаго уѣзднаго училища Н. И. Ананьинъ и учитель А. А. Калмаковъ. Изъ писемъ къ нимъ о. Макарія мы и узнаемъ объ этой работѣ. Въ письмѣ къ первому отъ 30 сент. 1835 г. читаемъ: „Прилагаемые стихи и прозаическія выписки покорнѣйше прошу Александра Алексѣевича (Калмакова) внести въ мой сборникъ. Назначены туда же изъ Друга Юн. *Письма о присутствіи Божіемъ*; но прочитайте эти письма, сдѣлайте милость; и есть ли, по свидѣтельству сердца и разсужденія вашего, чтеніе ихъ вводитъ въ дѣйствительное чувство присутствія Божія, то пусть онѣ въ сборникъ войдутъ, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ говорится о нѣкоторой книгѣ, содержащей ученіе такъ же о *присутствіи Б.*, и которой я не получалъ отъ сочинителя. Если же въ этихъ письмахъ млеко разведенное водою; то оставьте ихъ въ покоѣ“. 8 дек. слѣдующаго года о. Макарій просилъ Ананьина „присмотрѣть за составленіемъ сборника, чтобы правописаніе было наблюденно, и не было нигдѣ ни прибавленій, ни пропусковъ, ни повтореній, ни измѣненій погрѣшительныхъ“, потому что безъ соблюденія этихъ условій не принесетъ ни Макарію, ни другимъ „пользы и утѣшенія“. Онъ предлагалъ Н. И.—чу повѣрить бумаги Калмакова, назначаемыя для сборника, когда тотъ сталъ бы читать свои копии, просматривать „записки и печатныя шесы, съ которыхъ копии сняты“. Самому же Калмакову архим. Макарій писалъ въ сент. 1835 г.: „Отъ Николая Ивановича получите все, что я теперь посылаю для внесенія въ сборникъ. Краткія мысли, какъ мнѣ кажется, не худо было бы разбросать десятками (примѣрно говоря), между статьями продолжительными“ (300, 302, 312, 313).

Судьба этого сборника неизвѣстна.

19. За то сохранился другой сборникъ о. Макарія, о которомъ упомянуто выше,—сборникъ святоотеческихъ и другихъ избранныхъ бесѣдъ, составляющихъ цѣлую строго-систематическую христоматию для катихизическаго ученія о вѣрѣ. Распадается онъ, кромѣ предисловія, на десять отдѣловъ: 1) О вѣрѣ. 2) Объ источникахъ богопознанія вообще. 3) О Богѣ, какъ главномъ и высочайшемъ предметѣ вѣры, или о существѣ Божіемъ. 4) О дѣлахъ Божіихъ. 5) О паденіи. 6) О возстановленіи человѣка. 7) О духѣ святомъ. 8) О церкви. 9) О таинствахъ. 10) О послѣдней судьбѣ человѣка и челоувѣчества. Всего здѣсь 143 бесѣды, принадлежащія слѣдующимъ отцамъ церкви: Игнатію Богоносцу, Иринею Ліонскому, Афанасію александрійскому, Кириллу іерусалимскому, Антонію в., Макарію Египетскому, Василію в., Григорію Богослову, Іоанну Златоусту, Ефрему Сирину, Григорію Двоеслову,

Иоанну Дамаскину, Андрею Критскому, Симеону Богослову, Илиі Миятію, изъ русскихъ—Димитрію Ростовскому, Стефану Яворскому, Теофану Прокоповичу, Тихону Задонскому, мм. Платону и Филарету московскому, Евгенію и Филарету кievскимъ, Михаилу и Григорію петербургскимъ ¹⁾).

20. Въ „Письмахъ“ архим. Макарія есть указаніе на дневникъ, который онъ велъ, и на тетради, куда онъ выписывалъ интересовавшія его мѣста изъ читаемыхъ книгъ, но ни тотъ, ни другая до насъ не дошли (стр. 299, 357).

21. Наконецъ, архим. Макарій трудился надъ переводами съ европейскихъ языковъ на русскій религиозно-нравственныхъ сочиненій. Въ 1837 г. онъ послалъ своей костромской знакомой. кн. Е. П. Трубецкой, *guide spirituel*, причемъ писалъ ей: „Тутъ вы найдете два сочиненія Терезы ²⁾, вновь переведенныя. Извольте прежде послѣднее, подъ названіемъ Elevations, переложить на русскій языкъ въ пользу бѣдныхъ между новокрещенными; пришлите ко мнѣ переводъ, а я, просмотрѣвъ, отошлю въ Петербургъ или въ Москву. Потомъ вы съ тѣмъ же намѣреніемъ займетесь переводомъ и прочихъ твореній, составляющихъ книжицу посылаемую“. Въ теченіе года кн. Трубецкая перевела три статьи, „соединяя съ точностію и вѣрностію свободу перевода“ („Письма“, 102, 106, 108), но что случилось съ ея работами—неизвѣстно. — Уѣзжал изъ Сибири, архим. Макарій оставилъ въ Тобольскѣ Непряхиной и ея друзьямъ-декабристамъ нѣсколько французскихъ книжекъ для перевода, между прочимъ сочиненія Паскаля и *Tristesse et Consolation*. Съ нѣмецкаго же Непряхина хотѣла перевести *Täglichen Unterhaltungen mit Gott in den Morgenstunden*. О Паскалѣ въ письмахъ Непряхиной имѣется рядъ свидѣтельствъ, что онъ переписывается, провѣряется, а въ 1851 г. она сообщила Софіи Вальмонъ, что онъ принятъ въ цензуру. Находясь въ Волховѣ, о. Макарій далъ порученіе какой-то Варварѣ Арк. Руничъ перевести съ англійскаго книжку гимновъ, „обильную чувствами души благочестивой“; далъ что-то переводить и самой Вальмонъ. Хотя судьба всѣхъ этихъ переводовъ неизвѣстна, заслуживаетъ уваженія самая мысль архим. Макарія обогащать скудную русскую духовную литературу лучшими произведеніями европейской, и умѣніе находить для того помощниковъ.

Такова была многосторонняя литературная дѣятельность, дополнявшая его практическую дѣятельность или, лучше сказать, объединявшаяся съ нею въ одною стремленію—воплотить на землѣ идею царства Божія...

Н. Харламовичъ.

¹⁾ *Ливанскій Илія*, свящ., Архим. Макарій Глухаревъ, 1895, 13 и слѣд.

²⁾ Св. Тереза, испанская писательница и поэтесса (1515—1582). Сочиненія ея переведены на многіе европейскіе языки.